

Графъ Р. Кейзерлингъ

Сибирь

МОСКВА.
Университетская типографія, Страстной бульваръ.
1900.

Сибирь

Изъ путевыхъ записокъ

графа Р. Кейзерлинга.

Съ 11-ю рисунками.

МОСКВА.
Университетская типогр., Страстной бульваръ.
1900.

Дозволено цензурой. Москва, 16 октября 1899 г.

I.

Владивостокъ.

Владивостокъ существуетъ съ 1860 г. Послѣ того, какъ туда была перенесена изъ Николаевска военная гавань, онъ быстро разроссся и сдѣлался самымъ большимъ портомъ и торговымъ городомъ сибирскихъ приморскихъ владѣній.

Положеніе города такъ же величественно, какъ и его названіе, которое значитъ *владѣтель Востока* и само указываетъ на цѣли русской политики на Дальнемъ Востокѣ.

Каждый, кто видѣлъ Владивостокъ, долженъ сказать, что это не только одинъ изъ лучшихъ портовъ, но и одна изъ самыхъ замѣчательныхъ въ мірѣ бухтъ. Защищенный островами отъ южныхъ вѣтровъ, городъ далеко раскинулся по длинному полуострову, раздѣляющему Амурскую и Уссурійскую морскія бухты. Горы, обильно покрытыя растительностью, окружаютъ прозрачныя зеленыя воды и представляютъ несравненно

чудный видъ. Живописно возвышаются среди дикихъ скалъ и растеній различныя строенія разнородныхъ обитателей города.

Былъ на рѣдкость солнечный лѣтній день, когда мы въѣхали въ гавань. Я говорю, «на рѣдкость солнечный», потому что гавань въ продолженіе всего лѣта бываетъ окутана туманомъ. Только въ сентябрѣ солнце вступаетъ въ свои права, но въ концѣ октября снова ихъ теряетъ.

Владивостокъ лежитъ на 43° сѣверной широты, слѣдовательно, еще нѣсколько южнѣе Флоренціи. Зимою термометръ опускается до—30°С. Въ сентябрѣ, вслѣдствіе вліянія морского тумана, температура бываетъ значительно ниже, чѣмъ въ европейскихъ мѣстностяхъ па той же широтѣ. Лишь по ту сторону горъ, тянущихся вдоль береговъ Японскаго моря, замѣчается въ лѣтніе мѣсяцы южное положеніе степи Ханка и Уссурійскаго края, хотя зимою и тамъ бываютъ сильные морозы.

Своимъ мѣстоположеніемъ Владивостокъ, какъ уже сказано, производитъ на пріѣзжаго, въ особенности когда этотъ послѣдній находится еще на палубѣ судна, самое лучшее впечатлѣніе. Намъ пришлось довольно долго

пользоваться этимъ удобнымъ случаемъ, потому что, когда мы направились внутрь гавани, на старомъ сторожевомъ суднѣ вдругъ былъ поднятъ тревожный желтый флагъ и раздалась команда «стой!» Волей неволей капитану пришлось остановить пароходъ и бросить якорь. Со сторожевого судна отдѣлилась лодка, которая вскорѣ остановилась возлѣ насъ. Изъ нея вышли морякъ — лейтенантъ, врачъ и два солдата пѣхотинца, изъ которыхъ одинъ сейчасъ же былъ поставленъ часовымъ на палубѣ. Офицеръ объявилъ, что мы должны предварительно выдержать карантинъ.

На четвертый день, рано утромъ, нами было получено извѣстіе, что мы можемъ причалить къ берегу. Пристани для насъ не было: только Добровольный Флотъ устроилъ себѣ таковую. Впрочемъ, казна, которой принадлежитъ почти вся прибрежная полоса, отказывала до сихъ поръ уступить часть ея частнымъ предпринимателямъ подъ устройство пристаней, а это обстоятельство тормозило развитіе торговли *).

---

*) Для облегченія выгрузки и нагрузки коммерческихъ судовъ во Владивостокѣ устраивается каменная набережная въ 220 саж. длины, стоимость которой

Чтобы добраться до берега, я нанялъ одну изъ плоскихъ китайскихъ лодокъ, называемыхъ ссампанами, которыя окружали нашъ пароходъ, помѣстился въ ней среди своихъ пожитокъ и черезъ нѣсколько минутъ выбрался на сушу. Тамъ было нѣсколько извозчиковъ, и одинъ изъ нихъ повезъ меня вверхъ, на главную улицу, въ гостиницу «Москва», гдѣ уходъ былъ хорошъ, комнаты болѣе или менѣе чисты и на кроватяхъ было чистое бѣлье, какое можно получить, и то лишь по требованію, только въ первоклассныхъ гостиницахъ Москвы.

Владивостокъ имѣлъ тогда около 20.000 жителей *), бо́льшую часть которыхъ, послѣ

утверждена Комитетомъ Сибирской желѣзной дороги въ 1.327.000 руб. (См. Отчетъ по Комитету Сибирской жел. дороги за 1893—1897 гг.

Примѣч. перевод.

*) Число жителей той части Приморской области, которая граничитъ съ Амуромъ и Уссури, считается до 100.000. Кромѣ Русскихъ, здѣсь живутъ 13.000 Корейцевъ, 10.000 (?) Китайцевъ и 8.000 туземцевъ (Голды, Орочоны, Гиляки).

Число жителей во Владивостокѣ по переписи 1897 г. опредѣлилось въ 28.896 человѣкъ (24.361 мужчинъ и 4.535 женщинъ). Число жителей въ Приморской области по той же переписи, оказалось 214 940 (мужчинъ 147.669 и женщинъ 67.271).

того, какъ гарнизонъ въ продолженіе последнихъ лѣтъ получилъ значительное подкрѣпленіе, составляли Русскіе. Въ низшихъ слояхъ число Китайцевъ, Корейцевъ и Японцевъ превышаетъ число мѣщанскаго населенія.

Мелкая торговля почти исключительно перешла въ руки Китайцевъ. Между прочимъ, три китайскіе купца были зачислены въ первую гильдію, и многое говоритъ за то, что число ихъ въ нѣсколько лѣтъ значительно увеличится: прилежаніе, большая нетребовательность, честность и довѣріе —главныя, неоспоримыя качества Китайца, которыя дѣлаютъ изъ него опаснаго конкуррента бѣлому и даже Японцу. Если внимательно приглядѣться къ жизни на Дальнемъ Востокѣ, то окажется, что уже и теперь Японецъ вполнѣ сравнялся съ нами вездѣ, гдѣ онъ вступилъ въ борьбу съ Европой: на поприщѣ торговли и промышленности. Все же между европейскими купцами существуетъ мнѣніе, что Китаецъ гораздо честнѣе и надежнѣе Японца и потому имъ, какъ купцомъ, дорожать гораздо больше.

Во Владивостокѣ «манза»*) сумѣлъ сдѣлаться необходимымъ и играетъ значительную роль не только какъ купецъ и мелкій торговецъ, но и въ качествѣ работника на пристани, ремесленника, повара и слуги. Въ особенности какъ слуга, онъ для Европейца положительно незамѣнимъ.

Китайскій «бои» надеженъ и до невѣроятности способенъ. Въ продолженіе нѣсколько недѣль молодой Китаецъ, привезенный изъ Чифу, научивается примѣняться къ совершенно чуждой ему обстановкѣ. Рѣдко приходится показывать ему что-либо два раза. Даже къ чистоплотности можно пріучить его въ короткое время. Только одного онъ не оставитъ—азартной игры. Китайцы предаются ей болѣе всѣхъ прочихъ націй. Въ Китаѣ ежедневно можно видѣть, какъ проигрываются даже жизненные припасы. Бѣднякъ, зарабатывающій въ день только нѣсколько мѣдныхъ монетъ, рѣдко устоитъ отъ искушенія, въ которое его заманиваетъ маленькимъ слиткомъ золота какой-нибудь торговецъ фруктами. Если

*) Такъ называютъ обыкновенно въ Сибири Китайцевъ и Манчжуръ. Слово это происходитъ отъ китайскаго „Мандъ-зе“.

онъ проиграетъ свой дневной заработокъ, то старается проспать свой голодъ.

Большинство Китайцевъ пребываетъ въ Сибири только до тѣхъ поръ, пока имъ удастся пріобрѣсти небольшой капиталъ. Китаянокъ, можно сказать, въ Сибири почти совсѣмъ нѣтъ. Китайцы, живущіе тамъ болѣе продолжительное время, привозятъ себѣ женъ изъ Манчжуріи или остаются холостяками. Они составляютъ худшую часть желтокожаго населенія и, надо полагать, у нихъ имѣются основательныя причины не показываться болѣе у себя на родинѣ.

Въ двухъ родахъ занятій Китаецъ во Владивостокѣ не принимаетъ участія: онъ не бываетъ ни извозчикомъ, ни носильщикомъ. Первое безусловно принадлежитъ Русскому, второе—Корейцу. Послѣдній вездѣ въ городѣ предлагаетъ вамъ свои услуги. Его уже издали можно узнать по его высокой, черной шляпѣ.

Японецъ также составляетъ принадлежность повседневной жизни портоваго города. Торопливо онъ шагаетъ по улицамъ и встрѣчаетъ васъ, какъ и вездѣ, въ высшей степени вѣжливо и съ плутоватой улыбкой. Онъ не оставилъ у себя на родинѣ прекра-

снаго пола. Японскія дамочки встрѣчаются часто, преимущественно въ отдаленныхъ частяхъ города. Мелко шагая, онѣ весело болтаютъ и граціозно обмахиваются вѣерами.

Хотя въ одеждѣ и внутреннемъ устройствѣ своихъ жилищъ представители разныхъ народностей остались вѣрны обычаямъ своей родины, наружный видъ построекъ показываетъ, что мы находимся въ Россіи.

Во Владивостокѣ преобладаютъ деревянные дома и только нѣсколько массивныхъ строеній возвышаются надъ одноэтажными зданіями. Самое нарядное изъ нихъ торговый домъ нѣмецкой фирмы «Кунстъ и Альберсъ». Издали видно обширное зданіе на берегу, возлѣ главной улицы. Далеко въ бухту льются ночью лучи электрическаго свѣта, который въ Сибири былъ примѣненъ здѣсь впервые.

На Дальнемъ Востокѣ знакомятся скорѣе, нежели у насъ. Кругъ постоянныхъ жителей, ежедневно собирающихся въ лучшихъ ресторанахъ Владивостока, имѣетъ свободный видъ. Костюмы и манеры не оставляютъ желать ничего лучшаго. Также и степень развитія въ среднемъ не такъ низка, потому что, если кто-нибудь изъ нихъ недостаточно

Свѣдѣніе о приходѣ судовъ и привозѣ товаровъ во Владивостокъ представляютъ слѣдующія таблицы; числа въ скобкахъ обозначаютъ парусныя суда.

Національность судовъ.	1893 г.		1894 г.		1895 г.	
	Число.	Регистр. тоннъ.	Число.	Регистр. тоннъ.	Число.	Регистр. тоннъ.
Россія	45	49.533	51	60.300	59	74.563
Германскія ...	35	29.015	55	40.165	(1) 52	39.088
Японія......	22	24.577	16	20.097	7	8.420
Англія.	17	21.233	13	18.537	26	42.900
Норвегія	15	11.157	(1) 8	8.372	(2) 19	23.804
Америка.....	(3)	1.113	(1)	1.524	(4)	2.336
Франція.....	—	—	—	—	1	2 937
Итого...	136	134.864	144	148.995	144	194.087

Происхожденіе товаровъ.	1893 г.	1894 г.	1895 г.
	Число тоннъ.	Число тоннъ.	Число тоннъ.
Россія	32.695	49.324	107.576
Японія и Китай (включая транзитъ)	25.128	38.846	52.206
Сибирскіе порты.	14.315	12.088	12.620
Германія	5.555	4.583	4.210
Великобританія . .	2.863	6.906	8.912
Санъ-Франциско .	1.273	2.031	3.158
Корея	—	—	693
Итого...	81.829	113.871	189.375

образованъ, то взамѣнъ книжной премудрости щедро вознагражденъ жизненнымъ опытомъ.

Разговоръ съ такими людьми никогда не бываетъ скученъ. Торговля, пароходство, поиски золота, охота за пушнымъ звѣремъ, рыболовство и другія предпріятія, доставляютъ неисчерпаемыя темы для разговора. Кругозоръ каждаго широкъ, односторонность или неразвитость составляютъ рѣдкое явленіе. Одинъ проѣхалъ моря, другой прошелъ глухія дебри и большинство охотно передаетъ изъ своей жизни или изъ жизни близкаго эпизоды, которые могли бы служить прекраснымъ матеріаломъ для захватывающихъ разсказовъ Купера.

Между прочимъ я познакомился съ однимъ маленькимъ худымъ человѣчкомъ, который въ своихъ большихъ очкахъ имѣлъ видъ школьнаго учителя. Молчаливѣе другихъ онъ сидѣлъ въ нашемъ кружкѣ. Всякій, кто его не зналъ, могъ принять его за мало предпріимчиваго мѣщанина. Каково же было мое удивленіе, когда я узналъ потомъ, что я имѣлъ честь сидѣть возлѣ безстрашнаго манджурскаго охотника на тигровъ. По призванію морякъ, онъ послѣ многихъ лѣтъ плаванія поселился съ женой и ребенкомъ на

сибирско-манчжурской границѣ и, казалось, устроилъ себѣ беззаботное существованіе. Но однажды, возвратившись изъ дѣловой поѣздки, онъ нашелъ семью свою убитой, а домъ ограбленнымъ. Манчжурскіе разбойники напали на его хуторъ во время его отсутствія. Онъ погнался за ними съ однимъ другомъ, жившимъ съ нимъ по сосѣдству, догналъ ихъ и убилъ четырехъ. Остальные убѣжали. Но этимъ онъ не удовлетворилъ свою жажду мести. Манчжурскіе разбойники, называемые хунгузами, шатаются въ большомъ числѣ по Уссурійскому краю. На нихъ то капитанъ и обратилъ съ тѣхъ поръ свое вниманіе и, говорятъ, въ теченіе немногихъ лѣтъ убилъ ихъ 18. Въ то время достаточно было произнести его имя, чтобы на каждаго желтокожаго нагнать ужасъ.

Такъ же безстрашно, какъ къ хунгузамъ, онъ относился и къ тигру—царю сибирской глуши. Разсказывали, что однажды, стоя лицомъ къ лицу съ тигромъ, онъ прежде, чѣмъ убить его, предварительно вытеръ свои мокрые очки.

Въ то время, когда я съ нимъ познакомился, онъ уже вернулся къ своему прежнему призванію моряка и избыткомъ своей

энергіи воодушевлялъ своихъ матросовъ. Можно, конечно, предположить, что послѣдніе въ тѣхъ краяхъ не всегда состоятъ изъ хорошаго элемента, такъ что капитану часто приходится прибѣгать къ мѣрамъ строгости. Незадолго до моего пріѣзда команда нашего героя вздумала взбунтоваться. Одинъ изъ нихъ былъ посланъ депутатомъ въ каюту капитана, но ему пришлось плохо. При первыхъ словахъ капитанъ повалилъ его на землю и затянулъ его галстухъ такъ крѣпко, что тотъ пересталъ дышать. Остальныхъ затѣмъ онъ успокоилъ револьверомъ.

О подобныхъ приключеніяхъ съ нѣкоторыми изъ владивостокскихъ гражданъ приходится слышать то и дѣло.

Когда я захотѣлъ поохотиться въ окрестностяхъ города, меня сильно уговаривали не отправляться одному или въ сопровожденіи мало знакомыхъ людей, такъ какъ нерѣдко случалось кое-кому безслѣдно исчезать въ глуши. Послѣдняя начинается сейчасъ же за городской чертой. Вблизи домовъ встрѣчаются дикіе фазаны, а не такъ давно попадались и тигры. Шесть лѣтъ тому назадъ одного изъ нихъ поймали въ пивоварнѣ и живого послали въ Петербургъ. И теперь

еще въ нѣсколькихъ миляхъ отъ Владивостока ежегодно убиваютъ тигровъ. Конечно, это случается только зимою.

Лѣтомъ, когда роскошныя растенія дѣлаютъ непроницаемыми дремучіе лѣса, охоты совсѣмъ не бываетъ. Только осенью, когда листья опадаютъ и всѣ растенія и травы увядаютъ, охотникъ берется за ружье. Весенніе ураганы съ дождевыми потоками снова дѣлаютъ перерывъ; съ наступленіемъ весны начинается охота на оленя, рога котораго, въ періодъ ихъ развитія, цѣнятся Китайцами почти на вѣсъ золота. Кромѣ сѣвернаго оленя, въ южной части Приморской области часто встрѣчается еще порода аксизъ-оленя (Rusa axis). Онъ достигаетъ приблизительно величины лани и называется тамъ пантачемъ; слово это происходитъ отъ «панта»—китайское названіе молодыхъ неукрѣпившихся роговъ. Послѣдніе варятся какимъ-то особымъ способомъ, потомъ сушатся и превращаются въ порошокъ, который отправляютъ затѣмъ въ Китай, какъ драгоцѣнное лѣкарство. Одинъ изъ моихъ знакомыхъ продалъ оленьи рога съ восемью отростками за 600 рублей.

На охотахъ за оленемъ совѣтуютъ быть

возможно осторожнѣе. Говорятъ, что бываютъ такого рода охотники, которые предпочитаютъ стрѣлять въ возвращающагося съ добычей охотника, нежели въ оленя, охота на котораго трудна.

Знакомство съ жителями Владивостока, судя по этому, не всегда бываетъ пріятно. Тѣмъ не менѣе пробыть недолгое время въ такомъ городѣ, какъ Владивостокъ, очень интересно.

II.

Южно-сибирскій берегъ.

На далекое разстояніе отъ Владивостока мѣстность почти не населена. Поселки встрѣчаются лишь по ту сторону горъ Сихота-Алинъ, въ южной части степи Ханка, возлѣ села Никольскаго *), которое находится приблизительно въ 66 верстахъ отъ Владивостока.

Всѣ вообще южныя прибрежныя горы еще до недавняго времени считались необитаемыми. Только немного лѣтъ тому назадъ открыли тамъ нѣсколько китайскихъ деревушекъ, которыя въ уединеніи пользовались хотя и незаконнымъ, но цвѣтущимъ существованіемъ.

Границы государства составляютъ рѣка Уссури и полоса, которая тянется отъ озера

---

*) Въ маѣ 1898 г. переименовано въ городъ Никольскъ-Уссурійскій.

Ханка до бухты Посьета. Но обѣ эти части оказались для колонизаціи крайне неблагопріятными.

Про берега Уссури я буду говорить впереди, теперь же замѣчу лишь, что ни берегъ ея, большею частью подверженный наводненіямъ, ни болотистыя окрестности озера не представляютъ подходящей почвы для развитія сельско-хозяйственной промышленности. Камень-Рыболовъ—первая колонія у озера Ханки — влачитъ еще и сегодня такое же жалкое существованіе, какъ и 30 лѣтъ тому назадъ. Только лишь тогда, когда начали посылать крестьянъ въ болѣе возвышенныя части степи Ханка, недалеко отъ выступовъ прибрежныхъ горъ, колонизація южной части Приморской области вступила въ новый періодъ.

Теперь къ востоку отъ Никольскаго встрѣчаются хорошія деревни. Если жители ихъ пользуются лишь умѣреннымъ благосостояніемъ и не собираютъ настолько хлѣба, чтобы продавать часть его въ Никольскъ, Владивостокъ или жителямъ Уссурійскаго края и Амурской области, то въ этомъ виновата ихъ лѣнь. Китайцы и Корейцы доказали,

Бурятка.

чего можетъ достигнуть въ этой мѣстности прилежный хозяинъ.

Въ послѣдніе годы правительство стало обращать все большее вниманіе на колонизацію Приморской области. Послѣ того, какъ оказалось, что лучше другихъ процвѣтають колоніи возлѣ Суйфуна и Сучана, стали стремиться къ заселенію Малороссами побережій другихъ приморскихъ рѣкъ. Съ нѣкоторыми изъ недавно устроенныхъ колоній я ознакомился во время поѣздокъ, которыя мною предпринимались изъ Владивостока къ сосѣднимъ бухтамъ.

На одну изъ такихъ поѣздокъ я попрошу читателя послѣдовать за мной.

Когда, при въѣздѣ въ Золотой Рогъ, я сталъ смотрѣть на многочисленные величественные корабли, стоявшіе на якоряхъ, я замѣтилъ маленькій невзрачный пароходъ, почти совершенно терявшійся среди множества морскихъ великановъ.

Это былъ китайскій пароходъ моего двоюроднаго брата графа Генриха Кейзерлинга *Николай*, на которомъ я совершилъ длинный переходъ изъ Христіаніи въ Нагасаки.

Мой братъ—русскій морской офицеръ — предпринялъ, подъ покровительство Государя

Императора, организацію китобойнаго промысла въ крупныхъ размѣрахъ у сибирскихъ морскихъ береговъ.

Построивъ въ Христіаніи два китоловные парохода, онъ самъ отвелъ ихъ во Владивостокъ. Во время этой, не совсѣмъ, можетъ быть, безопасной, но чудной и богатой впечатлѣніями поѣздки, я сопровождалъ его до Японіи. Провидѣнію угодно было, чтобы я тотчасъ же по прибытіи въ Сибирь встрѣтилъ одинъ изъ этихъ пароходовъ, а на немъ моего брата. Онъ избралъ для своей стоянки Гайдамакъ — естественную гавань въ Восточномъ заливѣ.

Работы уже были въ полномъ ходу и нѣкоторымъ китамъ уже пришлось разстаться со своимъ жиромъ. Я съ радостью принялъ приглашеніе осмотрѣть окрестности и принять участіе въ охотѣ на китовъ. Гайдамакъ находится въ 45 морскихъ миляхъ (около 78 верстъ) къ востоку отъ Владивостока.

На разсвѣтѣ мы снялись съ якоря и перерѣзали Уссурійскую бухту, но возлѣ острова Аскольда снова повернули къ красивому гористому берегу.

Мы совсѣмъ приблизились къ сѣверо-

Бурятъ.

восточному берегу Восточнаго залива, но нигдѣ не было видно гавани. Два одинокіе рифа, которые недалеко отъ входа въ нее возвышаются надъ водою, скрывали ее со стороны моря. Когда мы объѣхали ихъ, оказалось, что узкая коса, отдѣляющая морской заливъ Гайдамакъ отъ открытаго моря, оставляетъ къ нему доступъ шириною приблизительно во сто шаговъ. За косою тянется окруженная горами гавань въ 500 метровъ длины и 200 метровъ ширины; глубина ея въ нѣсколькихъ шагахъ отъ берега достигаетъ 3 метровъ, а нѣсколько далѣе—10. Съ сѣверо-востока въ маленькую бухту впадаетъ рѣчка, доставляющая поселенцамъ прѣсную воду. Мѣсто это точно создано для колонизаціи. Несмотря на это, здѣсь до сихъ поръ только одинъ старый одноглазый Китаецъ выстроилъ бѣдную хатку на откосѣ горы и засадилъ нѣсколько небольшихъ участковъ земли капустой.

Еще за нѣсколько лѣтъ до того, какъ мой братъ отправился сюда съ пароходами, машинами и толпой работниковъ, другой морской офицеръ, Дыдымовъ, пробовалъ предпринять то же самое, но въ меньшихъ размѣрахъ. Ему улыбалось счастье только въ

продолженіе нѣсколькихъ мѣсяцевъ. Въ одно изъ плаваній вблизи Кореи его судно попало въ одну изъ тѣхъ ужасныхъ снѣжныхъ мятелей, которыя бушуютъ зимой въ Японскомъ морѣ, и пошло ко дну съ людьми и всѣмъ добромъ. *)

Когда я прибылъ въ Гайдамакъ, на обоихъ берегахъ бухты кипѣла дѣятельная жизнь. Находившійся тамъ заводъ снова былъ пущенъ въ ходъ и временно могъ служить для заготовленія рыбы. Рядомъ съ нимъ былъ устроенъ деревянный блокгаузъ для храненія провіанта, а въ досчатомъ сараѣ находились машины, фабрикующія ящики и жестяныя коробки. Тутъ же рядомъ слесаря и кузнецы выдѣлывали желѣзныя части для новыхъ построекъ, которыя воздвигались на другой сторонѣ гавани. Японскими рабочими уже были воздвигнуты до самыхъ стропилъ лѣса изъ кедроваго дерева для громаднаго котла; постройка перваго

*) Отставной капитанъ А. Г. Дыдымовъ предпринялъ попытку организовать русскій китобойный промыселъ на нашемъ Крайнемъ Востокѣ въ 1887 году. Министерство Финансовъ выдало ему въ ссуду 50.000 руб. срокомъ на 3 года для снаряженія китобойнаго парохода, но предприниматель въ самомъ началѣ дѣла погибъ у береговъ Кореи.

дома для европейскихъ служащихъ также была уже начата.

Въ то время мы спали и ѣли въ старомъ дыдымовскомъ домѣ. Было нѣсколько тѣсно, и общество, состоящее изъ Русскихъ, Нѣмцевъ, Норвежцевъ, одного Американца, одного Грека и одного Сингалезца, было довольно разнообразно, но все же жилось очень недурно. Желтокожіе представители—Китайцы, Японцы и Корейцы—расположились въ сторонѣ.

Каждая изъ этихъ трехъ націй жила отдѣльно и устроила свое жилище, какъ у себя на родинѣ.

Домикъ Японцевъ былъ самый уютный и блестѣлъ чистотою. По соломеннымъ половиками, покрывавшимъ полъ, ходили только въ чулкахъ. Недалеко отъ дома была глиняная печка съ большимъ котломъ, въ которомъ нагрѣвалась вода для ежедневныхъ умываній.

Китайцы чувствовали себя очень хорошо и безъ этой чистоплотности. Только палати вдоль стѣнъ были покрыты матами, свѣтлый цвѣтъ которыхъ давно потемнѣлъ отъ покрывавшей ихъ грязи. Вездѣ валялось и висѣло грязное платье, отъ котораго рас-

пространялся непріятный, специфическій китайскій запахъ. Описывать домъ Корейцевъ, во всемъ похожій на китайскій, я отказываюсь, потому что въ Гайдамакѣ, какъ и вездѣ, Корейцы своей нечистотой превосходили всякое описаніе.

Если бы мнѣ пришлось выбирать, въ какой изъ этихъ трехъ колоній обѣдать, я все же предпочелъ бы китайскую. У Корейцевъ приготовленіе пищи слишкомъ неаппетитно, у Японцевъ же сама пища была непривлекательна. Послѣдняя состояла преимущественно изъ китоваго мяса, которое они съ видимымъ удовольствіемъ ѣли соленое, вареное, или даже сырое.

Утромъ въ день моего пріѣзда какъ разъ былъ доставленъ китъ. Какъ только подтянули его къ берегу, нѣсколько Японцевъ набросились на него, вырѣзали кусочки мяса изъ хвоста и жадно ихъ съѣдали. Китайцы, работавшіе надъ разсѣченіемъ кита, напротивъ, совершенно пренебрегали его мясомъ и жиромъ.

Обработка кита происходила тогда довольно медленно, потому что машины еще не были приведены въ дѣйствіе. Втянуть на берегъ это громадное животное по наклон-

ному выступающему изъ воды деревянному помосту представляло большой трудъ. Вокругъ хвоста обвернули желѣзныя цѣпи; двадцать человѣкъ впряглись и втянули кита на берегъ настолько далеко, что только одна голова его торчала надъ поверхностью воды. Громадный китъ, лежавшій на животѣ, былъ почти вдвое выше Китайцевъ. Въ его пасти работало два человѣка, стоя во весь ростъ.

Когда китъ былъ приведенъ въ надлежащее положеніе, нѣсколько работниковъ, вооруженныхъ длинными ножами, влѣзли на его спину и сдѣлали на ней глубокіе, до самаго хвоста, продольные надрѣзы. Въ образовавшіяся такимъ образомъ полосы жира, отдѣленныя отъ головы поперечнымъ разрѣзомъ, вбили большіе крюки, которые цѣпями соединялись съ ручнымъ воротомъ. При натягиваніи цѣпей отдѣлялись длинныя полосы жира и этимъ закончилась самая легкая часть работы. Затѣмъ нужно было разрубить остальное туловище на куски, настолько мелкіе, чтобы они свободно помѣстились въ котлѣ.

Двадцати рабочимъ нужно было приблизительно три дня, чтобы разложить кита длиною въ 26 метровъ. Если же имѣются

нужныя паровые вороты, машины съ крюками и прочее, то самый большой китъ можетъ быть положенъ въ котелъ въ теченіе одного дня.

Вытапливаніе китоваго жира и очистка китоваго уса не составляютъ еще всего дохода отъ кита. Худшіе сорта жира приносятъ мало прибыли въ торговлѣ, хотя при большомъ его производствѣ нужно принять во вниманіе ту пользу, которую онъ приноситъ заводамъ мыловареннымъ, кожевеннымъ и какъ колесная мазь. Кости и мясо кита также могутъ дать большой доходъ, первыя какъ отличное удобреніе, а изъ послѣдняго приготовляютъ на Дальнемъ Востокѣ любимую тамъ солонину. Только верхняя кожа, которая не толще писчей бумаги, до сихъ поръ еще не нашла примѣненія въ промышленности. Работники очищаютъ и высушиваютъ ее, чтобы употреблять ее, какъ пластырь на раны. *)

Въ мѣстахъ, гдѣ вытапливаютъ жиръ, обык-

---

*) Стоимость большого горбатаго кита или синяго полосатика въ настоящее время доходитъ до 1.540 рублей, гренландскаго же до 12.360 рубл. У послѣдняго длинные усы составляютъ самую драгоцѣнную часть добычи.

новенно бываетъ скверный запахъ. Этотъ недостатокъ въ Гайдамакѣ испытывался только вблизи котловъ и бойни. Даже остатки мяса, лежавшіе по нѣсколько недѣль на берегу, почти не портились. Въ замѣчательно чистомъ и сухомъ воздухѣ разложеніе происходило крайне медленно. Кромѣ того, большія стаи чаекъ, баклановъ, сорокъ и другихъ птицъ замѣняли собою санитарную полицію.

На склонахъ горъ, густо обросшихъ кустарникомъ, водились фазаны, а въ камышахъ на берегу рѣчки гнѣздились утки и бекасы.

Болѣе благопріятной, чѣмъ охота въ лѣтнюю пору, была рыбная ловля. Обыкновенно утромъ и вечеромъ мы закидывали неводъ, чтобы своимъ уловомъ обогатить нашу кухню. Простая сѣтка, которую два человѣка могли безъ особаго труда закинуть и вытянуть, никогда не возвращалась къ намъ пустою. Однажды утромъ мы за одинъ разъ поймали около 48 фунтовъ макрелей.

Гораздо оживленнѣе этой небольшой рыбной ловли была охота на кита. Рано утромъ, на четвертый день послѣ нашего пріѣзда изъ Владивостока, мы отправились на *Николаѣ* на ловлю кита.

Прежде чѣмъ описать ее, я долженъ немного разсказать о судахъ и машинахъ, употребляемыхъ при этомъ. *Николай*—длиною въ 29 метровъ, шириною 5,7 метра, съ углубленіемъ въ 2,7 метра и вмѣстимостью въ 49 регистровыхъ тоннъ, принадлежитъ въ настоящее время къ самымъ большимъ китоловнымъ пароходамъ. Машина развивала приблизительно 300 лошадиныхъ силъ.

Бо́льшую часть парохода занимали угольные ящики, машины и снаряды для ловли китовъ. Между снарядами больше всего занимали мѣсто три гарпунные каната, каждый длиною въ 256 метровъ. Они находились въ трюмѣ передъ фокъ-мачтой и оттуда черезъ отверстіе, обитое желѣзомъ, проходили на палубу и тамъ черезъ паровой воротъ доходили до пушки. Послѣдняя была установлена на крѣпкомъ станкѣ такимъ образомъ, что половина ея выступала за бортъ. Несмотря на значительный вѣсъ пушки—она была длиною въ 1,5 метра и имѣла калибръ въ 8 сантиметровъ—одинъ человѣкъ могъ свободно поворачивать ее за рукоятку. Горизонтально пушка могла описывать почти полукругъ, а вертикально ее можно было наклонить настолько, что представлялось

возможнымъ прицѣлиться въ кита, плавающаго въ 10 метрахъ отъ передней части парохода. Гарпунъ, вставленный спереди въ гладкое дуло, состоялъ изъ стержня длиною въ 1,6 метра; задняя часть его длиною въ 20 сантиметровъ была утолщена и служила для направленія полета, между тѣмъ какъ остальная часть была плоская и по длинѣ имѣла прорѣзь, въ которой свободно двигалось взадъ и впередъ кольцо, соединяющее канатъ съ гарпуномъ. На переднемъ концѣ стержня было четыре зубца, каждый длиною въ 30 сантиметровъ, а передъ ними привинчивалась граната діаметромъ въ 11 сантиметровъ съ острымъ наконечникомъ такой же длины. Когда пушка была заряжена, то изъ дула ея выступали только зубцы гарпуннаго стержня. Кольцо, держащее канатъ, подвигалось къ переднему концу прорѣзи, причемъ канатъ висѣлъ возлѣ самаго дула.

Стрѣлокъ, играющій наравнѣ съ капитаномъ почти самую главную роль во время охоты на кита, стоялъ на платформѣ позади пушки и, какъ только пароходъ приблизился къ киту, большею частью самъ отдавалъ приказанія въ машинное отдѣленіе о регулированіи скорости хода.

Николай на полномъ ходу при благопріятной погодѣ дѣлалъ въ часъ 9 морскихъ миль *).

«Полный ходъ, впередъ!»—послышалось съ мостковъ, какъ только человѣкъ, наблюдавшій въ бинокль, доложилъ, что «киты показываются».

Этотъ возгласъ послышался около 10 часовъ утра, когда мы на высотѣ Поворотнаго мыса приблизились къ холодному морскому теченію, которое отъ Татарскаго пролива идетъ къ югу, недалеко отъ берега. Тамъ обыкновенно находится большое количество мелкой рыбы, которую преслѣдуетъ китъ.

Черезъ нѣсколько минутъ мы увидѣли вдали спину одного изъ этихъ колоссовъ.

Это былъ голубой полосатикъ—представитель чаще всего встрѣчающейся въ тѣхъ моряхъ породы китовъ. Онъ двигался очень неспокойно и не давалъ приблизиться къ себѣ на разстояніе выстрѣла, такъ что наши старанія въ продолженіе всего дня были напрасны. За этими китами только тогда легко охотиться, когда они плывутъ стадами не менѣе трехъ. Тогда ничто не можетъ

---

*) Около 16 верстъ.

измѣнить ихъ направленія и къ нимъ легко можно приблизиться. Виновникомъ неудачи нашей охоты былъ прежде всего вѣтеръ, который къ полудню все усиливался. При сильномъ волненіи нельзя услѣдить за движеніемъ рыбъ и такимъ образомъ охота становится безуспѣшной. Когда наступили сумерки, паруса были опять поставлены, машины остановлены и мы переночевали въ открытомъ морѣ.

На слѣдующее утро погода улучшилась. Вѣтеръ за ночь стихъ, такъ что всѣ съ новой бодростью принялись за дѣло, хотя еще и не видно было китовъ. Но всѣ лица омрачились, когда вдругъ показалось множество акулъ, которыя всегда мѣшаютъ охотѣ, потому что киты отъ нихъ убѣгаютъ. Безжалостная хищная рыба нападаетъ на безпомощнаго, беззащитнаго колосса, гдѣ бы она его ни встрѣтила, и вырываетъ изъ его тѣла большіе куски мяса. У убитаго кита почти всегда замѣтны шрамы отъ ранъ, нанесенныхъ зубами акулы.

Мы рѣшили испробовать счастье въ другомъ мѣстѣ и направились по холодному теченію къ западу. Въ началѣ путь нашъ опять лежалъ недалеко отъ береговъ острова

Аскольдъ, прекраснаго, дикаго и богатаго золотомъ. Но и этотъ островъ давно уже лежалъ за нами, а на далекихъ синихъ волнахъ все еще не показывалось ни одного живого существа. Казалось, море въ тотъ день и въ самомъ дѣлѣ оправдывало свое гомерическое названіе «безплоднаго». Наконецъ, когда показались возвышенія, окружающія бухту Посьетъ, вялость, овладѣвшая было всѣми отъ продолжительной неудачи, стала исчезать.

Желанныя водяныя струи, которыя выпускаетъ китъ, всплывая на поверхность воды, опять показались на горизонтѣ. Команда—«полный ходъ!»—призвала всѣхъ на свои мѣста. Стрѣлокъ подошелъ къ пушкѣ, машинистъ къ паровому шпилю, а матросъ съ вахты по вантамъ быстро спустился внизъ.

Море было гладко, какъ зеркало, такъ что малѣйшій предметъ, подымавшійся надъ водой, былъ виденъ издалека. Ошибки въ направленіи пути, которая легко можетъ произойти на охотѣ, при большомъ волненіи, не могло быть. Когда китъ второй разъ вынырнулъ, мы находились отъ него только въ нѣсколькихъ стахъ шагахъ. «Средній ходъ,

впередъ!» — раздалось съ мостковъ, по направленію къ машинному отдѣленію. Винтъ заработалъ тише прежняго, но все же черезъ нѣсколько минутъ мы приблизились къ киту настолько, что простымъ глазомъ хорошо могли видѣть отдѣльныя части его могучаго тѣла. Это былъ верблюжій или горбатый китъ, самый уродливый и опасный для охотника представитель породы китовъ.

Болѣе противное морское чудовище наврядъ ли бываетъ. Съ головой нильскаго бегемота, съ горбомъ верблюда и съ толстымъ хвостомъ, усѣяннымъ раковинами и паразитами, онъ принадлежитъ къ тѣмъ морскимъ чудовищамъ, которыя въ прежнія времена могли бы служить мореплавателямъ темой для описанія самыхъ неправдоподобныхъ приключеній.

Этотъ старецъ—это былъ экземпляръ необыкновенной величины—казалось, чувствовалъ себя прекрасно. Онъ охотился за небольшими рыбами и собиралъ богатую добычу. Съ видимымъ удовольствіемъ онъ переворачивался подъ своими жертвами, исчезавшими въ его пасти по нѣсколько дюжинъ сразу. Только немногимъ удавалось снова освободиться изъ его усовъ, когда онъ ши-

роко раскрывалъ свою отвратительную пасть. На поверхности воды онъ каждый разъ оставался немного больше семи минутъ и затѣмъ на столько же времени снова скрывался въ глубинѣ. Его короткимъ пребываніемъ на поверхности воды охотникъ и долженъ былъ воспользоваться. На практикѣ это, однако, гораздо труднѣе, чѣмъ можетъ казаться въ теоріи, потому что только одна порода китовъ, такъ называемые гренландскіе киты, продолжаютъ свой путь подъ водою, не измѣняя направленія, такъ что пароходъ можетъ медленно слѣдовать за водоворотами, обозначающими путь кита, пока онъ находится не глубоко подъ водою. Всѣ другіе киты дѣлаютъ повороты подъ поверхностью воды. Стало быть, это дѣло случая, если они опять вынырнутъ на поверхность въ томъ же самомъ направленіи, въ какомъ въ нихъ цѣлились передъ тѣмъ.

На охотѣ за небольшими породами китовъ, на которыхъ преимущественно охотятся Американцы, употребляютъ поэтому три пушки, изъ которыхъ одна устанавливается на носу парохода, а двѣ по сторонамъ. Пушка и другіе снаряды для охоты на большихъ китовъ требуютъ слишкомъ много мѣста,

чтобы возможно было установить болѣе одной пушки на небольшомъ пароходѣ.

Во время нашей охоты китъ тоже не держался одного и того же направленія. То онъ показывался надъ водою въ сторонѣ отъ прицѣльной линіи, то сзади насъ. Разъ онъ даже нырнулъ подъ пароходъ. Такъ какъ китъ пользуется худой славой, что онъ хвостомъ устраняетъ на своемъ пути всѣ препятствія, то моментъ, когда онъ нырнулъ, не былъ особенно пріятенъ. Мы очень обрадовались, когда онъ съ ужаснымъ фырканьемъ снова появился приблизительно въ ста шагахъ отъ руля. Снова послышалась команда для поворота парохода. Когда же дуло пушки было уже удачно направлено и стрѣлокъ отодвинулся, чтобы произвести выстрѣлъ, китъ изчезъ въ глубинѣ. Неудача продолжалась до наступленія сумерокъ, и, наконецъ, китъ навсегда исчезъ въ ночной темнотѣ.

Когда, съ восходомъ солнца, мы снова двинулись въ путь, китовъ не было видно, но за то, мы увидѣли тысячи дельфиновъ. Я еще нигдѣ не видалъ такого множества этихъ граціозныхъ животныхъ. По всѣмъ направленіямъ, куда только хваталъ глазъ,

море было усѣяно ими. Цѣлыя дюжины ихъ неслись взапуски передъ носомъ парохода, другіе сопровождали его по сторонамъ, вздымаясь отъ поры до времени высоко надъ поверхностью воды.

Это была чудная картина, но морякамъ она вовсе не приходилась по вкусу, потому что, гдѣ играютъ во множествѣ веселые дельфины, тамъ нарушается покой тяжеловѣснаго, флегматическаго кита. Такимъ образомъ виды на охоту были плохи. Нѣкоторое время мы смотрѣли на игру дельфиновъ, затѣмъ взялись за ружья. Снова мнѣ представился случай наблюдать за ужаснымъ дѣйствіемъ 8милиметровой магазинки. Каждый дельфинъ—а были рыбы отъ 3 до 4 метровъ длины—въ котораго попадалъ удачный выстрѣлъ, падалъ навзничь, точно пораженный молніей. Красный кровяной потокъ окрашивалъ морскую поверхность, на которой умирающая рыба держалась еще нѣсколько минутъ, прежде чѣмъ опуститься на дно. Къ сожалѣнію, у насъ не было ручныхъ гарпуновъ, чтобы втянуть на пароходъ хотя одну изъ нашихъ жертвъ. Дельфинъ составляетъ, какъ я въ этомъ убѣдился, вкусное жаркое если приготовить его умѣлою рукой.

Пять дельфиновъ стали жертвами нашихъ выстрѣловъ. Остальные предпочли удалиться отъ парохода и направились дальше, въ сторону Кореи.

Слѣдующій день, казалось, будетъ вѣтрянымъ; къ тому же наша провизія, которую поваръ не успѣлъ пополнить, была уже на исходѣ. Поэтому мой братъ рѣшилъ зайти въ природную гавань Америкабай, въ бухтѣ Врангель, чтобы запастись на недѣлю пищею и прѣсною водой.

Америкабай, къ сѣверу отъ мыса Поворотнаго, врѣзывается въ морской берегъ и принимаетъ въ себя одну изъ главнѣйшихъ приморскихъ рѣкъ—Сучанъ. Тамъ находится много цвѣтущихъ колоній. Мы же миновали устье рѣки, потому что вблизи его не было ни удобнаго мѣста, чтобы причалить къ берегу, ни хорошей гавани. Таковая находилась только въ юго-восточной части бухты, гдѣ выдающаяся гористая коса отдѣляла отъ открытаго моря бассейнъ, защищенный отъ вѣтровъ.

Насколько мало устье Сучана защищено отъ вѣтровъ, въ этомъ мы убѣдились собственными глазами. Весь берегъ гавани Аме-

рикабай былъ усѣянъ тогда обтесанными балками, которыя гонимыя вѣтромъ, волны, унесли у торговца лѣсомъ. Впрочемъ ни одна гавань, какая бы прекрасная она ни была, какъ, напримѣръ, Владивостокъ или Нагасаки, не представляютъ вѣрнаго убѣжища отъ вихрей, которые отъ поры до времени появляются въ сѣверной части Японскаго моря и проникаютъ во всѣ самые укрытые уголки бухтъ, окруженныхъ горами. Тогда въ бухтѣ Врангеля ничто не напоминало о бурѣ на открытомъ морѣ. Ни малѣйшее дуновеніе вѣтерка не волновало хрустальной зеленоватой поверхности, въ которой отражались высокіе лѣсистые берега. Какая-то рѣка впадаетъ и тамъ въ бухту.

Намъ передали, что въ верстѣ отъ устья находится колонія. Тамъ-то мы и рѣшили запастись провизіей. Мы послали впередъ четырехъ матросовъ, между тѣмъ какъ мой братъ и я предполагали отправиться туда только послѣ обѣда, рѣшивъ предварительно увеличить наши запасы охотой.

Китайца мы нагрузили винтовками, а сами вооружились охотничьими ружьями, чтобы прежде всего настрѣлять птицъ на низмен-

ныхъ берегахъ рѣки. Послѣдняя была шириной приблизительно съ версту и берега ея были густо покрыты камышомъ и болотными растеніями.

Наша надежда встрѣтить утокъ оказалась ложной. Въ камышѣ нашлось только нѣсколько бекасовъ.

Послѣ долгихъ блужданій по болоту мы черезъ оврагъ проникли въ лѣсъ. Послѣдній въ Южной Сибири, непосредственно возлѣ моря, обыкновенно довольно свѣтелъ. Коренастые дубы возвышаются подъ густымъ кустарникомъ. Деревья рѣдко образуютъ зеленый лиственный сводъ.

Склонъ горы, на которую мы старались взобраться, былъ защищенъ отъ вѣтра. Подъ палящими лучами южнаго солнца развилась такая растительность, которая своей пышностью не уступала растительности на югѣ Центральной Сибири.

Прежде чѣмъ достигнуть дѣвственнаго лѣса, нужно было предварительно проникнуть черезъ травы и кусты, вышиною въ человѣческій ростъ. Все это шло сравнительно еще легко. Въ верхней же части лѣса тернистые кустарники были до того густы, что

мы могли пробивать себѣ дорогу только при помощи охотничьихъ ножей. Кусты и вьющіяся растенія образовали положительно непроницаемую чащу. Прежде всего нашему пути препятствовали благородныя виноградныя лозы (vitis amurensis), которыя въ Приамурскомъ краѣ на берегахъ Японскаго моря растутъ въ изобиліи. Отъ крѣпкихъ короткихъ стволовъ тянулись по лѣсной почвѣ, точно сѣти, молодые побѣги, обвивая кусты, преимущественно таволги и жасмина. Тамъ и сямъ показывались темно-зеленые листья рододендрона.

Лѣсъ состоялъ исключительно изъ лиственныхъ деревьевъ, преимущественно изъ дубовъ и ясеней. Далѣе, въ серединѣ, зелень деревьевъ была болѣе разнообразна. Тамъ стройныя сосны, манчжурскіе кедры и лиственницы возвышались надъ дубами, вязами и липами. Вблизи рѣчного берега мѣстами виднѣлись тополи и акаціи. На склонахъ горъ темная ель рѣзко отдѣлялась отъ свѣтлаго березоваго лѣса, а въ защищенныхъ мѣстахъ пустили корни орѣховыя и пробковыя*) де-

---

*) Phellodendron amurense Rubr.—называютъ пробковымъ деревомъ, потому что толщина его пробковой коры достигаетъ 4 сантиметровъ.

ревья. Часто встрѣчались дикія яблони, грушевыя и сливовыя деревья.

Охота въ такихъ дебряхъ почти невозможна. Отъ поры до времени мы слышали, какъ въ чащѣ вскакивали животныя, а мы не видѣли даже ихъ тѣней. Въ виду всего этого мы оставили безплодныя старанія, пробились къ низменности рѣки и вдоль ея берега пошли по тропинкѣ, которая, послѣ короткой ходьбы, привела насъ къ маленькой колоніи. Тамъ поселились годъ тому назадъ Малороссы. Они ужасно жаловались на свою жизнь и завидовали своимъ соотечественникамъ, которые нѣсколько лѣтъ тому назадъ заняли мѣсто глубже въ долинѣ. И въ самомъ дѣлѣ, ихъ положеніе между болотистой низменностью рѣки и возвышенностями, покрытыми терновымъ кустарникомъ и дѣвственнымъ лѣсомъ, было неблагопріятно.

Конечно, мы не могли пріобрѣсти провизіи у этихъ бѣдняковъ, которымъ и самимъ-то почти нечего было ѣсть. Въ этомъ убѣдились и наши матросы, отправившіеся въ большое село, находившееся въ 5 верстахъ дальше, въ верховьяхъ рѣки.

Мы послѣдовали за ними.

Болотистая низменность простиралась только до ущелья, при входѣ въ которое находилась небольшая колонія. Тамъ берега рѣки были уже высоки, вода прозрачна, глубина ея мѣстами доходила до нѣсколькихъ футовъ. Она все еще была такою, когда мы послѣ недолгой ходьбы пришли въ другую долину, широко разстилавшуюся между плоскими склонами холмовъ. Деревьевъ на нихъ было мало, они были покрыты преимущественно густымъ кустарникомъ или высокой травой. За ихъ гребнями виднѣлись лѣсистые скаты болѣе высокихъ горъ, крутыя вершины которыхъ были увѣнчаны скалистыми зубцами. Полоса окружающаго ихъ дѣвственнаго лѣса предохраняла ихъ до сихъ поръ отъ посѣщенія человѣка. Орлы и туры еще спокойно жили въ этихъ неприступныхъ мѣстахъ.

Дорожка, по которой мы шли, вела то по лѣвому, то по правому берегу окаймленной ольхами и ивами рѣки, то и дѣло мѣнявшей направленіе. Вмѣсто мостовъ служили перекинутые черезъ нее стволы деревьевъ.

Мы шли приблизительно полчаса, когда показались первые слѣды культуры. Боль-

шія паровыя поля тянулись по обѣимъ сторонамъ рѣки. По всей вѣроятности, они обрабатывались до тѣхъ поръ, пока дѣвственная почва при небольшомъ трудѣ давала хорошій урожай. Съ того времени она снова настолько окрѣпла, что могла производить сорныя травы, величиною въ человѣческій ростъ.

Послѣ недолгой ходьбы мы достигли обработанныхъ полей колонистовъ. Большею частью поля были покрыты гречихой и капустой, хорошій видъ которыхъ доказываетъ плодородіе почвы. Такъ какъ до обѣда было еще далеко, мы стали бродить по полямъ въ поискахъ дичи и намъ удалось убить двухъ фазановъ.

Растянутая на большомъ пространствѣ колонія, состоящая приблизительно изъ тридцати деревянныхъ домиковъ, находилась довольно далеко отъ пашенъ и была окружена прекрасными лугами. Наши матросы вышли къ намъ навстрѣчу и указали домъ, хозяинъ котораго согласенъ былъ продать провизію. Привѣтливо встрѣтившая насъ представительная крестьянка предложила намъ закуску изъ огурцовъ, меду, чернаго хлѣба и молока, затѣмъ мы купили куръ, поросятъ, хлѣба и масла. Цѣны

были до смѣшного низки. Надо полагать, люди мало цѣнили продукты, пріобрѣтаемые небольшимъ трудомъ. Напримѣръ, мы купили приблизительно трехмѣсячаго поросенка за 75 коп., пудъ масла за 6 рублей. Вообще, казалось, крестьяне мало заботилось о наживѣ и довольствовались удовлетвореніемъ только своихъ насущныхъ потребностей. Все, чтѐ имъ нужно было для пищи и платья, доставляло имъ хозяйство, а для пріобрѣтенія нѣкоторыхъ предметовъ роскоши имъ хватало доходовъ отъ охоты. Поэтому ихъ трудно было уговорить одолжить намъ за хорошую цѣну лошадь и повозку, чтобы отвезти наши покупки.

По разсказамъ крестьянъ, окрестность была полна тиграми и пантерами. Въ теченіе послѣднихъ недѣль они разорвали у нихъ одиннадцать лошадей.

На слѣдующее утро мы опять отправились на охоту за китомъ, но на этотъ разъ уже успѣшно. Около полудня показалось нѣсколько стадъ отъ 3 до 7 синихъ полосатиковъ. Животныя были замѣчательно спокойны. Не обращая ни малѣйшаго вниманія на пароходъ, они спокойно продолжали свой путь.

Когда они вынырнули передъ нами въ пятый разъ, раздался выстрѣлъ и гарпунъ попалъ. Подымающіеся на верхъ воздушные пузырьки показали, что граната разорвалась въ тѣлѣ кита. Быстро, какъ молнія, промелькнулъ по стержню гарпунный канатъ. Тотчасъ же остановили пароходную машину и дальнѣйшее движеніе парохода предоставили киту.

Сначала мы подвигались какъ будто на всѣхъ парахъ. Черезъ нѣсколько минутъ раненый великанъ снова вынырнулъ передъ нами на разстояніе 150 метровъ, чтобы набрать воздуха.

Мы видѣли, что гарпунъ врѣзался слишкомъ близко къ хвосту, такъ что намъ предстояло еще не мало труда. И въ самомъ дѣлѣ, прошло еще болѣе часа, пока силы оставили кита.

Промежутки времени, когда онъ исчезалъ въ глубинѣ, дѣлались все короче и короче, а движеніе парохода все медленнѣе и медленнѣе.

Постепенно силы совсѣмъ измѣнили животному, и борьба началась его со смертью.

То онъ выходилъ изъ воды почти перпендикулярно къ ея поверхности, широко раскрывая пасть и втягивая воздухъ, то описывалъ полукруги около парохода. Задыхаясь, онъ выпускалъ изъ носа струю воды, смѣшанной съ кровью. Кругомъ его море краснѣло.

Видъ этотъ былъ настолько же ужасенъ, насколько заслуживалъ состраданія. Но не было времени раздумывать о человѣческой жестокости.

Борьба кита со смертью—самый опасный моментъ охоты. Капитанъ долженъ внимательно слѣдить за движеніями колосса, чтобы во-время избѣжать съ нимъ встрѣчи. Столкновеніе парохода съ китомъ почти навѣрное привело бы къ крушенію. Поэтому и совѣтуютъ по возможности укорачивать время борьбы кита со смертью.

Какъ только китъ пересталъ двигаться впередъ, съ парохода была выслана лодка съ тремя людьми. Одинъ управлялъ веслами, другой же и я сидѣли вооруженные винтовкой и длинной пикой. Сначала мы сдѣлали въ кита нѣсколько выстрѣловъ въ самое опасное для него мѣсто и только когда онъ совсѣмъ уже ослабъ, приблизились

къ нему, чтобы при помощи копья совсѣмъ съ нимъ покончить.

При охотѣ на синяго полосатика и на гренландскаго кита, которые не бьютъ хвостами, дѣло не такъ опасно, какъ это можетъ казаться. Маленькую лодку можно повернуть однимъ ударомъ весла, китъ же слишкомъ неловокъ, чтобы дѣлать крутые, внезапные повороты. Охотникъ, не теряющій самообладанія, легко можетъ покончить свое жестокое дѣло. Наша добыча также не доставила намъ много труда. Спустя короткое время, борьба кита со смертью окончилась, и онъ безшумно опустился въ глубь.

Мы вернулись на бортъ, гдѣ тотчасъ же было приступлено къ подъему кита. Паровой воротъ заработалъ. Подъ ужасной тяжестью пароходъ накренился впередъ. Когда китъ былъ поднятъ къ поверхности воды, вокругъ его хвоста обернули цѣпи и при помощи ихъ прикрѣпили его къ пароходу, такъ что онъ могъ плыть съ правой стороны судна. Китъ только на три метра былъ короче парохода.

Тѣмъ временемъ наступилъ вечеръ. Еще разъ мы переночевали въ открытомъ морѣ,

а на разсвѣтѣ повернули назадъ. Задолго до полудня мы прибыли въ Гайдамакъ, откуда мой братъ черезъ нѣсколько дней отвезъ меня обратно въ Владивостокъ *).

---

*) Весною 1898 г. въ печати появились впервые свѣдѣнія объ итогахъ китоловнаго дѣла, организованнаго графомъ Кейзерлингомъ въ водахъ Восточнаго Океана. Съ начала промысла до 1 янв. 1898 г. убито 220 китовъ, обработано до 20.000 пуд. ворвани и начали производиться опыты по изготовленію изъ китоваго мяса консервовъ. На заводѣ работаютъ около 70 рабочихъ исключительно инородцевъ. Въ распоряженіи гр. Кейзерлинга имѣются 9 различныхъ судовъ, изъ которыхъ 4 собственныхъ и 5 зафрактованныхъ. Заводскія постройки съ каждымъ годомъ расширяются и улучшаются, такъ что теперь это новое дѣло можно считать поставленнымъ вполнѣ прочно.

III.

Сахалинъ, островъ ссыльныхъ.

Въ благопріятное время года, то есть отъ мая до сентября, сообщеніе между Сахалиномъ и материкомъ поддерживается пароходами фирмы «Щевелевъ и К°», которая за это получаетъ отъ правительства пособіе. Приблизительно каждыя три недѣли пароходы выходили изъ Владивостока или возвращались изъ Николаевска. Кромѣ нихъ иногда проходило еще нѣмецкое или англійское судно съ товарами въ устье Амура и въ Александровскъ—главный городъ Сахалина. Наконецъ, пароходы Добровольнаго Флота отвозили на островъ преступниковъ.

Какая разница между Владивостокомъ и гаванями, открытыми для торговли на Дальнемъ Востокѣ!

Въ этихъ послѣднихъ, по прибытіи паро-

хода, тотчасъ же развивается самая дѣятельная жизнь, безразлично въ какое бы время дня или ночи ни приходило судно. Какъ только одинъ изъ океанскихъ великановъ бросаетъ якорь, сотни кули моментально бросаются въ товарныя помѣщенія, чтобы въ продолженіе нѣсколькихъ часовъ ихъ очистить и наполнить новымъ добромъ. Въ Владивостокѣ же или въ Николаевскѣ проходятъ не часы, но дни, пока судно бываетъ снова нагружено и готово къ отходу.

Нагрузка парохода Добровольнаго флота *Владиміръ*, который отправлялся на Сахалинъ, была окончена только на третьи сутки, послѣ чего мы двинулись въ море.

День мы плыли вдоль скалистаго берега материка, затѣмъ повернули на сѣверо-востокъ.

Погода стояла благопріятная, такъ что на третій день стала виднѣться высокая вершина на японскомъ островкѣ Ризири, вышиною въ 1.960 метровъ. Но вскорѣ она и сосѣдняя вершина Ребунзири остались позади насъ, и къ вечеру мы вошли въ проливъ Лаперуза, ведущій въ Великій Океанъ.

Еще нѣсколько миль отдѣляли насъ отъ Сахалина, когда море покрылось густымъ ту-

маномъ. Хотя едвали можно было опасаться столкновенія съ другими судами въ этихъ мало посѣщаемыхъ водахъ, но утесы скалистаго берега и мѣняющіяся морскія теченія заставляли быть вдвое осторожнѣе ночью.

Только на разсвѣтѣ мы снова могли двинуться полнымъ ходомъ и, когда солнечные лучи пробились сквозь толстый слой тумана, мы увидѣли берегъ обширной бухты Анивы, покрытый мрачными лѣсами. Нигдѣ не было видно и слѣда человѣческой дѣятельности.

Послѣ того, какъ мы нѣсколько часовъ проплавали по бухтѣ, изъ-за покрытой лѣсомъ возвышенности показались куполы бѣлой церкви, а черезъ нѣсколько времени и бревенчатые дома Корсаковска.

Прибытіе парохода въ эти страны, удаленныя отъ всякой цивилизаціи, составляетъ радостное событіе. Черезъ нѣсколько минутъ послѣ того, какъ былъ брошенъ якорь, мы увидѣли начальника округа и нѣсколькихъ чиновниковъ, входившихъ на паровой баркасъ, чтобы подъѣхать къ нашему пароходу, стоявшему отъ берега на разстояніи около версты.

Близко къ берегу Сахалина ни одно большое судно не пристаетъ. На всемъ островѣ

нѣтъ ни одной хорошей природной гавани, гдѣ можно было бы найти защиту отъ тѣхъ внезапныхъ вѣтровъ, какіе бываютъ только въ немногихъ моряхъ. И въ Корсаковскѣ суда не защищены отъ сильныхъ юго-восточныхъ вѣтровъ.

Выгрузка и нагрузка происходятъ съ лихорадочной поспѣшностью, чтобы имѣть возможность поскорѣе оставить эти опасные берега.

Несмотря на хорошую погоду, капитанъ просилъ насъ не удаляться далеко отъ берега, чтобы въ случаѣ перемѣны погоды мы могли слышать сигнальный свистокъ парохода и имѣть возможность прибыть снова на пристань не позже, какъ черезъ полчаса.

Баркасъ доставилъ насъ къ длинному деревянному мосту пристани, гдѣ насъ подвергли дезинфекціи, послѣ чего мы безпрепятственно могли отправиться для осмотра колоніи.

На берегу было много преступниковъ. Одни удили, другіе курили, большинство же мрачные, праздные, лежали и стояли вокругъ. Я не видѣлъ на берегу ни одного занятого работой. Цѣпей ни на комъ изъ нихъ не было. Всѣ они, надо полагать, были

арестанты, пробывшіе на островѣ уже продолжительное время.

Въ Корсаковскѣ я видѣлъ замѣчательно мало русскихъ лицъ. Это происходило, какъ мнѣ потомъ сказали, вслѣдствіе того, что туда съ давнихъ поръ посылаютъ только Кавказцевъ, осужденныхъ за кровавую месть.

Корсаковскъ—печальное мѣсто и все же Эльдорадо въ сравненіи съ сѣверными колоніями. Хотя холодныя морскія теченія и дѣйствуютъ неблагопріятно на климатъ, все же этотъ послѣдній можно назвать сноснымъ.

Когда я прибылъ въ колонію, растительность представлялась во всей своей красѣ.

Чистыя улицы съ красивыми деревянными домами, вдоль которыхъ тянулись деревянные безукоризненные тротуары, были во многихъ мѣстахъ обсажены прекрасными кустами.

Ни одна улица въ Восточной Сибири не была такъ хорошо вымощена и такъ чисто содержима, какъ дорога, ведущая отъ пристани въ городъ, и главная улица, которая прямой линіей тянется до конца возвышенности, на склонахъ которой расположенъ городъ. Кругомъ сверкалъ темно-зеленый, перемѣшанный съ соснами лиственный

лѣсъ, отъ котораго рѣзко выдѣлялась уходящая вдаль блестящая поверхность моря.

Та же тишина, что и въ гавани, царствовала въ городкѣ.

Тюрьма находилась въ концѣ главной улицы, на самой верхушкѣ возвышенности. Ворота и окна были широко открыты, большой дворъ былъ пустъ, а внутреннія помѣщенія казались почти необитаемыми. Солдаты на часахъ лѣниво стояли возлѣ оконъ и сидѣли на скамейкѣ у входа.

По своему наружному виду тюремныя строенія походили на тѣ, которыя я видѣлъ въ Сибири. Большой бревенчатый домъ составлялъ главное зданіе, которое вмѣстѣ съ флигелями было окружено частоколомъ, вдвое выше человѣческаго роста. Въ сторонѣ стояла больница.

Побѣгъ изъ тюремныхъ зданій не представлялъ никакой трудности. Но этого, вѣрно, никто не дѣлаетъ, потому что каждому арестанту гораздо удобнѣе бѣжать во время работъ. Бѣгство съ острова изъ Корсаковска еще менѣе мыслимо, чѣмъ на сѣверѣ, гдѣ зимою ежегодно нѣсколько арестантовъ пытаются достичь материка черезъ Татарскій проливъ, но ихъ большею частью убиваютъ

Гиляки или они пропадаютъ въ глуши отъ голода и холода.

Осмотръ мѣстности занялъ не полные три часа, хотя мы и совершали его шагъ за шагомъ и, кромѣ того, посѣтили еще японскаго консула.

Вскорѣ и нами овладѣло чувство скуки, которая, какъ камень, давитъ всѣхъ на Сахалинѣ. Мы прошлись еще немного по лѣсу, провели два часа въ разговорѣ со смотрителемъ пристани и были сердечно рады, когда баркасъ отчалилъ къ нашему пароходу.

Съ наступленіемъ ночи арестанты кончили выгрузку товара, раздался сигналъ къ отходу, винтъ заработалъ, и вскорѣ за вершиной исчезли огни Корсаковска.

Какъ только мы приблизились къ проливу Лаперуза, спокойному плаванію наступилъ конецъ. Татарскій проливъ, котораго мы достигли къ утру, вполнѣ оправдалъ худую о себѣ молву. Дулъ рѣзкій сѣверо-западный вѣтеръ, заставившій насъ поскорѣе перемѣнить лѣтнее платье на теплую одежду.

Путь нашъ былъ направленъ прямо къ сѣверу. Это далекій путь отъ южной до сѣверной оконечности острова, такъ какъ этотъ послѣдній лежитъ между 43° 54′ и 54° 53′ сѣ-

верной широты. Ширина его колеблется отъ 24 до 122 верстъ.

Все время мы плыли въ разстояніи 4—5 миль отъ берега, такъ что намъ отчетливо были видны его густо поросшія лѣсомъ горы высотою въ 300 метровъ, которыя мѣстами тянулись возлѣ самаго моря. На этой части берега не было ни одной колоніи. Только изрѣдка виднѣлись низенькія хаты Аиновъ, древнихъ жителей острова. Уже въ Корсаковскѣ я имѣлъ возможность увидѣть нѣсколькихъ человѣкъ, принадлежащихъ къ этому странному племени, надъ которымъ напрасно ломаютъ себѣ головы этнографы.

Женщины походятъ на женщинъ сосѣднихъ племенъ на материкѣ—Гиляковъ и Тунгузовъ. Мущины же, напротивъ, сильно отличаются своей наружностью отъ всѣхъ прочихъ Монголовъ. Если бы ихъ одѣли въ русское платье, то ихъ можно было бы принять за крестьянъ. Маленькаго роста, но коренастые, съ замѣчательно густыми бородами и волосами, съ добродушными, карими, правильно разставленными глазами, они положительно красивѣе своихъ женъ. Признаки монгольской расы мало замѣтны. Только при дальнѣйшемъ наблюденіи мы замѣчали, что

и у нихъ лица болѣе четыреугольны, скулы болѣе выдаются, носъ болѣе плоскій и губы полнѣе, чѣмъ у народовъ кавказскаго племени.

Говорятъ, что они свои маленькія колоніи устраиваютъ исключительно на морскомъ берегу возлѣ небольшихъ приморскихъ рѣкъ, гдѣ добываютъ себѣ пропитаніе ловлей рыбъ и морскихъ животныхъ.

Число Аиновъ на Сахалинѣ стало сильно уменьшаться. Они, повидимому, принадлежатъ къ тѣмъ некультурнымъ народамъ, которыхъ сношеніе съ Европейцами приводитъ къ гибели.

Одного изъ главныхъ ихъ поселеній мы достигли около полудня. Его названіе—Маука. Это самое большое на Сахалинѣ мѣсто рыбной ловли фирмы «Семеновъ и К°».

Здѣсь производится обширная торговля морской капустой—родъ водоросли, составляющей любимое блюдо Японцевъ и Китайцевъ. Она выращивается при помощи землеудобрительной муки изъ сельдей. Ежегодно лѣтомъ въ Мауку прибываетъ на работу нѣсколько сотъ Японцевъ, которые отвозятъ пріобрѣтенный продуктъ на родину.

Когда мы остановились у Мауки, сѣвер-

ный вѣтеръ дулъ съ такой силой, что капитанъ не рисковалъ подойти къ берегу ближе чѣмъ на разстояніе морской мили.

Еще издали былъ поданъ сигнальный свистокъ о прибытіи и черезъ нѣсколько минутъ послѣ того, какъ былъ брошенъ якорь, къ пароходу приблизилась большая барка, управляемая мускулистыми руками японскихъ гребцовъ. Провіантъ торопливо былъ сброшенъ въ барку, которая при сильномъ волненіи не могла близко подплыть къ пароходу.

Капитанъ вздохнулъ съ облегченіемъ, когда могъ отдать приказъ сняться съ якоря. Ночью море успокоилось и утро обѣщало прекрасный солнечный день. Вокругъ парохода играли дельфины, ясное море разстилалось передъ нами, и бѣдныя хаты туземныхъ жителей производили болѣе привѣтливое впечатлѣніе, нежели наканунѣ.

Въ полдень мы проѣхали мимо Дуэ— прежняго главнаго города Сахалина и самой старой тюрьмы на немъ. Большія залежи каменнаго угля близь морского берега были причиной тому, что правительство съ 1868 года стало посылать на островъ преступниковъ.

Въ тюрьмѣ въ Дуэ,—находилось во время

моего пребыванія на островѣ нѣсколько болѣе 800 преступниковъ.

Черезъ часъ мы прибыли въ Александровскій рейдъ. И тамъ не было гавани. Мелкая бухта позволяетъ большимъ судамъ приблизиться къ берегу только на разстояніе мили. Сообщеніе парохода съ берегомъ поддерживается при помощи небольшихъ паровыхъ баркасовъ, которые тянутъ лодки, нагруженные товаромъ.

Мѣстоположеніе Александровска, самой большой колоніи на Сахалинѣ и резиденціи губернатора, —недурно.

Долина, въ которой выстроены деревянные дома городка, охвачена полукругомъ холмовъ, изъ-за которыхъ виднѣются болѣе высокія горы.

Въ южной части бухты, на возвышенномъ мысѣ Жонквьерь, отъ котораго грозно выдаются въ море три зубчатыя скалы—«Три брата»—находится небольшой маякъ. Къ сожалѣнію, онъ расположенъ слишкомъ высоко. Часто, какъ это и было на второй день моего пребыванія въ Александровскѣ, возвышенность окутывается густымъ туманомъ, между тѣмъ какъ въ долинѣ и на морѣ стоитъ прекрасная ясная погода. Получается

какое-то странное впечатлѣніе, когда на маякѣ раздается выстрѣлъ изъ небольшой мортиры, извѣщающій о туманѣ и тревожащій суда, которыя покачиваются въ чудномъ солнечномъ сіяніи. Ночью же, когда свѣтъ не можетъ проникнуть сквозь туманъ, непрактичное положеніе маяка не разъ повлекло уже за собою серіозныя послѣдствія.

Мостки пристани далеко выдаются въ море. Какъ и въ Корсаковскѣ, пристань деревянная, но значительно больше, такъ что баркасы и лодки отъ напора волнъ хорошо защищены крѣпкими сваями, обшитыми досками.

Пріемъ, оказанный мнѣ въ Александровскѣ, вполнѣ оправдалъ хорошую молву о сибирскомъ гостепріимствѣ. Меня рекомендовали прокурору Сахалина господину Б., котораго главнымъ образомъ я долженъ благодарить за то, что въ короткое время мнѣ удалось познакомиться съ условіями жизни тамошнихъ арестантовъ.

Прежде чѣмъ отправиться съ *Владиміра* на пристань, мнѣ пришлось попрощаться съ моими спутниками. Пароходъ въ тотъ же день отправился дальше, и я приказалъ перенести свой багажъ на нѣмецкій пароходъ

Феликсъ, который намѣревался пробыть въ Александровскѣ еще нѣкоторое время.

На пристани, когда я вошелъ на мостикъ, мнѣ представился весьма хорошо одѣтый для Сахалина господинъ, предложившій мнѣ свою повозку, чтобы доѣхать до города. Это былъ, какъ я потомъ узналъ, бывшій гвардейскій офицеръ, который за двойное убійство былъ сосланъ на островъ. За хорошее поведеніе ему смягчили наказаніе, а своей энергіей ему удалось сдѣлаться самымъ уважаемымъ купцомъ въ Александровскѣ. Такіе случаи бываютъ только единичны. По большей части образованный преступникъ скоро теряетъ точку опоры и въ нравственномъ отношеніи опускается еще ступенью ниже своихъ сотоварищей по каторгѣ.

Отъ пристани до города я ѣхалъ приблизительно 20 минутъ по довольно плохой дорогѣ черезъ каменистое поле. Съ правой стороны дороги тянулся рѣдкій еловый лѣсъ, который доходилъ до возвышенностей, гдѣ и превращался въ густыя дебри. Довольно было посмотрѣть на него, чтобы понять, какихъ трудовъ стоило бы привести эту мѣстность въ состояніе годное для обработки.

Еще нѣсколько лѣтъ тому назадъ случа-

лось, что изъ этой чащи медвѣди осмѣливались приближаться къ самой колоніи.

Въ Александровскѣ всѣ дома были также деревянные и одноэтажные. Надъ ними возвышалась только красивая церковь и часовня, воздвигнутая въ память спасенія Наслѣдника Престола отъ сдѣланнаго на него въ Японіи покушенія.

Самыя большія постройки занимала тюрьма. Окруженная частоколомъ, она состояла изъ девяти строеній, изъ которыхъ пять были расположены вокругъ большого четыреугольнаго двора. Все производило впечатлѣніе чистоты и аккуратности.

Въ большихъ камерахъ было много воздуха и, какъ мнѣ говорили, онѣ не были переполнены и зимой. Деревянныя нары были покрыты тюфяками, каждый арестантъ имѣлъ шерстяное одѣяло. У всѣхъ присутствовавшихъ арестантовъ видъ былъ здоровый. Большинство ихъ отсутствовало, находясь на работахъ.

Кухня и пекарня своимъ устройствомъ вполнѣ удовлетворяли своему назначенію. Мнѣ подали для пробы тарелку супа, который, за исключеніемъ постныхъ дней, бываетъ всегда съ мясомъ. Онъ былъ крѣпкій и вкусный. Хлѣбъ же по своему качеству не уступалъ

лучшему хлѣбу. Пайки были щедрые, а порціи хлѣба такія большія, что многіе арестанты не могли ихъ съѣдать и частью продавали тамошнимъ жителямъ или же проигрывали другъ другу.

Между тюремными зданіями находилась обширная чистая баня.

Другой, меньшій квадратъ построекъ предназначался для самыхъ тяжкихъ преступниковъ и для тѣхъ изъ нихъ, которые, совершивъ преступленіе въ каторгѣ, заключались въ немъ на время слѣдствія.

Одиночное заключеніе примѣняется въ сибирскихъ тюрьмахъ очень рѣдко; къ нему прибѣгаютъ только, какъ къ дисциплинарному наказанію или пока происходитъ разслѣдованіе дѣла. Кромѣ того, я слышалъ отъ тюремныхъ чиновниковъ, что нѣкоторыхъ преступниковъ, боящихся по какой-либо причинѣ мести своихъ товарищей, часто изолируютъ по ихъ же собственной просьбѣ.

По офиціальнымъ свѣдѣніямъ *) въ 1893 году на Сахалинѣ было всего 22.240 жителей, въ томъ числѣ женщинъ 5.124. Въ

---

*) Офиціальный календарь Сахалина за 1895 г.—По переписи 28 января 1897 г. число жителей на Сахалинѣ опредѣлилось въ 25.495 человѣкъ, въ томъ числѣ мужчинъ 19.943 и женщинъ 5.552.

шести тюрьмахъ было всего арестантовъ 6.103. Народонаселеніе, занимавшееся сельскимъ хозяйствомъ, доходило до 9.124 человѣкъ, которые обрабатывали 4.655 десятинъ. На каждое хозяйство приходилось отъ $^4/_5$ до $1^1/_5$ десятины.

Въ урожай довольно благопріятнаго 1893 года было собрано:

озимой ржи.	4.348	пуд.,	т.-е.	2,1	посѣян.	количества
яровой ржи.	20.790	„	„	4,8	„	„
пшеницы....	37.613	„	„	4,1	„	„
ячменя......	14.962	„	„	3,4	„	„
овса........	17.675	„	„	4,4	„	„
картофеля...	180.124	„	„	4,9	„	„

Домашнихъ животныхъ было: лошадей 1641, рогатаго скота 5207 и мелкаго скота 935 головъ.

Большинство поселеній и теперь находится въ средней части Сахалина, которая такъ же, какъ и сѣверная его часть, мало пригодна для колонизаціи.

Въ этихъ мѣстахъ, къ которымъ природа отнеслась, какъ мачеха, даже самому хорошему сельскому хозяину было бы трудно заработать себѣ пропитаніе.

Почва, которую я видѣлъ на берегу, была хороша, напримѣръ въ Корсаковскѣ и Слободкѣ, сосѣдней деревнѣ съ Александровскомъ. И внутри острова, въ особенности

въ долинахъ и вдоль рѣкъ, она большею частью соотвѣтствуетъ требованіямъ. Но что можетъ дать лучшая почва при климатѣ, средняя годовая температура въ которомъ 0,5 С., гдѣ обработка можетъ начаться самое раннее въ концѣ мая, а въ началѣ сентября уже начинаются сильные морозы?

Въ другихъ полосахъ, хотя срокъ для культуры такой же короткій, за то солнце посылаетъ лѣтомъ болѣе горячіе лучи. Въ южной Сибири, во время лѣтней жары, все всходитъ, растетъ и зрѣетъ въ продолженіе нѣсколькихъ недѣль. На Сахалинѣ это иначе. Тамъ и въ лѣтніе мѣсяцы солнце грѣетъ лишь слабо. Холодныя морскія теченія по цѣлымъ днямъ окутываютъ туманомъ берегъ, а ледяные сѣверные вѣтры парализуютъ и въ лѣтніе мѣсяцы дѣйствіе солнечныхъ лучей.

Въ іюлѣ и августѣ средняя температура доходитъ до 16° С. *)

---

*) Нижеприведенная климатическая таблица, которую я составилъ по разнымъ источникамъ, даетъ нѣкоторое понятіе о странномъ свойствѣ сибирской температуры. Нужно принять во вниманіе, что продолжительность времени, въ которое могутъ развиваться растенія, немногимъ превышаетъ пять мѣсяцевъ, а подъ 50° сѣверной широты часто ограничивается только тремя мѣсяцами.

Средняя температура по Цельсію.	Восточно-сибирскій берегъ и островъ Сахалинъ.				Амурская область.			Забайкальская область.			Сѣверо-восточная Сибирь (средина).			Западная Сибирь.				
	Петропавловскъ.	Дуэ.	Муравьевскъ.	Владивостокъ.	Николаевскъ.	Хабаровскъ.	Благовѣщенскъ.	Нерчинскъ.	Чита.	Верхнеудинскъ.	Лѣсная полоса.	Тундры.	Нюманскъ.	Иркутскъ.	Томскъ.	Барнаулъ.	Лѣсная полоса.	Тундры.
Годовая	2	0,5	2,3	4,5	−2,6	0	−1,3	−5,8	−3	−1,2	−8	−17	−7,7	−0,4	−7,9	−0,82	−2	−5
Зимой	−8	−15	−11	−12	−22	−22	−22	−30	−19,2	−18,4	−33	−47	−31,5	−18,8	—	—	−20	−21
Лѣтомъ	13	14	13	18	15	19	19	16,2	17	18,6	15	15	13	18,1	—	—	14	13,5
Самый холодный мѣсяцъ	—	−16	−12	−16	—	−25	−25,5	−33,5	−32,1	−31	−36	−49	−36	−20	−19,6	−18	−22	−23
Самый теплый мѣсяцъ	—	16	17	21	—	20	21	18,5	19,3	20,5	17	17	15,3	18,6	19	20,1	18	18
Во время произрастанія растеній	10,6	12	14	16	11,6	17	11,6	12,7	1,32	14	11	—	10,3	15	—	—	12	9
Давленіе атмосферы	124	—	—	336	500	560	462	—	326	178	348	—	—	380	383	259	470	—

Въ противоположность роскошнымъ плодороднымъ садамъ Корсаковска, сады и поля вблизи Александровска и Слободки произвели на меня самое грустное впечатлѣніе. Слишкомъ ясно виднѣлись повсюду слѣды сырости и мороза.

IV.

Въ устьѣ Амура.

Немного позже назначеннаго времени мы благополучно вышли въ море. Въ 4 часа меня разбудилъ капитанъ, чтобы показать мнѣ гавань Де-Кастри, находящуюся противъ Александровска.

Когда я вышелъ на палубу, мы какъ разъ входили въ бухту, окруженную горами, покрытыми лѣсомъ. Она образуетъ кругъ, діаметромъ приблизительно въ 2½ версты, и, безъ сомнѣнія, принадлежитъ къ лучшимъ красотамъ сибирскихъ дикихъ мѣстъ. Туда корабли заходятъ только тогда, когда имъ приходится спасаться отъ бури у береговъ Сахалина или имъ нуженъ лоцманъ для прохода въ Николаевскъ.

Команда, состоящая изъ двѣнадцати морскихъ унтеръ-офицеровъ и изъ столькихъ же матросовъ, находится возлѣ маяка гавани и

доставляетъ лоцмановъ въ устье Амура. Кромѣ нихъ, въ этомъ одинокомъ мѣстѣ живутъ еще комендантъ съ отрядомъ солдатъ и телеграфный чиновникъ, наблюдающій за кабелемъ, который проложенъ между материкомъ и Сахалиномъ.

Какъ жаль, что Де-Кастри, какъ и другія прекрасныя гавани на сибирскомъ берегу, такъ мало служитъ для оживленія страны, потому что отъ 5 до 6 мѣсяцевъ въ году она бываетъ скована льдомъ.

Де-Кастри находится въ 45 верстахъ отъ деревни Маріинской и въ 65 верстахъ отъ Софійска на Амурѣ. До перваго изъ этихъ пунктовъ проселочной дороги не болѣе 20 верстъ, такъ какъ озеро Кизи, соединенное съ Амуромъ, находится очень близко отъ Татарскаго пролива.

Наше пребываніе въ Де-Кастри продолжалось недолго, такъ что мы даже не видѣли въ бухтѣ ни одной лодки съ устрицами, которыя считаются самыми лучшими на всемъ побережьи.

Какъ только лодка доставила къ намъ двухъ человѣкъ въ синихъ курткахъ, которые должны были служить лоцманами, пароходный свистокъ подалъ сигналъ къ отходу.

Вторично въ это утро были вспугнуты сотни морскихъ птицъ. Черезъ нѣсколько минутъ скалы, охранявшія входъ въ бухту, лежали опять за нами.

Солнце на этотъ разъ поднялось изъ волнъ ясное, незастланное туманомъ, такъ что черезъ бинокль отчетливо были видны лѣсистыя горы на материкѣ. Видъ напоминалъ берегъ Сахалина. Круто спускались берега къ морю, темныя еловыя дебри подходили близко къ пѣнившимся волнамъ и только кое-гдѣ давали проходъ рѣчкамъ, вода которыхъ каскадами падала въ море.

Къ полудню мы приблизились къ самому узкому мѣсту Татарскаго пролива, гдѣ берега Сахалина и материка сближаются на разстояніе одной мили.

Еще до 1849 г. предполагали, основываясь на описаніяхъ Лаперуза, Броутона и Крузенштерна, что Сахалинъ въ томъ мѣстѣ соединенъ съ материкомъ перешейкомъ. Только послѣ изслѣдованій Невельскаго выяснился этотъ неправильный взглядъ, который основывался исключительно на гипотезахъ вышеназванныхъ изслѣдователей, потому что никто изъ нихъ не подходилъ близко къ предполагаемому ими перешейку. Всѣхъ ввело въ

обманъ то, что издали кажется, будто оба берега соединяются. Кромѣ того путь къ устью Амура для большихъ кораблей слишкомъ узокъ, вслѣдствіе чего перешеекъ могъ быть открытъ только спеціальнымъ его изслѣдованіемъ.

Заслуга Невельскаго въ томъ, что онъ, несмотря на всѣ затрудненія, доказалъ судоходность Амура, возможность достичь отъ него Тихаго Океана и этимъ далъ толчокъ къ открытію Амурской области. Раньше существовалъ взглядъ, что устье Амура почти совершенно занесено пескомъ. Еще въ 1848 году Императоръ Николай I выразился: *) «Для чего намъ эта рѣка, когда нынѣ уже положительно доказано, что входить въ ея устье могутъ только однѣ лодки!»

Въ то время считали весь Амурскій и Уссурійскій края собственностью Китая. Когда Невельскій увидѣлъ, что они Китайцами въ дѣйствительности не заняты, онъ въ устьѣ Амура поднялъ русскій флагъ. За это комитетъ въ Петербургѣ хотѣлъ его отозвать и за неува-

---

*) *Подвиги русскихъ морскихъ офицеровъ на далекомъ востокѣ Россіи въ 1849 — 1855 гг.* Изъ оставленныхъ записокъ Адмирала Невельскаго. С.-ПБургъ. 1878 г. (60-я стр.).

женіе къ полученнымъ инструкціямъ разжаловать. Только заступничество Генералъ-губернатора графа Муравьева спасло его. Государь же на докладъ графа сказалъ: «Гдѣ разъ поднятъ русскій флагъ, онъ уже спускаться не долженъ» *).

---

*) Геннадій Ивановичъ Невельскій (1813—76 г.г.), будучи капитанъ-лейтенантомъ и командиромъ транспорта *Байкалъ* долженъ былъ въ 1848 г. доставить провіантъ въ Петропавловскъ.

Желая воспользоваться этимъ случаемъ, чтобы ознакомиться на мѣстѣ съ давно и сильно интересовавшимъ его краемъ и повѣрить свои предположенія относительно возможной его полезности для Россіи, Невельскій передъ отправленіемъ изъ Петербурга усиленно хлопоталъ о разрѣшеніи производить въ свободное время, по сдачѣ груза, гидрографическія изслѣдованія Охотскаго моря, береговъ Сахалина и рѣки Амура.

Хотя разрѣшенія не послѣдовало, но къ 15 сентября 1849 г., т. е. черезъ 4 мѣсяца послѣ прихода въ Петропавловскъ, онъ успѣлъ достигнуть замѣчательныхъ результатовъ, отыскалъ вполнѣ доступный входъ въ устье Амура, который считался до тѣхъ поръ неприступнымъ; открылъ проливъ между Сахалиномъ и материкомъ, произвелъ опись южнаго берега Охотскаго моря, открылъ заливъ Счастье и шхеры Благополучія и изслѣдовалъ лиманъ Амура. 27 іюня 1850 г., по возвращеніи изъ Петербурга, заложилъ въ заливѣ Счастья зимовье Петровское, куда могли подходить суда съ моря, затѣмъ отправился въ р. Амуръ искать вблизи ея устья мѣстность болѣе удобную для зимов-

Съ этого времени вниманіе правительства было направлено на пріобрѣтеніе Юго-Восточной Сибири и пути къ Тихому Океану.

ки судовъ, поднялся по рѣкѣ до селенія Тыръ (100 верстъ отъ устья), привелъ здѣсь въ покорность враждебно встрѣтившихъ его Манчжуръ; 1 августа 1850 г. на мысѣ Куэгда основалъ Николаевскій постъ и энергично заявилъ о принятіи всѣхъ окрестныхъ жителей подъ покровительство Россіи.

Такимъ образомъ, руководствуясь исключительно патріотизмомъ, Невельскій рѣшилъ на свой страхъ, ради пользы Россіи, вопреки Высочайшей волѣ, основаться на Амурѣ.

Самовольныя дѣйствія его вызвали въ Петербургѣ цѣлую бурю.

Въ концѣ 1850 г. въ Петербургъ пріѣхалъ графъ Муравьевъ, который исходатайствовалъ себѣ личный докладъ Государю Николаю I, который, одобривъ все сдѣланное на Амурѣ, приказалъ Муравьеву представить обо всемъ подробную записку. Результатомъ доклада и записки было образованіе особаго Гиляцкаго комитета, въ составъ котораго вошли: графъ Нессельроде, военный министръ князь Чернышевъ, министръ финансовъ Вронченко, начальникъ Главнаго Морского Штаба князь Меньшиковъ, графы Перовскій и Бергъ, тайный совѣтникъ Сенявинъ и Муравьевъ.

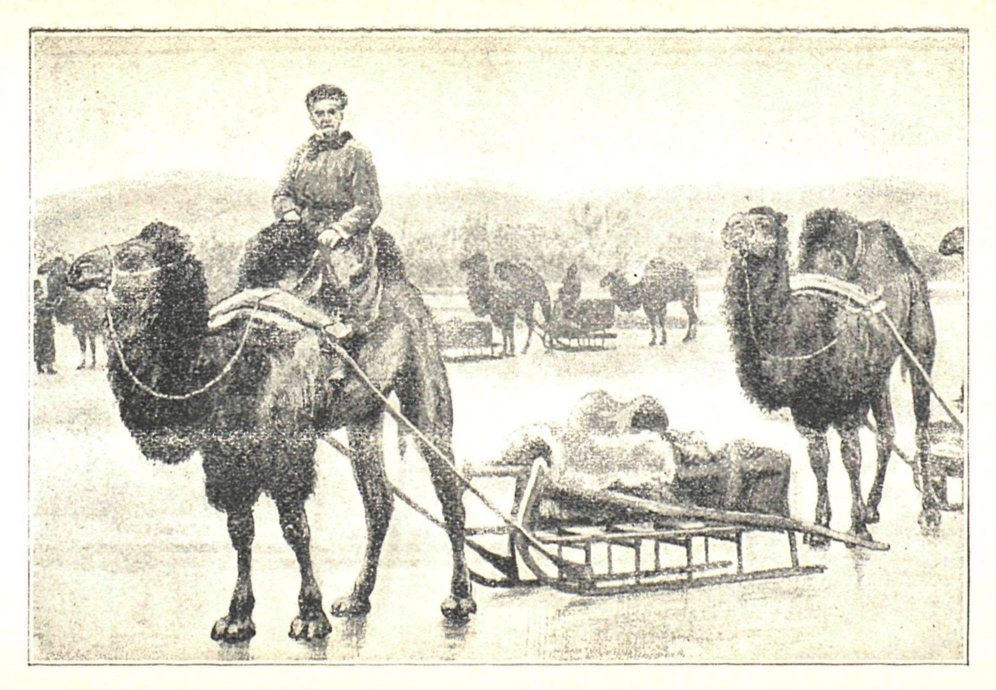
Комитетъ призналъ наши дѣйствія на Амурѣ преждевременными и опасными. Относительно торжественнаго занятія Невельскимъ пункта на Амурѣ графъ Нессельроде полагалъ, что это занятіе можетъ встревожить Китайцевъ, а потому слѣдуетъ оставить этотъ пунктъ, не ожидая представленій по этому вопросу со стороны Китайскаго правительства. Кромѣ того, графъ

Мы достигли Амурской косы около 5 часовъ пополудни. Вдругъ поднялся легкій туманъ, такъ что не было видно судоходныхъ

Нессельроде находилъ проступки Невельскаго настолько сероізными, что настаивалъ на его разжалованіи. Мнѣніе графа Нессельроде было поддержано княземъ Чернышевымъ и Сенявинымъ. Постановленіе Гиляцкаго комитета, согласно большинству мнѣній его членовъ, состоялось въ смыслѣ неблагопріятномъ для занятія Амура. Графъ Муравьевъ остался, конечно, при особомъ мнѣніи, которое вмѣстѣ съ журналомъ комитета было представлено Государю.

Муравьевъ на аудіенціи подробно доложилъ Государю объ обстоятельствахъ и причинахъ, побудившихъ Невельскаго на сомостоятельныя и рѣшительныя дѣйствія на Амурѣ. Государь одобрилъ поступокъ Невельскаго, назвавъ его „молодецкимъ", „благороднымъ" и „патріотическимъ". Вмѣсто требуемаго графомъ Нессельроде разжалованія, Невельскій былъ награжденъ орденомъ Св. Владимира 4 степени. Въ одобреніе поступка Невельскаго Государь Николай Павловичъ сказалъ Муравьеву: „Гдѣ разъ поднятъ русскій флагъ, онъ уже спускаться не долженъ". Эти высоко-знаменательныя слова красуются на памятникѣ адмиралу Невельскому, воздвигнутомъ въ 1891 г. въ Владивостокѣ на деньги, собранныя по подпискѣ.

Кромѣ вышепоименованнаго Невельскимъ были осмотрѣны рѣки Амуръ, Амгунь и Гаринъ, открыто сообщеніе между Амуромъ и заливомъ Де-Кастри, заняты этотъ заливъ и село Кизи, распространено наше вліяніе на народы въ Нижне-Амурскомъ краѣ. 20 сентября 1853 г. водруженъ русскій флагъ на Сахалинѣ. Около того же времени открыта Императорская гавань, осно-

Зимой на Амурѣ.

знаковъ и намъ пришлось бросить якорь. Отъ ближайшаго берега отдѣлилась длинная, сколоченная изъ грубо обтесанныхъ досокъ лодка съ Гиляками. Это были первые представители рыболововъ, которыхъ я увидѣлъ. Три мущины и двѣ женщины, одѣтые въ собачьи шкуры и толстый войлокъ, управляли лодкой, наполненной разной рыбой, преимущественно прекрасными семгами, которыхъ они предлагали намъ купить. Матросы сторговали нѣсколько рыбъ за порохъ и рисъ, а капитанъ купилъ приблизительно сорокъ штукъ за два рубля.

Только что окончился торгъ, туманъ разсѣялся и мы могли сняться съ якоря.

Передъ закатомъ солнца мы достигли мыса Пронжъ, который на югѣ составляетъ границу между Амуромъ и моремъ. Еще одинъ крутой поворотъ къ сѣверо-западу и черезъ нѣсколько минутъ могучій потокъ представился нашимъ удивленнымъ глазамъ.

Шириною въ пять морскихъ миль онъ ка-

ваны посты Муравьевскій, Ильинскій и Константиновскій и произведены новыя изслѣдованія.—(См. статью Робуша въ XII кн. *Истор. Вѣстн.* за 1891 г. „Русскій Піонеръ“ и *Энциклопедію воен. и морск. наукъ*, изданную подъ редакціей Генерала Леера).

титъ свою темную массу воды въ океанъ. Правый берегъ былъ виденъ въ неясныхъ очертаніяхъ, такъ что можно было предположить, что мы находимся въ морской бухтѣ, а не въ рѣкѣ *). Но недолго мы наслаждались этимъ величественнымъ видомъ. Вскорѣ ночь опустилась на мутныя воды и заставила насъ прервать путь.

Утромъ мы благополучно добрались до Николаевска, который привѣтливо смотрѣлъ внизъ на потокъ съ высокаго, лѣваго берега. Его строенія были такъ же правильны и однообразны, какъ и во всѣхъ амурскихъ поселеніяхъ гдѣ главная улица всегда тянется вдоль берега рѣки.

Гордостью каждаго сибирскаго города служатъ красивая церковь и возможно большее число массивныхъ построекъ. Церквами многіе города могутъ похвалиться. Иногда величина церкви находится въ крайней несоразмѣрности съ немногими жалкими бревенчатыми домами, окружающими ее. Массивныя постройки встрѣчаются очень рѣдко. Дерево во всѣхъ почти мѣстностяхъ достать легко; притомъ простройка деревяннаго бревенча-

*) Длина Амура 4,199 верстъ. Бассейнъ его занимаетъ площадь въ 885,660 квадр. верстъ.

таго дома производится скорѣе и проще, нежели постройка каменнаго или кирпичнаго. Въ особенности послѣдніе составляютъ въ Сибири еще рѣдкость и останутся ею до тѣхъ поръ, пока хищническое хозяйство и огонь не уничтожатъ лѣсныхъ богатствъ.

Населеніе Николаевска состоитъ, въ особенности лѣтомъ, изъ самыхъ разнообразныхъ элементовъ. Постоянныхъ жителей въ городѣ круглымъ счетомъ было 2.700 человѣкъ. Большинство ихъ, конечно, Русскіе; число Евреевъ и Китайцевъ—представителей мелкой торговли—доходило приблизительно до 200 душъ. И Японецъ проникъ туда, чтобы въ качествѣ ремесленника или работника на пристани найти себѣ заработокъ.

Наибольшій интересъ представляли сибирскіе инородцы: Гиляки, Тунгузы и Голды.

Гиляки живутъ преимущественно на нижнемъ Амурѣ, Голды—въ Уссурійскомъ краѣ и въ срединѣ Амурской области, а Тунгузы въ дикихъ мѣстахъ къ сѣверу отъ Амура. Въ первое время трудно отличить эти народности одну отъ другой, но скоро по движеніямъ, походкѣ, а также по чертамъ лица легко можно узнать, къ какому изъ этихъ

трехъ племенъ принадлежитъ тотъ или другой инородецъ.

По одеждѣ въ городѣ они не отличаются отъ прочаго населенія. Въ дикихъ мѣстахъ, конечно, не трудно узнать Тунгуза, одѣтаго въ шкуру лося, или Гиляка въ собачьей шкурѣ, или Голда, наряженнаго въ пестро расписанную рыбью кожу. Иногда и Гилякъ носитъ одежду изъ рыбьей кожи, но его крайне некрасивое лицо, съ замѣтно выдающимися признаками монгольской расы и съ лѣнивымъ выраженіемъ, такъ рѣзко отличается отъ болѣе тонкой и живой наружности Голда, что перемѣшать ихъ почти невозможно. Впрочемъ, послѣднихъ, какъ сосѣдей Небесной имперіи, украшаютъ косы.

Владивостокъ, вслѣдствіе, соединенія желѣзной дорогой съ Амуромъ, получилъ новое преимущество въ экономическомъ отношеніи. Въ послѣдніе годы значительно увеличилось число коммерческихъ судовъ, прибывающихъ въ Амурское устье *).

---

*) Николаевскъ посѣтило въ 1893 г.—38 пароходовъ и 3 судна вмѣстимостью въ 24.979 тоннъ, въ 1894 г.—35 пароходовъ и 4 судна съ 26.094 тоннъ, въ 1895 г. болѣе 45 пароходовъ и 4 судна съ 35,195 тоннъ. Эти суда въ продолженіе 3 лѣтъ привезли товара 14.788 тоннъ, 20.591 т. и 33.284 т.

Это можно приписать съ одной стороны возникновенію значительныхъ золотыхъ промысловъ на рѣкѣ Амгунѣ, притокѣ нижняго Амура, а съ другой—тому обстоятельству, что тарифныя ставки на Уссурійской желѣзной дорогѣ до сихъ поръ были такъ высоки, что отправка товаровъ моремъ до Николаевска и дальше противъ теченія рѣки въ Хабаровскъ все еще дешевле, нежели по прямому, вчетверо кратчайшему, пути по желѣзной дорогѣ. Кромѣ того заграничные товары перегружаются при отправкѣ воднымъ путемъ только одинъ разъ, а при отправкѣ рельсовымъ путемъ два раза.

О развитіи и размѣрѣ торговли на Амурѣ и его притокахъ можно судить по судоходству. Первый частный пароходъ, принадлежавшій фирмѣ «Дикманъ и К°», появился на Амурѣ въ 1863 году*). Черезъ годъ, при помощи правительства было основано общество пароходства Бенардаки и К°, которое однакожь въ 1868 г. обанкротилось. Новое общество, основанное вскорѣ послѣ этого, держится и до сегодняшняго дня, хотя пра-

---

*) Въ сущности, по русско-китайскому договору только русскія суда могутъ плавать по Амуру и Сунгари.

вительство съ 1892 г. лишило его субсидіи. Лѣтомъ 1885 г. число торговыхъ пароходовъ возросло уже до 44. Значительное увеличеніе произошло четыре года тому назадъ съ основаніемъ купцами Сибиряковымъ и Шевелевымъ новаго «Общества Амурскаго Пароходства». Это предпріятіе утверждено правительствомъ, которое въ теченіе десяти лѣтъ обязалось оказывать пособіе, доходящее до 183.500 руб.*) ежегодно, соотвѣтственно пройденнаго разстоянія. Въ навигацію 1895 года наличные пароходы не справлялись съ перевозкой товаровъ, такъ что въ Николаевскѣ, Хабаровскѣ и Благовѣщенскѣ осталось много неперевезенныхъ товаровъ.

---

*) Правительство обязалось выплачивать за срочное сообщеніе по рѣкамъ Амурскаго бассейна по 1 руб. 50 коп. за каждую дѣйствительно пройденную версту, а всего не свыше 183.532 р. 50 к. въ годъ. Кромѣ того Правительствомъ выдаются субсидіи еще: коммерціи совѣтнику Шевелеву помильной платы за срочное сообщеніе между портами Приморской Области, а также между ними и открытыми портами Кореи, Японіи и Китая по 3 руб. за милю и купцу Федорову за срочные пароходные рейсы по р. Суйфуну 6.000 ежегодно по 1903 годъ.

По послѣднимъ свѣдѣніямъ, проникшимъ въ печать, Министерство Путей Сообщенія рѣшило въ текущемъ 1898 г. испросить на нужды Амурскаго Пароходства правительственную субсидію до 2.000.000 руб.

Желая осмотрѣть рыбные промыслы въ устьѣ Амура, мы уговорились съ одной гилякской семьей отвезти насъ за 40 верстъ внизъ по теченію. Въ семь часовъ утра мы отправились съ необходимымъ багажомъ на пристань, но о нашихъ гребцахъ не было ни слуху, ни духу.

Приходилось договориться съ другими. Хотя ихъ и достаточно было налицо, но, къ сожалѣнію, везти насъ никому изъ нихъ не хотѣлось.

Отсутствіе нужды—это большое зло для тамошняго народнаго хозяйства. Кто не вѣритъ въ этотъ народный экономическій принципъ, тотъ пускай поѣздитъ нѣкоторое время по Сибири и скоро, къ собственному сожалѣнію, убѣдится въ его достовѣрности. Поселенцевъ и туземцевъ, если они въ данное время ни въ чемъ не нуждаются, невозможно нанять ни за какія деньги.

Повидимому, всѣ Гиляки на пристани въ Николаевскѣ обладали въ то время нѣсколькими рублями и были сыты. Наши предложенія ихъ не трогали. Мы или не получали никакого отвѣта, или, вмѣсто таковаго, намъ презрительно и лѣниво моргали глазами.

Наконецъ, когда мы хотѣли уже отка-

заться отъ нашей поѣздки, намъ явилась помощь въ лицѣ какого-то Жида-ветошника, который привелъ къ намъ одѣтаго въ шкуру человѣка, собиравшагося вернуться въ свою деревню. За пять рублей онъ согласился взять насъ съ собою и высадить у рыболовнаго промысла какого-то господина Капцана.

Плаванiе наше происходило скорѣе, нежели приготовленiя къ нему. Амуръ, даже въ нижнемъ своемъ теченiи, течетъ съ страшной быстротой. Почти никогда не удается спасти человѣка, попавшаго въ его волны. Черезъ нѣсколько секундъ теченiе и водовороты тянутъ его въ глубь, и трупъ изчезаетъ у дикихъ береговъ.

Сотни чаекъ кружились около свай, приготовленныхъ на правомъ берегу для ловли рыбы. То и дѣло показывались изъ волнъ толстыя головы тюленей, а разнородныя водяныя птицы плавали повсюду и летали, пересѣкая намъ путь. Замѣчательно красивую картину представляли бѣлоснѣжные дельфины, суетившiеся передъ нами въ погонѣ за семгой. Они — не только самые большiе, но и самые красивые представители

своей породы*). Въ противоположность своимъ обыкновеннымъ собратьямъ они замѣчательно боязливы и большею частью плаваютъ въ одиночку. Гиляки охотятся на нихъ гарпуномъ. Они могутъ приближаться къ нимъ только въ дурную погоду на парусной лодкѣ, такъ что добыча такого великана сопряжена съ разнаго рода опасностями. Черепа дельфиновъ туземцы выставляютъ, какъ трофеи, на высокихъ шестахъ передъ своими хижинами.

Рѣзкую противоположность изобилію животныхъ составляетъ рѣдкое проявленіе человѣческой дѣятельности на рѣкѣ и возлѣ нея. Во время нашихъ неоднократныхъ и долгихъ поѣздокъ на лодкѣ мы не встрѣчали ни судна, ни челнока. Только то тутъ, то тамъ виднѣлись у береговъ частоколы, служившіе для ловли семги, а еще рѣже намъ попадались на пути небольшія гилякскія деревни и рыбачьи хаты.

Мы находились въ $2^1/_2$ часахъ ѣзды отъ Николаевска, когда Гилякъ причалилъ лодку къ берегу, гдѣ довольно большое число строе-

---

*) Они достигаютъ длины въ 8 метровъ; называютъ ихъ бѣлугой.

нiй указывало на то, что тамъ находится рыболовный промыселъ. Г. Капцанъ, хозяинъ промысла, съ полной готовностью согласился удовлетворить наши желанiя и показалъ намъ въ подробности всѣ приспособленiя для рыбной ловли и гилякскую деревню, находившуюся недалеко отъ его строенiй.

Занимающiеся рыбнымъ промысломъ въ низовьяхъ Амура, ловятъ рыбу меньше всего своими рабочими Главныя мѣста рыбной ловли находятся вблизи Гилякскихъ деревень, жители которыхъ помогаютъ во время ловли и приготовленiй къ ней, а также доставляютъ рыбу, пойманную ими самими.

Самая выгодная и прибыльная ловля это «кеты», весьма похожей на рейнскую семгу. Кромѣ кеты въ Приамурскомъ краѣ часто встрѣчаются еще двѣ породы семги. Не менѣе цѣнную добычу составляютъ разныя породы осетровъ, которыя водятся въ Амурѣ, главнымъ образомъ въ верхнемъ и среднемъ его теченiи. Но обращать икру этихъ рыбъ въ капиталъ умѣютъ до сихъ поръ только нѣкоторые переселенцы изъ Астрахани. Въ общемъ, въ Сибири икра очень плоха.

Между прочими многочисленными сортами рыбъ, которыя населяютъ рѣки Восточной

Сибири, я обратилъ вниманіе, вопервыхъ, на ужасную массу большихъ хищныхъ рыбъ, которыхъ Сибиряки, въ виду ихъ длинныхъ и острыхъ зубовъ, называютъ пилами, и вовторыхъ, на ельцовъ, по величинѣ и виду похожихъ на сельдей.

Оба сорта этихъ рыбъ невкусны. Первыхъ я часто замѣчалъ въ небольшихъ притокахъ устья Амура. Онѣ появлялись такими массами, что часть ихъ выбрасывалась на берегъ и погибала. Поэтому во многихъ мѣстахъ воздухъ былъ такъ испорченъ, что пребываніе тамъ для всякаго человѣка—будь онъ даже Гилякъ—было невозможно.

Ельцовъ Гиляки употребляютъ для корма собакъ. Сотни, тысячи этихъ рыбъ сушатся развѣшанныя возлѣ хижинъ.

Ловля переходной рыбы, въ особенности семги, производится самымъ простымъ способомъ, который европейцы, по всей вѣроятности, переняли у Гиляковъ. Недалеко отъ берега начинается рядъ свай, который прямой линіей тянется къ серединѣ рѣки, перпендикулярно ея теченію, приблизительно шаговъ на триста. Въ тридцати же шагахъ отъ конца линія свай уклоняется по теченію впередъ и образуетъ съ длинной линіей

тупой уголъ. Сваи переплетены прутьями въ видѣ плетня, который находится въ водѣ на шесть футовъ. Возлѣ послѣдней сваи стоитъ лодка съ рыбакомъ, который въ томъ мѣстѣ опускаетъ въ воду сѣть въ 5—6 метровъ длины и приблизительно въ два метра ширины. Сѣть передвигается по канату, который отъ одной изъ свай длинной линіи тянется къ послѣдней сваѣ, образуя такимъ образомъ, вмѣстѣ съ составляющими уголъ частями частокола, треугольникъ. Сѣть на канатѣ замыкаетъ только треть стороны этого треугольника, такъ что остается еще широкій доступъ въ образовавшійся такимъ образомъ мѣшокъ для ловли.

Все это устройство, несмотря на его простоту, соотвѣтствуетъ своей цѣли, такъ какъ оно основано на привычкахъ семги. Послѣдняя никогда не плыветъ глубже двухъ метровъ подъ поверхностью воды, избѣгаетъ середины рѣки, держится ближе къ берегу и такимъ образомъ ударяется объ устроенную рыбакомъ рѣшетку. Ударившись, она тотчасъ же сворачиваетъ въ сторону, къ серединѣ рѣки, но встрѣчаетъ тамъ то же препятствіе и вотъ, повернувши назадъ, попадаетъ изъ угла частокола въ сѣтку, которую

рыбакъ при помощи веревки, двигающейся по поперечному канату, можетъ открывать и затягивать. Главной причиной успѣшнаго примѣненія этой системы для ловли служитъ громадное изобиліе рыбъ въ тѣхъ водахъ.

Я долженъ еще прибавить, что Гиляки въ то время, когда я тамъ былъ, получали за сотню хорошихъ семгъ 1 рубль 35 коп. И это считалось еще хорошей цѣной.

Въ періодъ перехода рыбы при помощи описаннаго мною устройства можно наловить въ нѣсколько часовъ тысячи рыбъ. Періоды перехода семги бываютъ въ маѣ и августѣ и продолжаются только отъ 8 до 14 дней. Отдѣльныя стада рыбъ проходятъ черезъ мѣсто ловли черезъ промежутки времени отъ 4 до 10 часовъ. Опредѣлить хотя приблизительно число рыбъ, которыя ежегодно приходятъ въ Амуръ, въ настоящее время при не совсѣмъ точномъ наблюденіи, невозможно. Насколько велико число рыбъ, видно уже изъ того, что ширина одного стада часто достигаетъ версты. Изъ двухъ предпринимателей, которыхъ мы посѣтили, одинъ ежегодно ловилъ до 60.000 семгъ, другой же вдвое больше.

Что же касается раціональнаго приготов-

ленія и сбыта рыбы, то въ настоящее время этого еще совсѣмъ нѣтъ. Изъ теперешнихъ предпринимателей, вѣрно, ни одинъ не имѣетъ болѣе 3.000 рублей основнаго капитала. Но этотъ послѣдній приноситъ ежегодно столько же чистаго дохода.

Какъ только лодка наполнена рыбой, ее отправляютъ въ большихъ деревянныхъ корытахъ на берегъ и тотчасъ же ее приготовляютъ.

Работы исполняютъ гилякскія женщины, Гиляки, а также и временно отпущенные арестанты. Рыбу разрѣзаютъ или по спинѣ и затѣмъ вычищаютъ, или же двумя разрѣзами отдѣляютъ спину и животъ. Въ послѣднемъ случаѣ средняя часть годится только въ сушеномъ видѣ для корма собакъ.

Сначала рыбу не чистятъ, а тотчасъ же укладываютъ въ бочки и насухо солятъ. Черезъ нѣсколько дней производится чистка ея въ разсолѣ. Затѣмъ ее вторично солятъ или коптятъ и товаръ готовъ для отсылки.

Семгу, приготовленную такимъ образомъ, нельзя далеко высылать. Тѣ два милліона семгъ, которые, по имѣющимся свѣдѣніямъ, ежегодно ловятся на Амурѣ, находятъ легкій

сбытъ въ Восточной Сибири и сосѣднихъ странахъ. Въ послѣднее время ихъ въ значительномъ количествѣ расходуютъ войска.

Для жителей Амура періодъ перехода рыбы имѣетъ то же значеніе, какъ для поселянина жатва и для винодѣла сборъ винограда. Гилякъ пробуждается отъ своей апатіи, освобожденный или временно отпущенный арестантъ бросаетъ на это время свою лѣнь, а предприниматель нѣсколько недѣль бываетъ занятъ днемъ и ночью. Нужно исправитъ приспособленія для ловли, починить бочки, привести въ порядокъ чуланы и сараи, пріобрѣсти соль и разные товары, которыми большею частью платятъ туземцамъ. Хотя это время и полно волненій, все же для человѣка и животныхъ оно благодатно. Въ особенности собаки дѣлаются вскорѣ толстыми, круглыми и собираются съ силами для выполненія тѣхъ большихъ требованій, которыя предъявляются къ нимъ, чтобы зимою тянуть сани, а лѣтомъ лодки.

Послѣ того, какъ мы въ подробности осмотрѣли все, что̀ касается рыбнаго промысла, нашъ любезный хозяинъ повелъ насъ къ своимъ сосѣдямъ-Гилякамъ.

Деревушка была населена только восемью

семействами, которыя имѣли здѣсь свои домики для лѣтняго пребыванія. Домики эти— легкіе, деревянные, построены на сваяхъ величиною въ человѣческій ростъ, между тѣмъ какъ болѣе основательные бревенчатые дома для зимняго пребыванія воздвигнуты на землѣ. Почему лѣтнія жилища строятся на сваяхъ, я, несмотря на всѣ распросы, не могъ узнать. Общее мнѣніе тамошнихъ Европейцевъ сводится къ тому, что къ такому способу постройки прибѣгли исключительно для того, чтобы предохранить висящія на крышѣ рыбы отъ истребленія собаками. Это объясненіе кажется мнѣ неудовлетворительнымъ. Гиляки строятъ дома на сваяхъ, вѣроятно, по тѣмъ же самымъ причинамъ, какъ Малайцы и нѣкоторыя другія народности. Болотистая почва и лѣтнія испаренія были, вѣрно, главной причиной, заставившей строить дома на возвышеніяхъ. Подъ хижиной между сваями живутъ собаки, зимою же ихъ помѣщаютъ въ узкихъ сѣняхъ передъ жилой комнатой. Эта послѣдняя рѣдко имѣетъ больше 30 квадратныхъ шаговъ.

Вблизи Николаевска, гдѣ туземцы зарабатываютъ деньги имѣютъ и постоянныя сношенія съ Китайцами, нѣкоторыя жилища были

Перекочевывающіе тунгусы.

устроены не плохо. Какъ и въ китайскихъ домахъ, вокругъ комнаты вдоль стѣнъ тянутся высокія лавки, на которыхъ Гиляки спятъ и исполняютъ нѣкоторыя домашнія работы. Большею частью онѣ покрыты рогожами, невыдерживающими, впрочемъ, никакого сравненія съ таковыми же въ японскихъ домахъ, которые, какъ уже сказано, блестятъ чистотою. Единственно, что̀ блестѣло въ закоптѣлыхъ, грязныхъ хатахъ Гиляковъ, это жировыя пятна.

Но не всѣ хаты, которыя мы посѣтили, имѣли одинаково закоптѣлый видъ. Нѣкоторыя семейства настолько подвинулись впередъ въ культурѣ, что устроили желѣзныя трубы для выхода дыма изъ очага, находящагося по серединѣ комнаты. Въ одной же хатѣ я замѣтилъ даже коросиновую лампу— предметъ роскоши, отсутствующій въ очень многихъ сибирскихъ крестьянскихъ домахъ. Жители хатъ приняли насъ не особенно дружелюбно.

Каждая гилякская деревня старается имѣть возможно бо́льшее число ручныхъ медвѣдей. Такъ какъ Гиляки не большіе охотники, то они покупаютъ медвѣдей большею частью у Голдовъ или Русскихъ и держатъ ихъ вза-

перти въ маленькихъ бревенчатыхъ домикахъ, гдѣ медвѣди до самой смерти пользуются такимъ вниманіемъ и тщательнымъ уходомъ, какъ ни одинъ другой индивидуумъ колоніи.

Перваго января каждаго года справляется праздникъ медвѣдей. Въ началѣ празднества съ Мишкой, обходятся хорошо. Скованнаго водятъ его по деревнѣ изъ дома въ домъ, гдѣ онъ получаетъ изысканныя блюда, которыя подаютъ ему на деревянныхъ ложкахъ съ очень длинными ручками. Но это послѣдняя трапеза осужденнаго на смерть. Послѣ того, какъ надъ нимъ вдоволь потѣшатся, онъ долженъ разстаться съ жизнью подъ стрѣлами своихъ почитателей. Мясо его съѣдается на праздничномъ пиру, а черепъ выставляется на длинномъ шестѣ при входѣ въ деревню.

Чѣмъ объяснить этотъ странный обычай, встрѣчаемый только у Гиляковъ и Аиновъ, до сихъ поръ не удалось изслѣдовать. Много было говорено о медвѣжьемъ культѣ у этихъ племенъ. Но предположеніе, что на медвѣдя они смотрятъ, какъ на божество, врядъ-ли можно допустить, принявъ во вниманіе ту участь, которая въ концѣ концовъ его постигаетъ. Наиболѣе вѣрнымъ окажется, по-

жалуй, предположеніе, что Гиляки и Аины почитаютъ въ медвѣдѣ духъ храбрости, мужества и силы. На праздничный пиръ послѣ убійства звѣря можно смотрѣть, какъ на тріумфъ побѣды надъ могучимъ духомъ. Это объясненіе такъ называемаго медвѣжьяго культа согласуется съ древнимъ религіознымъ взглядомъ Гиляковъ. Всѣ они еще недавно были поклонниками шамановъ, какъ и прочіе сибирскіе кочевники и инородцы, занимающіеся рыболовствомъ и охотой. Они поклонялись главнымъ образомъ злымъ духамъ, которыхъ они усматриваютъ во вредныхъ силахъ природы, дикихъ звѣряхъ и болѣзняхъ. Эта первобытная вѣра въ природу въ настоящее время начинаетъ исчезать, успѣшно вытѣсняемая въ западной Сибири исламомъ, а въ Средней Азіи буддизмомъ. Со времени же занятія Восточной Сибири она получила въ христіанствѣ новаго побѣдоноснаго противника. Въ настоящее время абсолютный шаманизмъ встрѣчается еще только у небольшой части Бурятъ въ Забайкальѣ, въ среднемъ Амурскомъ краѣ и на далекомъ сѣверѣ Сибири. На Амурѣ этого культа еще твердо держатся главнымъ образомъ Голды*).

---

*) См. сочиненіе П. Шишкевича *Матеріалы для изученія шаманизма*. Хабаровскъ. 1896.

Гиляки напротивъ, большею частью крещены. Лишь вблизи Охотскаго моря и на Сахалинѣ встрѣчаются деревни, которыхъ не коснулось христіанство.

На слѣдующее утро, прежде чѣмъ отправиться въ дальнѣйшій путь, я побродилъ нѣсколько часовъ въ чащѣ, которая тянулась вдоль берега рѣки, но ни одно животное не попалось мнѣ подъ ружье. Въ это утро оно служило мнѣ вмѣсто палки для защиты отъ собакъ, съ воемъ окружившихъ меня при моемъ возвращеніи.

По моему, эти животныя не умѣютъ лаять и поэтому онѣ больше походятъ на своихъ дикихъ родственниковъ — волковъ, нежели наши собаки. По наружному виду онѣ очень напоминаютъ нашихъ овчарокъ.

Собака Гиляка ведетъ собачью жизнь въ полномъ смыслѣ этого слова. Ласки она не видитъ, зато получаетъ много побоевъ. Пищу ея составляетъ исключительно рыба, которую даютъ ей въ сушеномъ или вареномъ видѣ. Гилякъ, кажется, только тогда обращаетъ вниманіе на своего незамѣнимаго вѣрнаго слугу, когда нуждается въ его работѣ. Это бываетъ главнымъ образомъ зимою, когда собаку запрягаютъ въ легкія, низкія, длин-

ныя сани, которыя, не считая лодки, составляютъ единственный экипажъ Гиляковъ.

Какъ только Амуръ замерзаетъ, открывается собачья почта, которая доставляетъ путешественниковъ, посылки и письма изъ Хабаровска къ устью Амура и черезъ Татарскій проливъ мимо Погоби на Сахалинъ. Лѣтомъ собаки несутъ службу только тогда, когда Гиляки отправляются вверхъ противъ теченія рѣкъ. Тамъ, гдѣ теченіе слишкомъ сильно для передвиженія лодки весломъ, въ лодку впрягаютъ собакъ, которыя тянутъ ее вдоль берега.

На этотъ разъ лодочникъ попался намъ симпатичнѣе. Молодой, интелегентнаго вида и для Гиляка замѣчательно живой и сообщительный, онъ охотно отвѣчалъ мнѣ на мои многочисленные вопросы.

Послѣ нѣсколькихъ словъ оказалось, что онъ страстный охотникъ, а вскорѣ на дѣлѣ доказалъ, что онъ и превосходный рыболовъ. Передъ нимъ въ лодкѣ лежало длинное гарпунное копье. Мы ѣхали около часа, какъ вдругъ Гилякъ бросилъ весла, схватилъ копье и приблизительно въ двухъ футахъ отъ лодки съ силой толкнулъ его въ воду. Наши глаза ни на одинъ дюймъ не могли проникнуть

черезъ мутную, желто-коричневую поверхность воды, Гилякъ же увидалъ въ глубинѣ двадцатифунтовую рыбу и мѣтко попалъ въ нее. Барахтаясь, добыча висѣла на гарпунѣ.

Водная поверхность была такъ же оживлена, какъ и наканунѣ. Небо было совершенно безоблачно, а воздухъ замѣчательно чистый, такъ что лѣсистый лѣвый берегъ ясно выдѣлялся.

Какъ только мы тронулись въ путь, мы увидѣли передъ собой покрытую высокими деревьями, длинную, вдающуюся въ рѣку косу, незамѣченную нами наканунѣ. На дѣлѣ же оказалось, что мы видѣли воздушное явленіе. Его первообразъ находился на 10 километровъ ближе къ устью. Черезъ нѣсколько времени миражъ поднялся надъ поверхностью воды и постепенно исчезъ изъ нашихъ глазъ. Только около полудня мы проѣхали мимо косы, а вскорѣ затѣмъ достигли и нашей цѣли – устья Амура, гдѣ находился рыболовный промыселъ, принадлежавшій одному сельскому хозяину, по фамиліи Эккерманъ, забравшемуся туда изъ Мекленбурга.

Приспособленія для рыбной ловли и гилякская деревня были тамъ значительно

обширнѣе, нежели у Капцана, но по устройству онѣ во всемъ походили на вышеописанныя.

Картинѣ придавало болѣе пестрый видъ большое число Японцевъ, прибывшихъ на двухъ шкунахъ съ острова Іецо для ловли семгъ при помощи неводовъ. Они не возили съ собой бочекъ, а складывали соленую рыбу прямо въ трюмы шкунъ.

Послѣ осмотра гилякской деревни хозяинъ промысла повелъ меня въ лѣсъ, гдѣ въ уединеніи находилось нѣсколько надгробныхъ гилякскихъ памятниковъ. Они представляли собой маленькіе деревянные домики, похожіе на собачьи конуры, вышиною около двухъ футовъ, и заключали въ себѣ предметы, пожертвованные въ память умершихъ. Гиляки еще и теперь сжигаютъ трупы своихъ покойниковъ *). Остатки золы они хоронятъ и на этомъ мѣстѣ возводятъ домики красивой архитектуры. Осмотрѣвъ одинъ ихъ нихъ вблизи, я замѣтилъ въ немъ вбитый въ землю колышекъ съ куклой изъ дерева и тряпокъ, пустыя бутылки отъ водки, жестяную

*) Иногда своихъ мертвецовъ они предаютъ также и землѣ или помѣщаютъ въ лѣсу на деревьяхъ.

коробку и фарфоровую чашку. Судя по этому, Гиляки должны быть очень скромны.

На другой день послѣ нашего прибытія мы рѣшили отправиться на охоту па лѣвый берегъ рѣки.

Такъ какъ съ нами не было собакъ, то мы могли пазвать нашу охоту удачной, убивъ въ лѣсной чащѣ въ продолженіе нѣсколькихъ часовъ пятнадцать рябчиковъ.

Вблизи колоній наличность дичи стала, конечно, небольшой. *) Винтовка поселенца въ нѣсколько десятковъ лѣтъ порядочно истребила лосей, олепей, сернъ, соболей и другихъ полезныхъ четвероногихъ животныхъ. Въ окрестностяхъ деревень встрѣчаются только дикія птицы, которыми Сибирякъ пренебрегаетъ. Опъ жалѣетъ расходовать дорогой зарядъ на глухаря, тетерку, рябчика или утку. Ихъ опъ ловитъ большими массами зимою при помощи силковъ.

Кромѣ человѣка, въ Юго-Восточной Сибири преслѣдуютъ полезныхъ животныхъ еще мно-

---

*) Въ восточной Сибири большинство четвероногихъ животныхъ осенью отправляющихъ большими партіями на югъ, а весной обратно на сѣверъ. Эти передвиженія даютъ возможность сибирскому охотнику убивать ихъ массами.

гочисленные хищники. Вездѣ, гдѣ въ большомъ количествѣ водятся кабаны или серны, можно съ увѣренностью разсчитывать встрѣтить тигра или пантеру, равно какъ волка и рысь. Менѣе вреденъ напрасно оклеветанный медвѣдь, довольствующійся обыкновенно растеніями и рыбой. Въ Сибири онъ вовсе не составляетъ рѣдкого явленія.

Вернувшись на рыбный промыселъ, мы нашли всѣхъ въ большомъ волненіи. Появились предвѣстники приближенія семги; на разсвѣтѣ дня надѣялись сдѣлать первый большой лѣтній уловъ. Рыбаки не ошиблись въ своихъ разсчетахъ. Съ восходомъ солнца сѣти уже начали наполняться. Лодка за лодкой подвозила къ берегу серебристый грузъ. Въ деревянныхъ корытахъ насилу помѣщалась трепещущая добыча, кровь которой струилась по ножамъ Гиляковъ и арестантовъ.

Мы хотѣли вернуться по возможности скорѣе въ Николаевскъ, но на исполненіе этого желанія было мало надежды. Всѣ были заняты и нельзя было нанять ни одного Гиляка.

Мы уже стали примиряться со своей судьбой и строить планы для новыхъ охотничьихъ экскурсій на Святую гору, на которую ни

одинъ Гилякъ не смѣетъ взойти, потому что, по ихъ словамъ, горный духъ убиваетъ всякаго, кто туда проникаетъ.

Но на этотъ разъ намъ не пришлось дожидаться. Около полудня неожиданно появилась большая лодка съ гилякской семьей, которая направилась съ береговъ Охотскаго моря въ Николаевскъ, чтобы тамъ продать жиръ и шкуры тюленей и принять участіе въ ловлѣ семги. Они оказались сговорчивѣе своихъ болѣе просвѣщенныхъ одноплеменниковъ и согласились взять насъ съ собой на слѣдующее утро.

Семья эта состояла изъ дѣда, который управлялъ весломъ, его жены, двухъ взрослыхъ сыновей, одной невѣстки и трехъ подростковъ внуковъ; кромѣ нихъ, въ лодкѣ находилось пять собакъ. Эти простые люди во время плаванія въ продолженіе нѣсколькихъ недѣль довольствовались такимъ малымъ количествомъ багажа, что, глядя на нихъ, становилось завидно. Одеждой имъ служили собачьи шкуры. Бѣлье и другія принадлежности платья были имъ совсѣмъ незнакомы. Нѣсколько сотенъ сушеной рыбы, висѣвшей на палкахъ, положенныхъ поперекъ лодки, составляли пищу для людей и собакъ.

Въ передней части лодки помѣстили нашъ багажъ, который служилъ намъ сидѣньемъ. Мы уже готовы были къ отъѣзду, но насъ поразилъ запахъ гнилой рыбы, который былъ гораздо сильнѣе того, который приходилось выносить въ гилякскихъ жилищахъ.

Гиляки, конечно, не понимали, въ чемъ дѣло, такъ что мы сами принялись осматривать лодку и, слѣдуя нашему болѣе острому обонянію, открыли кучу почти совсѣмъ уже разложившейся рыбы, которая служила ложемъ для собакъ. По нашему требованію туземцы съ улыбкой выбросили всю эту гниль въ рѣку; затѣмъ мы медленно поплыли противъ теченія вдоль лѣваго берега.

Мы подвигались впередъ или при помощи веселъ, или мужчины, женщины, дѣти и собаки тащили лодку вдоль берега.

Все шло хорошо почти до самыхъ сумерекъ.

Вдругъ, когда мы уже приблизились къ подножію высокихъ скалъ противъ Николаевска, на западѣ стали собираться грозныя тучи. Гиляки заволновались, вставали по очереди, хватались за свои талисманы и съ крикомъ заклинали духовъ бури.

Перспектива находиться въ гилякской лод-

кѣ во время бури и намъ также не представлялась особенно пріятной. Поэтому мы стали уговаривать нашихъ лодочниковъ поскорѣе причалить къ берегу, но для этого нужно было по меньшей мѣрѣ полчаса, какъ бы ни было сильно теченіе, а этого времени было достаточно для того, чтобы лодка затонула.

Заклинанія не помогли. Какъ только первые порывы вѣтра ударили по волнамъ, всѣ Гиляки, не исключая и старика, совершенно потеряли присутствіе духа. Мы находились на серединѣ рѣки, когда со всей силой разразилась непогода. Вмѣсто дождя, котораго мы такъ опасались, съ неба посыпался на насъ крупный градъ. Волны подъ сильными ударами градинъ тотчасъ же успокоились, такъ что мы, хотя промокшіе и побитые, невредимо добрались до другого берега.

V.

На нижнемъ теченіи Амура и въ Уссурійскомъ краѣ.

На четвертый день послѣ моего возвращенія съ рыбнаго промысла въ Николаевскъ прибылъ пароходъ новаго Общества *Джонъ Кокериль*. Взойдя на него, я пришелъ къ заключенію, что все худое, которое приходилось мнѣ слышать и читать про амурскіе пароходы, по меньшей мѣрѣ, сильно преувеличено.

Джонъ Кокериль — двухъэтажный колесный пароходъ, длиною болѣе ста метровъ, произвелъ на меня прекрасное впечатлѣніе. Каюты перваго класса занимали заднюю половину перваго этажа. Большая привѣтливая столовая, уставленная гнутой американской мебелью, и обширный курительный залъ служили мѣстомъ общаго пребыванія. Вдоль длинныхъ стѣнъ столовой находились каюты,

въ каждой изъ которыхъ стояли двѣ кровати съ хорошими матрацами. Все имѣло опрятный, культурный видъ.

Около полудня мы тронулись въ путь вверхъ противъ теченія. Нижнее теченіе Амура, по моему мнѣнію, принадлежитъ къ самымъ красивымъ мѣстамъ величественной рѣки.

На слѣдующее утро, совсѣмъ рано, мы прибыли въ Михайловское*) гилякское поселеніе, ставшее пароходной пристанью съ тѣхъ поръ, какъ открыли невдалекѣ Анненскій источникъ.

Какъ сообщилъ мнѣ врачъ, жившій на водахъ, этотъ горячій источникъ, температурой въ 42° С, по химическому составу довольно слабый, излѣчиваетъ ревматизмъ. Въ прошломъ году пріѣзжихъ было около 150 человѣкъ. Это было большое число, если принять во вниманіе незначительное народонаселеніе Приамурскаго края. Впрочемъ, ревматизмъ въ чрезвычайно сухомъ и здоровомъ климатѣ тѣхъ странъ встрѣчается рѣдко.

---

*) Этнографы называютъ жителей въ окрестностяхъ Михайловскаго Ольчами, родственными Гилякамъ; по наружному виду эти два поколѣнія различить невозможно.

Михайловское выдѣляется своимъ красивымъ мѣстоположеніемъ.

Возлѣ него рѣка расширяется вдвое и тутъ же къ востоку отъ него образуетъ колѣно, такъ что кажется, будто находишься на морѣ, охваченномъ крутыми горами. Вдали полукругомъ тянется противоположный лѣвый берегъ, возвышенности котораго виднѣются за длиннымъ низменнымъ островомъ.

Въ низовьяхъ Амура такіе острова встрѣчаются часто. Покрытые высокимъ кустарникомъ или большими лугами, они придаютъ ландшафту большое разнообразіе. Ихъ свѣтлая зелень составляетъ контрастъ съ темнымъ цвѣтомъ боярышника, растущаго на берегахъ рѣки. И эти послѣдніе тоже покрыты богатой растительностью. Даже въ щели отвѣсныхъ скалъ, спускающихся въ рѣку, пустили корни хвойныя деревья, березы, кусты и травы. Гдѣ же склоны горъ менѣе круты и на нихъ ежегодно образуется перегной, они украшены густымъ сибирскимъ ковромъ изъ цвѣтовъ, который еще издали ласкаетъ глазъ своими красивыми блестящими красками.

Разстояніе между Николаевскомъ и Хабаровскомъ составляетъ около 975 верстъ. При

благопріятныхъ условіяхъ его можно проѣхать въ пять дней.

На третій день мы благополучно достигли Маріинска, а вскорѣ затѣмъ Софійска.

Первый—привѣтливый миніатюрный городокъ, второй же представляетъ самую печальную картину.

Какъ и вышеназванные два городка, всѣ почти поселенія — а ихъ между Николаевскомъ и Хабаровскомъ было около двадцати—были расположены на правомъ, болѣе высокомъ берегу рѣки и всѣ они, за исключеніемъ Маріинска, производили жалкое впечатлѣніе.

Экономическое положеніе поселенцевъ въ тѣхъ мѣстахъ, несмотря на богатую природу, до невѣроятія плохо. Обработкой земли и скотоводствомъ въ 1895 г. почти совсѣмъ не занимались казаки, поселившіеся въ низовьяхъ Амура въ 1853 г. Все ихъ хозяйство состояло изъ полей съ картофелемъ, огородовъ съ овощами и рѣдко только изъ вспаханныхъ нивъ. Заготовленныхъ дровъ оказалось тамъ такъ мало, что намъ потребовалось шесть часовъ, чтобы собрать ихъ въ количествѣ, еле хватившемъ для топки въ продолженіе столькихъ же часовъ пути.

Въ первые три дня нашего пути стояла прекрасная погода. Только по ночамъ туманъ задерживалъ насъ на нѣсколько часовъ. Высокія, крутыя вершины Сихота-Алинъ все болѣе и болѣе исчезали.

До пристани Нижняго Тамбовска, находящейся на полъ пути въ Хабаровскъ, наше путешествіе шло хорошо, но вдругъ погода перемѣнилась. Небо окуталось сѣрымъ туманомъ, перешедшимъ вскорѣ вь мелкій дождь.

Изъ каютъ мы любовались громадной массой водъ у Даптанки, гдѣ рѣка на столько широка, что омываетъ островъ длиною около 23$^1/_2$, а шириною около 7$^1/_2$ верстъ.

Погода становилась все хуже. Когда мы проѣзжали мимо устья притока Дондонъ, поднялся сильный западный вѣтеръ, перешедшій вскорѣ въ бурю. Амуръ началъ выказывать свои худшія стороны. Его волны могли сравняться съ волнами Сѣвернаго Моря и нашъ пароходъ началъ непріятно качаться.

Капитанъ и команда казались неспокойными и озабоченными, потому что *Джонъ-Кокерилъ*, не вынесъ бы сильной бури. Къ счастью, когда буря разразилась, мы нахо-

дились недалеко отъ пролива между островомъ и берегомъ вблизи деревушки Да.

Тамъ мы бросили якорь и считали себя уже въ безопасности, какъ вдругъ оказалось, что якорь не укрѣпился въ почвѣ и теченіе потянуло насъ за собой. Быстро была отправлена къ берегу спасательная лодка съ канатами, которые и были обвиты вокругъ деревьевъ. Но какъ только люди окончили свою работу и вернулись на пароходъ, порывъ вѣтра подхватилъ большую лодку и опрокинулъ ее. Канаты оказались очень слабыми и каждую минуту грозили порваться. Спущена была лодка поменьше, матросы благополучно достигли берега и успѣли укрѣпить пароходъ при помощи проволочнаго каната.

Ночь наступила и буря продолжала бушевать со всею силой. Ледяной вѣтеръ проникалъ черезъ щели легко построенныхъ стѣнъ каютъ, такъ что отъ холода, несмотря на паровое отопленіе, я не могъ заснуть. Только къ утру непогода нѣсколько успокоилась и можно бы было, по приведеніи парохода въ порядокъ, отправиться въ дальнѣйшій путь, не будь у насъ недостатка въ дровахъ. Къ такого рода приключеніямъ шкиперъ на Амурѣ привыкъ. Первые паро-

ходы здѣсь сами должны были ежедневно добывать себѣ топливо въ лѣсныхъ дебряхъ. Топоры и пилы оказались на лицо, быстро было срублено нѣсколько деревьевъ и въ 10 часовъ утра мы снова тронулись въ путь.

До Хобаровска оставалось не полныхъ 200 верстъ. Но послѣ того, что̀ намъ пришлось испытать въ послѣдніе 24 часа, мы съ недовѣріемъ относились къ тому, что прибудемъ туда въ назначенное время, тѣмъ болѣе, что небо все еще не прояснялось.

На слѣдующій день наступила чудная лѣтняя погода. Шубы, куртки и пледы были оставлены въ каютахъ и мы наслаждались прекрасной понорамой, открывшейся недалеко отъ Хабаровска.

Къ западу простирались безконечные луга; рѣка безпрепятственно катила свои темныя волны; на восточномъ, болѣе высокомъ, берегу взоръ нашъ ласкала чрезвычайно богатая растительность. На одномъ склонѣ, среди лѣсной глуши, показались тщательно содержимые огороды съ картофелемъ, капустой, огурцами и другими овощами. Мнѣ уже хотѣлось было покаяться въ душѣ передъ нашими колонистами, какъ вдругъ я замѣтилъ легкіе домики, похожіе на тѣ, которые я видѣлъ въ

Китаѣ; мой спутникъ подтвердилъ возникшее во мнѣ подозрѣніе, сказавъ: «Видите ли колонію Корейцевъ? Это наши огородники. Безъ нихъ у насъ не было бы овощей».

Недалеко отъ Хабаровска рѣка значительно суживается, такъ что длина желѣзнодорожнаго моста, который собирались тамъ строить, не превышала 2 верстъ 400 саженъ. Недалеко отъ этого мѣста потянулись мимо насъ солдатскія палатки, затѣмъ показались обширныя тюремныя постройки, а непосредственно за ними сѣверная, наиболѣе возвышенная, часть Хабаровска.

Пристань находилась на южной сторонѣ города, при сліяніи двухъ громадныхъ рѣкъ Амура и Уссури. При такомъ положеніи города можно было ожидать въ Хабаровскѣ большое оживленіе, но я упустилъ изъ виду, что почти на 100 верстъ вокругъ жило не болѣе 2.000 человѣкъ и что эти послѣдніе мало нуждаются въ продуктахъ и почти совсѣмъ не продаютъ таковыхъ.

Ни сельского хозяйства, ни скотоводства, ни золотопромышленности нѣтъ въ окрестностяхъ. Хабаровскъ—только важный стратегическій пунктъ. Онъ не созданъ экономическими потребностями, а выросъ искусствен-

нымъ образомъ. Его 10.000 жителей состоятъ поэтому изъ множества чиновниковъ и войска. Купцы въ Хабаровскѣ почти исключительно поставщики постояннаго гарнизона.

Маленькій, но замѣчательный этнографическій музей служитъ единственнымъ признакомъ научной дѣятельности въ Хабаровскѣ.

Положеніе города не дурно. Но Хабаровскъ съ прямыми, пересѣкающимися подъ прямыми углами, улицами, вдоль которыхъ тянутся маленькіе деревянные домики, производитъ впечатлѣніе большого села. Немногія большія каменныя зданія, какъ церковь, присутственныя мѣста и клубъ служащихъ рѣзко выдѣляются изъ остальныхъ строеній.

Пристань и набережная были совсѣмъ въ первобытномъ состояніи.

Занявъ половину каюты на опоздавшемъ на 11 часовъ пароходѣ, я отправился вверхъ по Уссури.

Намъ предстояло два-три дня ѣзды по водѣ, если мы нигдѣ не застрянемъ, затѣмъ одинъ день по желѣзной дорогѣ—и мы должны были прибыть въ Владивостокъ. Слѣдовательно, примѣнительно къ Сибири, путешествіе предстояло недолгое и удобное.

Мы подвигались впередъ безъ приключе-

ній, хотя и медленно, такъ какъ вслѣдствіе половодья и безъ того сильное теченіе сдѣлалось еще быстрѣе и, кромѣ того, нѣсколько разъ въ день насъ подолгу задерживалъ сборъ дровъ. Это давало мнѣ возможность лучше ознакомиться со многими казачьими поселеніями.

Первое большое число казаковъ было послано на Уссури въ 1858 г. изъ Забайкалья. Въ настоящее время ихъ поселенія встрѣчаются черезъ 20 — 30 верстъ вдоль рѣки и почтоваго тракта, который тянется по берегу Уссури.

Черезъ девять лѣтъ послѣ начала колонизаціи ихъ посѣтилъ и описалъ извѣстный изслѣдователь Пржевальскій *).

Мнѣ было очень интересно увидѣть эти казачьи поселенія послѣ того, какъ прошло почти четыре десятка лѣтъ со времени ихъ основанія, и впослѣдствіи я имѣлъ случай посѣтить нѣкоторыя изъ старѣйшихъ и нѣкоторыя изъ основанныхъ въ послѣдніе годы.

О европейской культурѣ тамъ все еще не можетъ быть и рѣчи. Большія пашни—явле-

---

*) Н. Пржевальскій. *Путешествіе по Уссурійскому краю въ 1867—1869 гг.* С.-Петербургъ 1870 г.

ніе необыкновенное. Нѣсколько жалкихъ огородовъ возлѣ домовъ и немного плохого скота—вотъ все сельско-хозяйственное богатство Уссурійскихъ казаковъ.

Рабочія силы цѣнятся очень высоко, такъ что при небольшомъ трудѣ можно получить большой заработокъ. Казаки предпочитаютъ зарабатывать себѣ пропитаніе поденной работой, ремеслами и торговлей, но не обработкой полей и скотоводствомъ. Охота доставляетъ имъ удовольствіе и въ то же время приноситъ нѣкоторый доходъ*).

Охрана границъ Уссурійскаго края требуетъ больше твердости и умѣнья, нежели въ другихъ частяхъ Сибири.

Въ мѣстахъ, неподверженныхъ наводненіямъ рѣки и ея притоковъ, непроходимые дѣвственные лѣса представляютъ для колонистовъ препятствіе, для устраненія котораго нужны предпріимчивый духъ и большая энергія. Въ мѣстностяхъ же, гдѣ бываютъ

---

*) Заработокъ казачьяго населенія въ Уссурійскомъ краѣ отъ звѣриной охоты составлялъ въ 1892 году 13.000 руб., въ 1893 г.—14.170 руб. и въ 1894 г.—13.515 руб. (См. А. Силантьевъ. *Обзоръ промысловыхъ охотъ въ Россіи*. С.-Петербургъ, 1898 г.).

наводненія, всѣ трудности увеличиваются въ нѣсколько разъ.

Лѣтомъ климатъ тамъ почти такой же, какъ подъ тропиками, зимою же господствуетъ настоящій сибирскій морозъ.

Если казаки жалуются, что лѣтомъ можно пропасть отъ комаровъ, то это можно понять въ буквальномъ смыслѣ. Молодой скотъ трудно выращивается въ тѣхъ странахъ, потому что его до смерти замучиваютъ москиты.

Только, когда вырубленъ лѣсъ, уничтожены киркой и огнемъ кустарники и вода спадаетъ, исчезаютъ милліоны мучителей, доводящихъ, какъ людей, такъ и животныхъ до отчаянія. Такого мученія отъ москитовъ, какъ въ Уссурійскомъ краѣ, мнѣ не приходилось испытывать даже подъ тропиками. Гвоздичное масло и прочія хваленыя эссенціи, натираніе кожи жиромъ и даже самая лучшая вуаль—развѣ, что она была бы такъ густа, что подъ ней можно бы было задохнуться—помогаютъ лишь не надолго. И днемъ, и ночью *) появляются легіоны комаро-

---

*) Нѣкоторые Сибиряки увѣряли меня, что могутъ опредѣлить время дня по тому, какъ ихъ кусаютъ москиты.

Шаманы.

образныхъ насѣкомыхъ разной величины; жители спасаются отъ нихъ у костровъ изъ травъ, дымъ которыхъ окутываетъ ихъ дома, скотъ и ихъ самихъ во время работъ. На охотѣ я достаточно испыталъ эти мученія и вполнѣ сочувствую поселенцамъ.

Мѣстность возлѣ рѣки Уссури въ южной части Приморской области крайне неблагопріятна для поселеній.

Когда я въ первый разъ увидѣлъ Уссури, она, какъ уже сказано, далеко вокругъ залила поля и лѣса. Только въ нижнемъ теченіи, гдѣ берега ея гористы, были видны роскошные лиственные лѣса, изъ которыхъ то тутъ, то тамъ выступали отвѣсныя голыя скалы. — Далѣе глазамъ нашимъ представлялись безконечныя волны, изъ которыхъ лишь кое-гдѣ торчали верхушки деревьевъ и надъ которыми лишь вдали виднѣлся лѣсъ въ видѣ голубоватаго дымчатаго круга.

На третій день послѣ обѣда мы достигли того мѣста, гдѣ въ Уссури впадаетъ самый большой его притокъ—Иманъ.

Разливъ послѣдняго былъ, пожалуй, еще больше, нежели главной рѣки. Желѣзнодорожная станція Иманъ, находящаяся на берегу рѣки, верстахъ въ 7 отъ ея устья,

была еле видна. Только крыши товарныхъ зданій выглядывали изъ воды.

Въ день нашего прибытія въ Иманѣ находились главная квартира инженеровъ и лагерь рабочихъ, подвигавшіеся впередъ по мѣрѣ постройки дороги.

Тамъ имѣли пристанище болѣе 1000 Китайцевъ, между которыми Русскіе совсѣмъ терялись. На далекое разстояніе тянулись палатки, между которыми горѣли и дымились костры изъ дровъ и травъ, первые для варки пищи, вторые для защиты отъ москитовъ.

Въ каждой палаткѣ стояли въ рядъ одна возлѣ другой отъ 20 до 30 наръ, пакрытыхъ холщевыми футлярами. Послѣдніе такъ плотно прилегали къ нарамъ, что не пропускали комаровъ, но зато закрывали и доступъ воздуху.

На слѣдующее утро насъ ожидало мало утѣшительное извѣстіе. Сообщеніе съ Владивостокомъ было прервапо, такъ какъ вода размыла во многихъ мѣстахъ насыпь и снесла шпалы, а также сваи моста. Намъ предложили поѣхать на слѣдующую станцію—Муравьевъ-Амурскій. Въ Иманѣ не было ни пристанища, ни съѣстныхъ припасовъ. Въ надеждѣ, что въ Муравьевѣ будетъ лучше,

большинство изъ насъ рѣшило отправиться туда.

Муравьевъ-Амурскій былъ совсѣмъ новымъ поселеніемъ донскихъ казаковъ. Во время наводненія можно было убѣдиться, насколько неудачно было выбрано мѣсто для земледѣльческой колоніи. Казаки были правы, жалуясь на свою новую родину, хотя во время постройки желѣзной дороги имъ жилось хорошо.

Воспользовавшись остановкой, я съ однимъ изъ своихъ попутчиковъ предпринялъ поѣздку въ деревушку Красноярскъ, возлѣ Уссури. Въ продолженіе двухъ часовъ мы ѣхали мало вырубленнымъ лѣсомъ по почтовой дорогѣ, которая до постройки рельсоваго пути служила зимою единственнымъ сообщеніемъ Владивостока съ Хабаровскомъ *).

Въ сторонѣ отъ почтовой дороги и Уссури поселеній нѣтъ. Всѣ казачьи поселенія находятся на правомъ берегу Уссури, такъ какъ эта послѣдняя составляетъ границу государства. На лѣвомъ берегу не было видно манчжурскихъ деревень, по всей вѣроятно-

*) Теперь уже окончена дорога между Иманомъ и Хабаровскомъ.

сти, потому, что Манчжуры, занимающіеся земледѣліемъ, не селились на подвергающейся наводненію низменности, а основались на болѣе высокихъ мѣстахъ Чакуланскихъ и Надапхатальскихъ горъ. Рѣчную низменность они предоставили Голдамъ, которые имѣли тамъ все необходимое для своего пропитанія, а именно рыбу и дичь. Голды живутъ въ сторонѣ отъ казачьихъ поселеній, но въ согласіи съ ними. Впрочемъ, при ихъ миролюбивой натурѣ, ссоры невозможны.

Мѣстности въ сторонѣ отъ Уссури, какъ на востокъ, такъ и на западъ географически почти неизслѣдованы. Поэтому и не имѣется вѣрныхъ свѣдѣній, насколько густо населена сосѣдняя часть Манчжуріи. Безъ хорошаго конвоя отправляться на мангжурскую территорію не совѣтуютъ. Характеръ Манчжура далеко не миролюбивъ.

Мало хорошаго представляетъ въ тѣхъ странахъ и разбойникъ-тигръ. Зимою 1894 г. одинъ изъ нихъ появлялся, напримѣръ, каждый вечеръ на почтовомъ трактѣ изъ Муравьева въ Красноярскъ, такъ что почталіоны до тѣхъ поръ находились въ опасности, пока казакамъ не удалось убить хищное животное, которое они подкарауливали по оче-

реди. Выходить на тигра въ одиночку осмѣливаются лишь немногіе сибирскіе охотники. Рѣдкій примѣръ храбрости проявилъ нѣсколько лѣтъ тому назадъ пятнадцатилѣтній казакъ, уложившій трехъ тигровъ въ продолженіе нѣсколькихъ минутъ. Двухъ онъ убилъ наповалъ, а третьяго тяжело ранилъ, но не смертельно, такъ что у того еще хватило силъ броситься на охотника и истерзать ему руки и грудь. Израненнаго нашли безъ сознанія возлѣ трехъ мертвыхъ тигровъ. Во время путешествія Государя Императора Николая II-го, тогда еще Наслѣдника-Цесаревича, по Сибири, Ему былъ представленъ этотъ храбрый казакъ.

На 3-й день по полученіи извѣстія, что въ верхнемъ теченіи Уссури вода неожиданно спала и исправленіе пути въ полномъ ходу, мы тронулись въ дальнѣйшій путь.

Мѣстность въ продолженіе всего дня была однообразна. Далеко на западъ тянулись безконечныя болотистыя равнины съ кое-гдѣ поросшими на нихъ деревьями. Лишь далекая волнистая линія горъ на востокѣ ласкала нашъ взоръ.

Въ полночь мы прибыли въ Никольскъ-Уссурійскій. Гористая мѣстность между Ни-

кольскимъ и Владивостокомъ славится въ Сибири своей красотой. Всѣ мы послѣ недѣльнаго пребыванія въ болотистыхъ дебряхъ и однообразныхъ степяхъ очень обрадовались, увидѣвъ въ концѣ своей поѣздки отрадную картину.

Такъ какъ желѣзная дорога въ горахъ тоже пострадала отъ сильныхъ ливней, то по ней можно было ѣхать только днемъ. Ночь мы провели въ Никольскомъ и на разсвѣтѣ спокойно двинулись впередъ. По сторонамъ дороги подъ и надъ нами шумѣли все еще бурные потоки. Мѣстами они подмывали желѣзнодорожную насыпь, въ другихъ мѣстахъ валуны и почва скатились до самаго полотна, а свисавшіе обломки скалъ, казалось, грозили положить конецъ нашей поѣздкѣ.

Горы не представляли величественной красоты, но зато въ нихъ было много живописной прелести. Крутые обрывы и голые утесы скалъ то и дѣло виднѣлись по обѣ стороны дороги. За поперечными долинами выступали густо поросшія лѣсомъ коническія горы. Только вблизи полотна лѣсъ пострадалъ отъ топора дровосѣка. Дальше, черезъ горы и долины, онъ тянулся еще въ дѣв-

ственной красотѣ. Кромѣ нѣсколькихъ станцій, другихъ поселеній не было видно.

Когда мы достигли моря, ландшафтъ дѣйствительно былъ великолѣпенъ. Передъ нами вдругъ открылась синяя, окруженная горами Амурская бухта.

Мы прибыли на полуостровъ Владивостока. Черезъ часъ поѣздъ остановился на самой восточной станціи Азіятскаго материка.

VI.

Отъ Владивостока до Албазина.

Я съ сожалѣніемъ разставался съ гостепріимствомъ Дальняго Востока и съ красивымъ Золотымъ Рогомъ, но для моего отъѣзда наступилъ крайній срокъ, потому что около 20 октября иногда начинается уже ледоходъ и всякое сообщеніе съ Забайкальемъ до половины декабря почти прекращается.

Ежедневно въ 9 часовъ утра изъ Владивостока уходилъ въ Иманъ поѣздъ. По расписанію онъ долженъ былъ проходить это разстояніе въ 24 часа.

По прибытіи въ Иманъ мы имѣли счастье застать пароходъ, который въ тотъ же день отправлялся въ Хабаровскъ.

Съ тѣхъ поръ, какъ я былъ въ тѣхъ мѣстахъ въ первый разъ, ландшафтъ сильно измѣнился. Наводненіе исчезло такъ же бы-

стро, какъ и появилось, и рѣка величественно шумѣла, заключенная въ свои естественные берега.

Ночью внезапно наступила осень, украсившая зелень пестрыми красками. Въ Сибири осень коротка. Бываетъ достаточно одной недѣли, чтобы деревья совсѣмъ обнажились, свѣжая степная трава приняла мертвый сѣрый цвѣтъ и исчезли бы пестрые цвѣты луговъ и горныхъ скатовъ. Передъ разсвѣтомъ термометръ опускался къ нулю, а вечеромъ намъ приходилось кутаться въ толстыя войлочныя пальто или шубы, если мы не желали искать прiюта отъ пронзительнаго холода въ каютѣ.

Вѣрно въ немногихъ странахъ земного шара бываютъ такiя рѣзкiя климатическiя перемѣны, какъ въ Восточной Сибири. Въ лѣтнее время, когда на Иманѣ и на среднемъ теченiи Уссури господствуетъ почти тропическая жара, въ мѣстностяхъ на широтѣ Албазина рѣдко бываетъ вечеръ, въ который было бы безопасно выходить безъ теплой одежды. Сѣвернѣе же, приблизительно въ 100 верстахъ, начинается полоса, гдѣ морозы прекращаются только въ началѣ iюня, а въ среднихъ числахъ августа наступаютъ

снова. Поэтому неудивительно, что всѣ съ опасеніемъ смотрѣли на ранніе признаки осени, безпокоясь, что преждевременное наступленіе зимы положитъ нежелательный предѣлъ нашему дальнѣйшему пути.

Но счастье продолжало намъ улыбаться. Не прошло и двухъ дней, какъ нашъ пароходъ достигъ Хабаровска, гдѣ остановился возлѣ красиваго амурскаго парохода *Цесаревичъ*, который въ тотъ же день долженъ былъ отплыть въ Благовѣщенскъ.

Цесаревичъ, на который я переселился, принадлежалъ къ лучшимъ пароходамъ Амурскаго Общества Пароходства. Устроенный такъ же, какъ вышеописанный пароходъ *Джонъ Кокерилъ*, онъ отличался отъ него лучшей кухней и немного бо́льшимъ порядкомъ и чистотой между деками. Всѣ мы, измученные плаваніемъ на *Скобелевѣ*, чувствовали себя какъ въ раю, и были очень рады, въ виду предстоявшихъ трудностей, этому пріятному шестидневному путешествію. Столько времени обыкновенно продолжается путь противъ теченія на разстояніи около 1000 верстъ отъ Хабаровска до Благовѣщенска.

Трое сутокъ мы плыли мимо необозримыхъ

луговыхъ низменностей, поросшихъ только кое-гдѣ кустарниками. Лишь къ вечеру третьяго дня мы съ радостью увидѣли Бурятскія горы или, какъ тамъ ихъ называютъ, Малый Хинганъ.

Всегда одинаково мутный, величественный Амуръ и однообразныя безконечныя зеленыя равнины по его сторонамъ скоро утомляютъ. За исключеніемъ немногихъ мѣстъ дикіе берега Амура крайне однообразны.

Весь морской берегъ отъ Владивостока до бухты Де-Кастри представляетъ собой величественныя, красивыя, но очень похожія одна на другую скалы. По Амуру можно проѣхать сотни верстъ и не видѣть характерныхъ измѣненій берега.

Изъ притоковъ Амура между Хабаровскомъ и Малымъ Хинганомъ самый значительный Сунгари. Шириною онъ не уступаетъ Амуру, такъ что Китайцы говорятъ, что не Сунгари впадаетъ въ Амуръ, а послѣдній—притокъ перваго.

Въ будущности Приамурскаго края Сунгари предстоитъ играть выдающуюся роль. Экспедиція, отправленная нѣкоторыми коммерсантами вверхъ противъ ея теченія, имѣла такіе благопріятные результаты, что, по

всей вѣроятности, эту часть Монголіи вскорѣ откроютъ для торговли. Территорія вдоль рѣки, по слухамъ, густо населена и хорошо культивирована; земледѣліе и скотоводство приносятъ чрезвычайно богатый доходъ, такъ что мясо и хлѣбъ продаютъ по баснословно-низкимъ цѣнамъ.

Амуръ, составляющій южную границу Приамурскаго края на разстояніи 1600 верстъ, населенъ только по лѣвую сторону. Китайское правительство запрещаетъ своимъ подданнымъ селиться возлѣ рѣки. Оно разрѣшило оставаться тамъ только жителямъ стариннаго города Айгуна и учредило черезъ большіе промежутки небольшіе сторожевые посты. Внутрь страны къ сѣверу отъ нихъ, за исключеніемъ золотоискателей, охотниковъ и очень немногихъ изслѣдователей, не проникалъ еще ни одинъ Европеецъ.

Приамурскій край до низовьевъ большихъ рѣкъ—абсолютно дикая мѣстность, и колонизація всего края находится еще въ первой стадіи. Большая часть его жителей занимается земледѣліемъ. Число поселенцевъ *), ко-

*) По оффиціальнымъ даннымъ, число всѣхъ жителей Приамурскаго края въ 1893 году считалось немного больше 110.000, изъ коихъ приходилось на Благовѣ-

торые па Амурѣ состоятъ большею частью изъ казаковъ, а на Зеѣ изъ крестьянъ, составляетъ $^3/_4$ всѣхъ жителей края.

Низменности Амура у Малаго Хингана подвергаются ежегодно наводненіямъ, берега же верхняго теченія представляютъ большею частію гористую мѣстность, трудную для обработки.

Несмотря на плохую обработку почвы *), положеніе амурскихъ казаковъ въ настоящее время, когда судоходство на рѣкѣ и дѣятельность на золотыхъ пріискахъ оживлены болѣе, чѣмъ когда-либо, вовсе не плохо.

Во время моего путешествія по рѣкѣ мнѣ часто представлялись случаи встрѣчаться съ

щенскъ 22.000, на берега Амура 45.000, на долины рѣкъ Бурси и Зеи 31.000 и на рабочее населеніе (преимущественно на золотыхъ пріискахъ) 10.000. Число Китайцевъ, Корейцевъ, Тунгузовъ и Голдовъ считалось до 2.000 (?).

*) Скотоводство такъ же первобытно, какъ и земледѣліе. Стойлъ для скота нѣтъ. Грумъ Гржимайло между прочимъ сообщаетъ, что часто 5 коровъ даютъ только 2 бутылки молока. Масло возможно купить только рѣдко и притомъ не дешевле 50 коп. за фунтъ. Цѣны на прочіе припасы по сибирскимъ условіямъ очень высоки на Амурѣ. Коневодство тамъ не плохое. На каждое хозяйство приходилось среднимъ числомъ около 9 лошадей.

казаками, такъ какъ и здѣсь намъ приходилось ежедневно останавливаться возлѣ ихъ деревень, чтобы запасаться топливомъ. Своимъ расположеніемъ и постройками казачьи поселенія походили одно на другое, отличаясь лишь числомъ и величиною своихъ домовъ. Въ большихъ колоніяхъ не рѣдко встрѣчались хорошіе, удобные, бревенчатые дома. Внутреннее ихъ устройство во всемъ соотвѣтствовало потребностямъ жителей; украшенія какъ внутри, такъ и снаружи домовъ отсутствовали. Этимъ послѣднимъ казакъ интересуется такъ же мало, какъ и разведеніемъ хорошихъ садовъ и посадкой деревьевъ.

Внѣшность жителей не свидѣтельствуетъ о нуждѣ. Одежда какъ взрослыхъ, такъ и дѣтей хороша и недостатка въ ней нѣтъ. Даже всякій мальчишка какъ лѣтомъ, такъ и зимою имѣетъ шапку и традиціонные высокіе юфтяные сапоги. Женщины и дѣвушки носятъ пестрые платки и платья изъ хорошей матеріи, сшитыя часто по городскому. Украшеній видно мало, и они состоятъ большею частью изъ дешевыхъ европейскихъ бракованныхъ товаровъ.

Было бы несправедливо не признать, что условія жизни приамурскихъ жителей далеко

не блестящи. Кромѣ упомянутыхъ уже неблагопріятныхъ для культуры обстоятельствъ, успѣшному развитію сельскаго хозяйства мѣшаютъ еще и климатическія условія. Культурный періодъ коротокъ, лѣто чрезвычайно жарко и большею частью сухо, зима же крайне сурова.

Только среди Малыхъ Хинганскихъ горъ не встрѣчается на Амурѣ никакихъ поселеній; скалистая мѣстность тамъ принадлежитъ къ самымъ дикимъ и неудобнымъ для обработки во всей Восточной Сибири.

Мѣстность, гдѣ Амуръ прорвался черезъ эту горную цѣпь, составляетъ одну изъ лучшихъ красотъ Сибири.

Мы плыли близко вдоль лѣваго берега, представлявшаго могучую скалистую стѣну. Такъ же круто громоздились горы и на китайской сторонѣ.

Впереди насъ и за нами дикія скалы закрывали отъ насъ всякій видъ, такъ что мы могли вообразить себя на горномъ озерѣ, если бы не разсѣивали этого обмана шумъ и бурленіе потока, сдавленнаго въ узкомъ проходѣ и ставшаго вдвое ýже. Быстро, какъ стрѣла, неслась вода, съ шумомъ разбиваясь о гранитныя скалы, которыя въ продолженіе

нѣсколькихъ столѣтій выдерживали ея бурный напоръ. Рѣка съ трудомъ пробила себѣ этотъ, хотя и узкій, проходъ. Часто ей приходилось отступать отъ прямого направленія и только послѣ многихъ извилинъ и обходовъ она достигла наконецъ моря. Эти многочисленные повороты увеличивали красоту вида. Всякій разъ, какъ Амуръ круто отклонялся отъ главнаго направленія—а это случалось чаще всего съ правой стороны—передъ нами выступали дальнѣйшія части береговъ и насъ снова окружала чудная скалистая котловина.

Отъ казачьей деревни Радде, названной такъ въ честь изслѣдователя Приамурскаго края *), горы постепенно понижаются.

На шестой день въ полдень мы проѣхали мимо Айгуна—резиденціи китайскаго намѣстника на Амурѣ.

Черезъ нѣсколько часовъ показались вдали куполы церквей Благовѣщенска. Мы пересѣкли устье Зеи, которая въ томъ мѣстѣ шире Амура, и черезъ четверть часа прибыли въ этотъ городъ.

---

*) Уставъ Радде. *Путешествіе по Южной и Восточной Сибири въ 1855—59 гг.* С.-Петербургъ 1862 г.

Недалеко отъ пристани, если возможно такъ назвать это глухое мѣсто, находилась самая большая площадь широко раскинутаго города, а на ней гостиница «Россія», гдѣ мы нашли хорошій пріютъ. Нумера въ Благовѣщенскѣ были самые привѣтливые и комфортабельные изо всѣхъ видѣнныхъ мною въ Сибири.

Въ продолженіе ночи наступила зима со льдомъ и снѣгомъ. Утромъ термометръ показывалъ—6°C, такъ что нужно было запастись мѣховой одеждой. Зимнее пальто, которое у насъ считается достаточнымъ, годится здѣсь при продолжительномъ въ 30°C морозѣ развѣ только, какъ нижнее платье. Мѣховъ здѣсь болѣе двѣнадцати сортовъ; овцы, лошади, рогатый скотъ, собаки, косули, изюбры, лоси, сѣверные олени, медвѣди, соболи и прочія животныя должны отдавать свои шкуры, чтобы согрѣвать человѣка.

Путешественники въ Сибири имѣютъ очень объемистый видъ. Исключеніе составляютъ лишь сибирскіе ямщики. Я не могъ понять, какъ эти люди, имѣя на себѣ лишь свободно накинутую бычачью шкуру, могли выдержать ледяной холодъ, сидя по цѣлымъ часамъ на одномъ мѣстѣ. Состоятельный че-

ловѣкъ имѣетъ доху. Кромѣ того, подъ доху надѣваютъ еще бараній полушубокъ. Мѣховое одѣяло защищаетъ ноги, обутыя въ высокія валенки или мѣховые сапоги; шапка изъ лисьяго или оленьяго мѣха прикрываетъ голову и уши; толстый шарфъ предохраняетъ шею отъ ледяного воздуха и снѣга; на руки же поверхъ вязаныхъ шерстяныхъ неуклюжихъ рукавицъ надѣваютъ огромныя рукавицы изъ оленьяго мѣха.

Укутываться и завертываться такъ можетъ себѣ позволить лишь тотъ, кто ѣдетъ въ тарантасѣ или въ саняхъ. Одежда верхового и пѣшехода, путешествующихъ по сибирской глуши, легка, но въ то же время и тепла. Длинная мѣховая рубашка—«кухлянка»—составляетъ верхнюю одежду. Большею частью она состоитъ изъ двойного мѣха косули и, какъ у дохи, шерсть ея обращена внутрь и наружу. Пришитый къ ней мѣховой же башлыкъ защищаетъ шею и голову, такъ что остается открытой только часть лица, но при ледяномъ холодѣ и его прикрываютъ мѣховой маской, имѣющей только маленькія отверстія для рта и глазъ. На ночь берутъ съ собой мѣховой мѣшокъ, въ который мо-

жетъ спрятаться одинъ или нѣсколько человѣкъ.

Въ такой защитѣ мы пока не нуждались, такъ какъ путешествіе на лошадяхъ намъ предстояло лишь въ началѣ зимы. Для насъ было достаточно полушубковъ, мѣховыхъ шапокъ, рукавицъ и валенокъ, что́ мы вскорѣ и купили.

Отсутствіе дорогъ обыкновенно продолжается отъ середины октября до среднихъ чиселъ декабря и отъ конца марта до конца мая. На лѣвомъ берегу рѣки по дорогамъ можно ѣздить только на самыхъ короткихъ разстояніяхъ и то лишь въ среднемъ теченіи рѣки. На четыре мѣсяца въ году почти совсѣмъ прекращается движеніе пассажировъ. Даже писемъ нельзя отправлять въ продолженіе многихъ недѣль, потому что конная почта обязанная ходить два раза въ недѣлю, часто не можетъ проѣхать по непролазнымъ дорогамъ.

Благовѣщенскъ безспорно самый богатый городъ Восточной Сибири. Его благосостоянію много способствовали золотые пріиски на истокахъ Зеи. Кромѣ того, положеніе его въ центрѣ самой населенной части Амурской области, при устьѣ самаго большого

притока Амура и у конца одного изъ главнѣйшихъ путей сообщенія Манчжуріи дѣлаютъ Благовѣщенскъ столицей Приамурскаго края.

Соотвѣтственно своему богатству — это наиболѣе устроенный городъ всей страны отъ Байкальскаго озера до Тихаго Океана.

Широкія улицы съ красивыми домами производятъ пріятное впечатлѣніе.

Городъ ни въ какомъ отношеніи не уступаетъ городамъ такой же величины Европейской Россіи.

На третій день прибылъ пароходъ *Молли*, мы взяли билеты до Покровской, то-есть до устья Шилки, и въ тотъ же день тронулись въ путь.

Такъ такъ на пароходѣ помѣщеніе для груза было очень небольшое, то приходилось довольно часто запасаться топливомъ. У большихъ казачьихъ поселеній это не всегда удавалось сдѣлать, такъ какъ вблизи ихъ лѣса были уже совершенно вырублены. Поэтому мы чаще останавливались у небольшихъ деревень, жители которыхъ зарабатывали себѣ пропитаніе преимущественно продажею дровъ на пароходы.

Селенія по пути отъ Благовѣщенска до

Албазина производили впечатлѣніе большой зажиточности, а жители ихъ—бóльшей культурности, нежели находящіеся ниже по теченію. На каждой пристани насъ ожидало много женщинъ и дѣвушекъ, предлагавшихъ намъ купить у нихъ молока, хлѣба, жареныхъ рябчиковъ, тетерокъ, осетрину и даже икру изъ семги.

Уже къ вечеру перваго дня пути мѣстность стала гораздо красивѣе. На правомъ берегу тянулись не особенно высокія, но съ очень крутыми склонами, возвышенности замѣчательно правильной формы. Всѣ онѣ походили на тупыя пирамиды и такой характеръ сохраняли на разстояніи 200—300 верстъ, а пожалуй и до самаго Забайкалья. Если высота и крутизна отдѣльныхъ горъ и увеличивались къ западу, все же основная форма горъ, окружающихъ Амуръ, Шилку и Аргунь, не мѣнялась. По мѣрѣ возвышенія мѣстности снова стала показываться древесная растительность. Хвойныя деревья и березы преобладали, между тѣмъ какъ букъ, дубъ и другія лиственныя деревья виднѣлись только изрѣдка.

Мы плыли въ той части Амура, которая тянется отъ самаго сѣвернаго его пункта,

гдѣ онъ круто поворачиваетъ къ югу. И тамъ теченіе рѣки имѣло не мало преградъ. И тамъ она принуждена была пробивать себѣ путь черезъ возвышенности Ильхури-Алинъ, соединяющіяся на востокѣ съ Большимъ Хинганомъ, вслѣдствіе чего рѣка дѣлаетъ большія змѣеобразныя извилины. У деревни Корсаковой она образуетъ двѣ почти соприкасающіяся овальныя линіи. Гористая мѣстность между обоими руслами шириною около версты.

На второй день пути погода стояла прекрасная свѣтлая. Вѣтеръ стихъ, но температура падала постоянно. Уже 30 сентября въ 8 часовъ утра термометръ, къ нашему огорченію, показывалъ—15°С.

При такомъ холодѣ не замедлили, конечно, появиться льдины. Вмѣстѣ съ ихъ появленіемъ окончательно разсѣялись наши надежды на дальнѣйшее путешествіе на пароходѣ.

Такъ называемой слякоти, какая у насъ бываетъ позднею осенью, въ Сибири почти никогда не бываетъ. Зима вступаетъ въ свои права твердо и увѣренно. Разъ она захватила власть, то умѣряетъ свое ледяное дыханіе лишь изрѣдка и понемногу, чтобы забросать землю массой снѣга. Но прежде чѣмъ

льды сдѣлаютъ невозможнымъ плаваніе пароходовъ, вода, вслѣдствіе продолжающейся нѣсколько недѣль сухости воздуха, спадаетъ до такой степени, что только плоскодонные пароходы могутъ ходить вверхъ противъ теченія. Во многихъ мѣстахъ глубина Амура доходитъ тогда только до двухъ футовъ, а на Шилкѣ часто и того меньше. Въ такое время провести благополучно пароходъ способенъ только капитанъ, много лѣтъ плавающій по рѣкѣ и наизусть знающій карту русла. Поэтому ночью только немногіе рѣшаются продолжать путь. Пароходъ, сидящій на мели, представляетъ въ верхнемъ Амурѣ самое обыкновенное явленіе.

Миновавъ казачій поселокъ Ермаково, мы проѣхали мимо такъ называемыхъ «дымящихся горъ». Это были свѣтложелтыя, состоящія изъ рыхлыхъ горныхъ породъ, возвышенности, круто спадающія въ рѣку. По склонамъ ихъ тянулась масса темныхъ щелей и трещинъ, изъ которыхъ во многихъ мѣстахъ выходилъ свѣтло - сѣрый дымъ. Ночью еще издали виденъ свѣтъ, выходящій изъ открытыхъ щелей. Причину происхожденія этого свѣта никто не могъ мнѣ объяснить, такъ какъ эта часть берега из-

слѣдована геологами такъ же мало, какъ и бóльшая часть другихъ.

4 октября мы прибыли въ Албазинъ и такимъ образомъ находились приблизительно на половинѣ пути между Благовѣщенскомъ и Срѣтенскомъ (разстояніе между ними около 1.600 верстъ).

Тутъ нашъ капитанъ очень любезно объявилъ намъ, что онъ поѣдетъ только до Реновы, то-есть еще около 35 верстъ, чтобы сдать тамъ нѣкоторый товаръ, а затѣмъ тотчасъ же отправится обратно въ Благовѣщенскъ. Льды уже отбили въ колесахъ двѣ лопаты и онъ подвергъ бы риску свой пароходъ, еслибы пожелалъ проникнуть къ устью Шилки.

На это рѣшеніе мы не могли обидѣться. Телеграмма съ верхняго Амура извѣщала о сильномъ ледоходѣ, перемѣны же погоды нельзя было ожидать.

Пока выгружали нѣкоторый товаръ, мы отправились разыскивать себѣ пріютъ въ казачьей станицѣ Албазинъ. Послѣдняя имѣла весьма печальный видъ, хотя и носитъ имя, извѣстное въ исторіи завоеванія Приамурскаго края, имѣетъ около 650 жителей-казаковъ, двѣ церкви и школу.

Перспектива провести нѣсколько недѣль

въ одномъ изъ жалкихъ бревенчатыхъ домиковъ никого изъ насъ не манила. Я никому не совѣтую посѣтить это мѣсто историческихъ происшествій, хотя съ именемъ Албазина связано воспоминаніе о первыхъ успѣшныхъ сраженіяхъ на Амурѣ: здѣсь въ 1673 году, послѣ побѣды удалого Хабарова надъ даурскимъ княземъ Албаза, основаны были первый монастырь и первое поселеніе на Амурѣ.

Такъ какъ осмотръ Албазина далъ неутѣшительные результаты, то мы единогласно рѣшили ѣхать въ Ренову.

VII.

Золотой промыселъ на Джилиндѣ.

Съ трудомъ тянулся пароходъ вдоль крутого берега отъ Албазина до Реновы, куда мы прибыли послѣ трехчасовой ѣзды.

Было около полудня, такъ что мы имѣли достаточно времени, чтобы подыскать себѣ жилье.

Станица имѣла одну лишь улицу вдоль берега, съ довольно хорошо содержимымъ деревяннымъ тротуаромъ, который такъ же, какъ и большіе бревенчатые дома, свидѣтельствовалъ о томъ, что Ренова принадлежитъ къ числу самыхъ зажиточныхъ казачьихъ селеній.

Мы ходили не болѣе четверти часа, какъ встрѣтили пожилого казака, который на вопросъ о квартирѣ сперва подозрительно осмотрѣлъ насъ, но затѣмъ предложилъ намъ комнату въ своемъ домѣ.

Войдя въ домъ, мы были пріятно удивлены. Такого казачьяго жилища я еще не встрѣчалъ.

Казакъ предложилъ намъ пріютъ за два рубля въ сутки и мы, конечно, охотно согласились на его предложеніе.

На четвертый день послѣ нашего пребыванія въ Ренову прибыла почта съ Джилинды, и вечеромъ въ пять часовъ, укутанный въ доху моего хозяина, я уже направлялся къ сѣверу.

Золотые пріиски на Джилиндѣ — рѣчонки бассейна Зеи — лежатъ приблизительно въ 100—115 верстахъ отъ Реновы.

Дорога постепенно поднимается черезъ Нюкшанскія возвышенности къ Яблоновому хребту, который тянется отъ Монгольской границы черезъ Забайкалье въ сѣверо-восточномъ направленіи до Охотскаго моря, а оттуда выступы его, подъ названіемъ Становыхъ Горъ, доходятъ до береговъ Ледовитаго Океана.

Золотопромышленники устроились при станціи на пути, проложенномъ ими черезъ дебри. Говорятъ, что во время процвѣтанія золотопромышленности это была красивая дорога, но, къ сожалѣнію, когда я по ней ѣхалъ, она уже не была таковой. Когда-то

по ней двигались и хорошіе экипажи. Но и они исчезли уже лѣтъ десять тому назадъ, такъ что мнѣ пришлось довольствоваться продолговатой корзиной, поставленной на четыре громадныхъ колеса. Въ началѣ мая первобытная колымага не казалась мнѣ такой плохой. Мы ѣхали по замерзшей почвѣ полнымъ галопомъ и я, крѣпко держа въ зубахъ трубку, прислушивался къ разсказамъ моего ямщика.

Это былъ одинъ изъ тѣхъ характерныхъ ямщиковъ, которыхъ описывали такъ часто. Онъ былъ родомъ изъ Западной Сибири, но съ незапамятныхъ временъ занимался извозомъ у Амура.

Онъ казался очень довольнымъ, что я внимательно слушалъ его разсказы про разбойничьи казачьи похожденія. Онъ то и дѣло прерывалъ свою рѣчь то ласкательными, то ругательными понуканіями лошадей. Если этотъ хранитель мѣстныхъ традицій и сочинялъ многое, все же его разсказы во многомъ согласовались съ тѣмъ, что̀ мнѣ приходилось слышать про дѣла и занятія поселенцевъ.

Вотъ, батюшка, — золотая дичь,—сказалъ онъ между прочимъ, съ улыбкой указывая на

нѣсколькихъ подданныхъ Небесной Имперіи, которые брели намъ навстрѣчу со всѣми своими пожитками.

— Золотая дичь? Что же это значитъ?— спросилъ я, удивленный,

— Ну, да, такъ называетъ нашъ братъ Манчжуровъ, что̀ возвращаются съ золотыхъ пріисковъ съ деньгами и краденымъ добромъ. Иной нашъ братъ работаетъ неохотно и предпочитаетъ взять немножко у Китайцевъ.

Это драгоцѣнное названіе косатыхъ работниковъ на золотыхъ пріискахъ я и впослѣдствіи часто слышалъ.

Черезъ неполныхъ два часа мы прибыли на первую станцію - Малую Невѣрь, а около четырехъ часовъ утра добрались до третьей станціи—Большой Невѣри. Ландшафтъ измѣнился до невѣроятія. Еще вечеромъ я проѣзжалъ по гористой мѣстности, покрытой соснами, елями, лиственными деревьями и высокимъ кустарникомъ, теперь же дорога вела черезъ лѣсъ изъ лиственницъ, тянувшійся узкой полосой между цвѣтущимъ побережьемъ Амура и безконечными сѣверными тундрами, покрытыми мхомъ.

Когда мы выѣхали изъ лѣса, передъ нами открылись тупыя вершины Яблоноваго

хребта. Подъемъ дѣлался все круче, дорога все хуже, а характеръ ландшафта съ каждой минутой все печальнѣе. Только крушина да нетребовательная береза произрастали на склонахъ горъ и на тундрахъ. Но и береза держится тамъ не долго. Какъ только стволъ ея достигаетъ высоты 5—7 метровъ, она уже не находитъ въ почвѣ достаточнаго питанія не только для дальнѣйшаго роста, но даже и для поддержанія своихъ силъ. Верхняя часть ствола быстро сохнетъ, гніетъ и ломается вѣтромъ. Всюду, куда только могъ проникнуть глазъ, выглядывали изъ молодыхъ скудныхъ побѣговъ голые пни.

Около полудня мы проѣхали послѣднюю возвышенность, спускающуюся къ долинѣ Джилинды. Ширина этой долины имѣетъ около версты, золотоносной же рѣчки около ста шаговъ. Слѣдующій день мы провели въ осмотрѣ пріисковъ.

Такъ какъ въ продолженіе нѣсколькихъ недѣль стоялъ морозъ, то это дѣло возможно было вести только въ небольшихъ размѣрахъ.

Тамъ, гдѣ должны были происходить работы, воду въ рѣчкѣ спустили и ея дно высушили. Земля, которая настолько богата золотомъ, что стоитъ заняться ея обработкой,

встрѣчается лишъ на глубинѣ отъ трехъ до пяти метровъ. Поэтому почву вырываютъ на такую глубину въ видѣ длинныхъ, широкихъ ступеней, пока достигаютъ грязно-желтаго слоя, содержащаго въ себѣ на 100 пудовъ $^1/_2$—$^3/_4$ золотника золота.

Для отвоза земли къ промывной машинѣ служатъ двухколесныя, запряженныя въ одну лошадь, тачки.

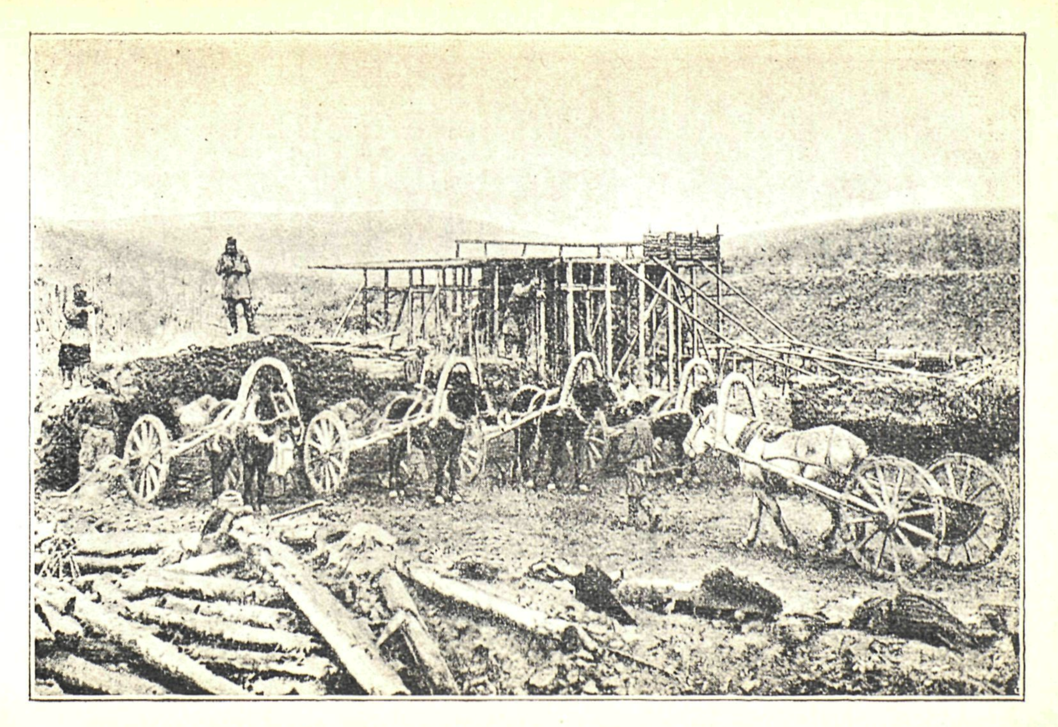
Машина для промывки золота устроена очень просто. На подставкѣ, въ 15 метровъ вышины, находится желѣзный, продыравленный, точно сито, барабанъ, который при помощи передаточнаго ремня соединенъ съ маховымъ колесомъ локомобиля. Барабанъ служитъ для пріема земли. При помощи центробѣжной силы крупные камни, которые не могутъ пройти черезъ отверстія, выбрасываются изъ открытыхъ сторонъ и скатываются на землю по наклонной плоскости. Просѣянныя болѣе мелкія части падаютъ въ наклонно стоящія корыта, по которымъ течетъ вода. Послѣдняя быстро смываетъ болѣе легкія части, между тѣмъ какъ болѣе тяжелыя, а между ними и золото, медленно опускаются внизъ и задерживаются рѣшетками. Затѣмъ оставшаяся въ корытахъ земля

промывается руками. Изъ одного пуда ея рѣдко добываютъ меньше одного килограмма (около 2 фунт. $42^{1}/_{2}$ золотн.) золота.

Промывка золота при помощи машинъ производится только тамъ, гдѣ дно рѣки нескалисто и его не трудно разрывать. Если же русло рѣки каменисто или скалисто, такъ что землю только съ трудомъ можно вынимать изъ ращелинъ, то добычу золота предпочитаютъ производить при помощи рукъ. Этой тяжелой работой занимаются почти исключительно Манчжуры. Вознагражденіе ихъ зависитъ отъ количества золота, которое они вручатъ надзирателю. Въ то время за золотникъ золота они получали 2 рубля 50 копѣекъ.

Когда я осматривалъ золотые пріиски, работа была въ полномъ разгарѣ. Одни изъ Манчжуръ поддерживали огонь, чтобы оттаяла замерзшая почва, другіе выбирали землю изъ ращелинъ скалистаго грунта и относили ее на плоскихъ деревянныхъ тарелкахъ съ короткими ручками слѣдующимъ работникамъ, которые занимались промывкой этой земли въ нарочно оставленной для этого канавѣ.

Осторожно, понемногу они споласкивали

Золотой пріискъ на Джилиндѣ.

землю, двигая взадъ и впередъ слегка опущенныя въ воду деревянныя тарелки до тѣхъ поръ, пока на нихъ оставались только золотые листочки.*)

Промывка при помощи машины сходна съ ручной очисткой. Послѣдняя нерѣдко приноситъ большой доходъ, такъ какъ еще до промывки людьми теченіе воды споласкиваетъ землю, причемъ золото опускается въ расщелины скалистаго дна.

Менѣе прибыльна работа артелей, которымъ владѣльцы пріисковъ разрѣшаютъ искать золото въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ имъ самимъ не стоитъ заниматься этой работой.

Прежде чѣмъ приняться за разработку почвы въ большихъ размѣрахъ, роютъ ямы и въ вынутой изъ нихъ землѣ опредѣляютъ количество содержащагося золота. Если окажется, что она содержитъ въ себѣ золота такъ мало, что разработка машиною будетъ убыточна или принесетъ не особенно боль-

---

*) Добываемое на Джилиндѣ золото представляется въ видѣ очень мелкихъ зеренъ и листочковъ, не даромъ называемыхъ золотой пылью. На другихъ пріискахъ, въ особенности въ Забайкальѣ, встрѣчается болѣе крупное золото.

шой доходъ, то за работу должны взяться прилежныя руки желтокожихъ.

Стóитъ ли производить разработку и когда именно — зависитъ отъ мѣстныхъ условій. Цѣны жизненныхъ припасовъ, расходы по устройству машинъ и рабочая плата увеличиваются пропорціанально разстоянію золотыхъ пріисковъ отъ большихъ трактовъ. Крупные владѣльцы, предпочитающіе въ погонѣ за скорымъ и высокимъ доходомъ раціональной обработкѣ хищническую систему, оставляютъ занимающимся ручной промывкой золота много мѣстъ, которыя при правильномъ веденіи дѣла возможно было бы эксплуатировать въ широкихъ размѣрахъ.

Занимающіеся ручной промывкой не разрабатываютъ такихъ мѣстъ правильно, а, слѣдуя указаніямъ опыта, работаютъ лишь тамъ, гдѣ разсчитываютъ найти наибольшее количество золота. Словомъ, начинается способъ обработки, который въ Сибири вполнѣ основательно называется хищническимъ. Онъ процвѣтаетъ во всей силѣ во всемъ Приамурскомъ краѣ и только что описанный способъ, практикуемый на большихъ пріискахъ, можно считать еще самымъ безвреднымъ. Въ особенности на Джилиндѣ, гдѣ слой земли

содержащей золото, тянется не только по руслу рѣки, но и по берегамъ ея необыкновенно широкой полосой, до $1^1/_2$ версты, нельзя было жаловаться на хищническую разработку.

Настоящими расточителями и опустошителями золотыхъ богатствъ нужно считать многочисленныя артели, которыя изъ года въ годъ бродятъ по дикимъ мѣстамъ и съ жадностью торопливо переворачиваютъ во многихъ мѣстахъ почву, пріобрѣтая при этомъ очень мало и затрудняя или, пожалуй, совсѣмъ дѣлая невозможнымъ правильное устройство золотого пріиска.

Правительство имѣло полное основаніе запретить это занятіе.

Недавно отмѣнили запрещеніе и хищничество узаконили выдачей артелямъ разрѣшеній. Онѣ только обязаны такъ же, какъ и ихъ болѣе крупные товарищи по промыслу, сдавать найденное золото въ казну, въ Иркутскъ. Но едва ли онѣ это исполняютъ.

Людямъ, живущимъ исключительно тѣмъ, что̀ они зарабатываютъ, золотой песокъ служитъ предметомъ обмѣна. Платье, съѣстные припасы они получаютъ за песокъ тутъ же на мѣстѣ.

По опредѣленіи стоимости золота, золотопромышленникамъ выдаются ассигновки на полученіе денегъ изъ Государственнаго Банка или его отдѣленій въ Сибири.

Большая часть золотыхъ пріисковъ находится у истоковъ впадающихъ въ Амуръ большихъ рѣкъ: Зеи, Буреи и Амгуна.

Чтобы достичь послѣднихъ, нужно проѣхать сначала разстояніе въ 350—550 верстъ по этимъ рѣкамъ, а затѣмъ еще 100—200 верстъ на лошадяхъ.

Мелкимъ предпринимателямъ запасы доставляютъ казаки и крестьяне изъ ближайшихъ поселеній; крупные же имѣютъ собственные пароходы, которые подвозятъ товары изъ Благовѣщенска и Николаевска до ближайшихъ къ золотымъ пріискамъ пристанямъ. Отъ пристаней до пріисковъ проведены дорого стоившія дороги, а во многихъ мѣстахъ телеграфъ и телефонъ.

Уже по этимъ сооруженіямъ можно судить, какая масса народа собирается на большихъ пріискахъ.

Прежде чѣмъ я оставилъ гостепріимную долину Джилинды, мой хозяинъ доставилъ мнѣ случай поближе познакомиться съ туземцами той мѣстности—Орочонами.

Со многими изъ нихъ онъ жилъ въ дружескихъ отношеніяхъ. Они часто посѣщали его колонію, чтобы промѣнять трофеи своей охоты и свои домашнія произведенія на европейскіе продукты и издѣлія. Къ работѣ на пріискахъ нельзя было уговорить ихъ. Хотя они и являлись туда, но своихъ палатокъ никогда не разбивали вблизи европейскихъ колоній и на болѣе продолжительное время, оберегая, какъ и всѣ Тунгузы, свою кочевую свободу.

Я былъ пораженъ простымъ устройствомъ жилища, которое зимою и лѣтомъ остается почти одинаковымъ. Въ сравненіи съ палатками Орочонъ жилища Гиляковъ, Голдовъ и юрты Бурятъ и Киргизовъ можно назвать великолѣпными постройками. Конструкція юртъ до невозможности проста: двѣ наклоненныя жерди длиною въ два метра составляютъ главную опору. На нихъ опираются косо вбитыя вокругъ нихъ жерди, верхушки которыхъ скрещиваются надъ кровлей палатки. Послѣдняя состоитъ частью изъ длинныхъ полосъ разваренной березовой коры, а частью изъ кожи, въ родѣ замшевой, которая зимою замѣняетъ кору.

Повидимому, Орочоны какъ разъ были за-

няты устройствомъ зимнихъ стѣнъ. Для этого во всякомъ случаѣ давно уже наступила пора, такъ какъ по ночамъ бывало болѣе—10° С.

Почти невѣроятно, что люди всѣхъ возрастовъ могли выносить сибирскую зиму въ такомъ помѣщенiи. Въ такой палаткѣ температура можетъ подниматься выше 0° только вблизи огня. Къ этому еще нужно прибавить, что одежда Орочонъ сравнительно легкая. Тяжелыя шубы мѣшали бы имъ во время ихъ странствованiй. Въ продолженiе года они дѣлаютъ не менѣе 1.000 верстъ.

Въ нашу бытность у нихъ, температура казалась имъ еще слишкомъ высокой, чтобы носить мѣховую одежду или накрыть палатку теплыми одѣялами. Семья, одѣтая въ простыя поддевки, юбки и китайскiя шаровары, сидѣла на голой землѣ.

Домашняя утварь Орочонъ также свидѣтельствовала о крайней ихъ нетребовательности.

Какъ большинство Орочонъ, такъ и эта семья, принадлежала къ Православной Церкви. Тунгузскiя племена приняли христiанство раньше и охотнѣе и постигаютъ его лучше, нежели всѣ прочiе приверженцы шаманизма. Безъ сомнѣнiя они развитѣе большинства

народовъ Сѣверной Азіи. Европейцы, которые вращались среди нихъ продолжительное время, хвалятъ ихъ благородство и честность, а многіе положительно превозносятъ ихъ рыцарскіе взгляды.

Христіанскіе миссіонеры находили въ Тунгузахъ очень благодарную почву для распространенія своего ученія. Принятію христіанства способствовало, вѣрно, и желаніе ближе сойтись съ Русскими. «—Я не Орочонъ, я православный и Русскій»,—сказалъ нашъ хозяинъ, когда я назвалъ его и его домочадцевъ Орочонами.

Изъ предметовъ необходимости у Орочонъ главную роль играютъ, разумѣется, охотничьи приборы. Изъ первобытнаго оружія собственнаго производства въ настоящее время у нихъ встрѣчаются только разнообразные ножи и медвѣжьи копья. Такое копье состоитъ изъ крѣпкаго, клинка длиною въ футъ, укрѣпленнаго на жерди величиною въ человѣческій ростъ. Съ нимъ то Орочонъ и нападаетъ на медвѣдя. Въ остальномъ же Тунгузы сдѣлали больше успѣховъ, нежели ихъ южные сосѣди, у которыхъ обычное вооруженіе на охотѣ состоитъ изъ ружья съ фитилемъ, или изъ кремневого ружья, или даже

изъ копья и стрѣлъ. Кто интересуется развитіемъ огнестрѣльнаго ручного оружія, тотъ въ Азіи можетъ заняться его изученіемъ и собрать богатую коллекцію. Съ тѣхъ поръ, какъ Европа и Америка вошли въ торговыя сношенія съ Азіей, онѣ обратили послѣднюю въ складочное мѣсто всего вышедшаго уже у нихъ изъ употребленія оружія, и Азіяты еще и теперь съ успѣхомъ стрѣляютъ изъ винтовокъ и ружей, которыя у насъ съ любопытствомъ разсматриваются въ музеяхъ.

Наше посѣщеніе Орочонъ закончилось тѣмъ, что я купилъ нѣкоторыя ихъ произведенія. Очень хорошо и практично были сдѣланы изъ мягкой оленьей кожи рукавицы, которыя Тунгузы носятъ на охотѣ. Онѣ сшиты олеьими жилами и имѣютъ длинный разрѣзъ. Благодаря послѣднему ихъ можно легко сбросить съ руки, причемъ онѣ повисаютъ на ней, а кисть руки освобождается, чтобы удобнѣе было стрѣлять.

По выходѣ изъ палатки я позволилъ обоимъ мужчинамъ пострѣлять изъ моей магазинки образца 1888 г. Живая радость отразилась на ихъ темныхъ лицахъ, когда они увидѣли результаты стрѣльбы изъ этого превосходнаго ружья. Орочоны вѣдь отличные

охотники и стрѣлки. Они стрѣляютъ только пулями, причемъ въ маленькихъ пушныхъ звѣрей, какъ соболя и бѣлку, они цѣлятся исключительно въ головы, чтобы не повредить дорогихъ шкурокъ. Во избѣжаніе же потери дорогого свинца, они берутъ пороха лишь столько, чтобы пуля осталась въ головѣ.

16 Октября я снова прибылъ въ Ренову. Вьючные мѣшки были уже приготовлены и сѣдло приведено въ порядокъ такъ что черезъ два дня я могъ пуститься въ дальнѣйшій путь.

VIII.

Поѣздка вдоль береговъ Амура и Аргуни.

Хорошія монгольскія лошадки бодро вскарабкались на гору, которая возвышается къ западу отъ Реновы. Съ ея вершины открылся великолѣпный видъ на глубоко подъ нами текущую рѣку, покрытую быстро мчавшимися льдинами. По правую сторону тянулся густой хвойный лѣсъ, изъ котораго иногда выбѣгали на опушку рябчики, чтобы посмотрѣть на путешественниковъ, нарушающихъ тишину ихъ глуши.

Вскорѣ мы спустились съ горы, проѣхали ущелье, снова преодолѣли гору и въ часъ дня уже прибыли въ Орлову.

Съ противоположной стороны прибыла верховая почта. Слѣдовательно, до слѣдующей станицы возможно было добраться. По словамъ казаковъ, это разстояніе можно проѣхать въ 7—8 часовъ.

До захода солнца мы ѣхали вдоль рѣки, затѣмъ оставили Амуръ, теченіе котораго образуетъ большую петлю, и поѣхали по ближайшей дорогѣ напрямикъ, черезъ глухой лѣсъ.

Насъ окружало глубокое молчаніе, свойственное сибирскимъ лѣсамъ лѣтомъ и зимою, днемъ и ночью.

То и дѣло приходилось объѣзжать или перелѣзать черезъ стволы деревьевъ; по землѣ тянулись ихъ громадные корни, а свисавшія вѣтви били насъ по лицу.

Мы ѣхали приблизительно пять часовъ по лѣсистой возвышенности, пока достигли долины рѣки.

Передъ нами разстилались большіе заливные, теперь покрытые льдомъ, луга, мѣстами прерываемые замерзшими болотами. Вѣтеръ смелъ во многихъ мѣстахъ снѣгъ, такъ что образовались скользкія зеркальныя поверхности, и приходилось быть крайне осторожнымъ во время ѣзды. Только на такихъ отличныхъ лошадяхъ, какъ сибирскія, которымъ, какъ дѣтямъ дебрей, незнакомы препятствія, мы могли проѣхать наискосокъ эту долину. Ѣзда по лѣсу уже была

дѣломъ нешуточнымъ, по льду же опа дѣлалась до невозможности трудной.

Безъ приключеній мы проѣхали въ бродъ черезъ Олдой, рѣку, шириною около 200 шаговъ, и намъ оставалось только около четырехъ верстъ до Свербеевой.

Но тутъ то и началась самая опасная часть дороги. До половины крутой горы тянулась тропинка, такая узкая, что двое верховыхъ съ трудомъ могли бы на ней разъѣхаться. Подъ горою находилось озеро. Каждый невѣрный шагъ, навѣрное, стоилъ бы намъ жизни, какъ уже поплатилась нѣсколько дней тому назадъ верховая почта.

Спустившись, мы скоро доѣхали до широкаго деревяннаго моста, перваго признака человѣческой дѣятельности. Лошади почуяли конецъ своихъ трудовъ и послѣднюю версту къ Амуру повезли насъ ровной рысью. Почтовая станція находится возлѣ самой рѣки.

Я заказалъ лошадей на слѣдующее утро, собралъ свѣдѣнія относительно дороги и постарался разузнать что-нибудь про сельскохозяйственныя дѣла.

Кромѣ почтмейстера, изъ двадцати семи семействъ деревни только три семьи вели

хозяйство, заслуживающее вниманія. Почва очень хороша, такъ что яровая рожь, овесъ и гречиха вполнѣ созрѣваютъ, хотя посѣвъ начинается только въ серединѣ мая, а морозы часто наступаютъ уже въ серединѣ августа.

Отъ Свербеевой до Сгибневой, около 30 верстъ, дорога тянулась берегомъ Амура.

Отвѣсныя, высокія скалы съ зубчатыми вершинами возвышались вдоль берега.

На серединѣ пути лежала колонія дровосѣковъ, снабжавшихъ топливомъ амурскіе пароходы.

Затѣмъ отъ рѣки дорога сворачивала въ лѣсную глушь. Мало замѣтная тропинка вела то въ гору, то подъ гору, то черезъ замерзшіе ручьи, то между молодыми, густо покрытыми снѣгомъ, соснами, то мимо вырубленныхъ елей и лиственницъ.

Въ продолженіе цѣлаго дня мы не видѣли ни одного живого существа. Вездѣ царствовала непріятная, мертвая тишина.

На пути изъ Сгибневой въ Игнашино пришлось переправиться въ бродъ черезъ рѣчонки Уричи и Унитную

Поселеніе Это особенно зажиточно. Дома отлично выстроены, а питаніе жителей такъ

хорошо, какъ лишь въ немногихъ поселенiяхъ Приамурскаго края.

Обширныя пашни, многочисленные стога сѣна, видѣнные мною рогатый скотъ и лошади свидѣтельствуютъ о томъ, что культура нашла здѣсь болѣе прочную осѣдлость, нежели въ большинствѣ поселенiй Приамурья.

Мѣстность между Игнашиной и Амазаромъ некрасива и дорога не представляетъ осыбыхъ затрудненiй.

Зато на пути изъ Амазара въ Покровское встрѣчаются значительныя препятствiя въ видѣ крутыхъ горъ.

Покровское лежитъ на границѣ Приамурскаго Края и Забайкалья, тамъ гдѣ Шилка и Аргунь сливаются, образуя Амуръ. Какъ конечный пунктъ движенiя пароходовъ во время мелководья Шилки, которое ежегодно повторяется и часто продолжается по нѣсколько недѣль, онъ прiобрѣлъ извѣстное значенiе.

Жители—около 400 казаковъ и нѣсколько купцовъ—имѣютъ во время пароходства хорошiй заработокъ. Находящiйся вблизи золотой промыселъ, работы на пароходахъ, охота и рыбная ловля преимущественно доставляютъ имъ средства къ существованiю.

Еще въ Реновѣ я рѣшилъ продолжать свой дальнѣйшій путь изъ Покровскаго не вдоль Шилки, а вдоль Аргуни. Путешествіе по правому берегу нижняго теченія Шилки не только крайне затруднительно, но, вслѣдствіе недостатка большихъ поселеній, почти невозможно. На разстояніи около 180 верстъ лежатъ семь жалкихъ почтовыхъ станцій— «семь смертныхъ грѣховъ». Немногіе жители скалистой глуши имѣютъ лишь самое необходимое для своего пропитанія, а потому и не могутъ предложить проѣзжему ничего съѣстного. Лошади же имѣются тамъ въ достаточномъ количествѣ лишь тогда, когда начинается почтовое сообщеніе по льду.

Трудности путешествія вдоль нижняго теченія Аргуни тоже немалыя, но тамъ, по крайней мѣрѣ, имѣются большія поселенія, такъ что можно получить лошадей и проводниковъ.

Казачья станица Стрѣлочная, находящаяся въ углу между Аргуней и Шилкой, лежитъ въ $^1/_4$ часа ѣзды отъ послѣдней.

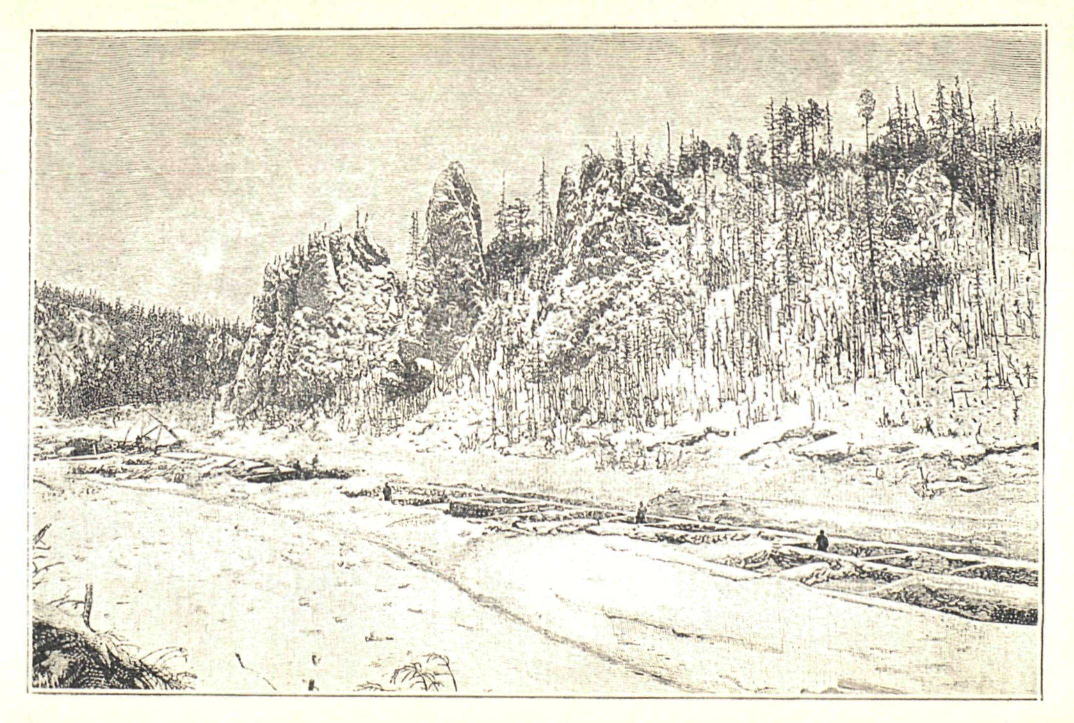
Отсюда до Нерчинскаго завода нѣтъ почтовыхъ станцій.Подорожная же моя давала мнѣ право останавливаться въ земскихъ квартирахъ, которыя обязательно содержатся во

всѣхъ сибирскихъ поселеніяхъ для проѣзжающихъ чиновниковъ.

Квартиру эту въ каждомъ поселеніи жители содержатъ по очереди и получаютъ за это отъ правительства небольшое вознагражденіе. Жизненные припасы отпускаются здѣсь по утвержденной таксѣ. Болѣе же зажиточные крестьяне часто отказываются отъ денегъ, такъ что проѣзжіе вознаграждаютъ ихъ или ихъ женъ и дѣтей небольшими подарками.

Мои хозяева въ Стрѣлочной были такими же бѣдняками, какъ и всѣ прочіе казаки жалкой деревушки. Земледѣліе на каменистой почвѣ при самомъ большомъ стараніи не можетъ приносить дохода, а цѣна па хлѣбъ возвышается еще тѣмъ, что для перемола зерно приходится отправлять почти за 40 верстъ. Скотоводство также сопряжено съ большими трудностями. Луга имѣются только на манчжурской сторонѣ Аргуни. Казаки арендуютъ ихъ изъ-полу. Рыбная ловля и охота также мало прибыльны. Аргунь широка и камениста въ своемъ устьѣ, такъ что очень вѣроятпо, что рыболовство плохо.

Здѣсь, какъ и вездѣ, драгоцѣнные пушные звѣри истреблены далеко вокругъ. Только

Золотой прiискъ зимою.

число бѣлокъ не уменьшается, несмотря на всѣ ихъ преслѣдованія. Ежегодно здѣсь избивается много сотенъ этихъ звѣрковъ.

Нѣсколько позже я встрѣтилъ компанію четырехъ охотниковъ, которые въ продолженіе трехъ недѣль убили болѣе 500 бѣлокъ. Мѣхъ у нихъ, какъ и у всѣхъ сибирскихъ звѣрей, гуще и волосъ длиннѣе, чѣмъ у нашихъ бѣлокъ. Цвѣтъ же крайне разнообразенъ.

Купцы платятъ на мѣстѣ отъ 20 до 25 коп. за шкурку. Это—хорошія деньги, которыя приходятся очень кстати не одной бѣдной казачьей семьѣ.

Пріѣздъ путешественника въ такую казачью станицу считается однимъ изъ самыхъ большихъ происшествій.

Стрѣлочная произвела на меня впечатлѣніе, противоположное Покровской. Несмотря на то, что было воскресенье, я не видалъ ни одного пьянаго и не слышалъ дикихъ криковъ и пѣнія.

По картѣ разстояніе между Стрѣлочной и Ѣздочной около 43 верстъ, но это оказалось совершенно невѣрнымъ.

Послѣ обѣда мы добрались до ивовыхъ изгородей Ѣздочной, въ которыхъ помѣщаютъ зимою лошадей. Эти изгороди располо-

жены неособенно удобно для жителей. Нужно сдѣлать около 11 верстъ, чтобы привести лошадей въ деревню.

Отъ Ѣздочной до слѣдующей станицы, Мучиканъ, около 57 верстъ, что при здѣшнихъ дорогахъ составляетъ болѣе одного дневного перехода. Въ Ѣздочной живетъ около ста душъ, которыя производятъ такое же жалкое впечатлѣніе, какъ и въ Стрѣлочной. Но главная причина этого убожества заключается не въ плохомъ мѣстоположеніи станицы, какъ въ Стрѣлочной, а только въ лѣности казаковъ. Трудно повѣрить при встрѣчѣ съ жителями Аргунскихъ деревень, что вы видите передъ собой Европейцевъ. Одѣтые въ самодѣльныя мѣховыя платья или въ китайскія одежды, они больше походятъ на полудикихъ рыболововъ и охотниковъ тѣхъ странъ. Они положительно менѣе культурны своихъ предковъ, работавшихъ въ прошломъ столѣтіи въ качествѣ крѣпостныхъ государственныхъ крестьянъ въ рудникахъ и на заводахъ Западнаго Забайкалья и насильно водворенныхъ здѣсь въ качествѣ пограничной стражи. Вмѣсто того, чтобы распространить культуру дальше на востокъ, они своимъ образомъ жизни почти сравнялись съ

туземными жителями. Даже традиціонный напитокъ — водка — долженъ былъ уступить мѣсто манчжурскому «Самшу». Большая часть осѣдлыхъ Бурятъ въ Забайкальѣ стоитъ на высшей культурной ступени, нежели Аргунскіе казаки. Еслибы послѣдніе не отбывали военной службы въ Читѣ и другихъ культурныхъ пунктахъ Забайкалья вмѣстѣ съ болѣе развитыми одноплеменниками, кто знаетъ, можетъ быть, у нихъ не осталось бы и слѣда европейскаго образа жизни.

Такъ же, какъ и всѣ казаки Юго-Восточнаго Забайкалья, и здѣшніе принадлежатъ къ пѣшимъ войскамъ въ противоположность живущимъ на Амурѣ и Уссури, которые происходятъ частью изъ крестьянъ, а частью изъ казаковъ южной Россіи. Уже манера ѣзды, взнуздываніе и сѣдловка лошадей показываютъ, что передъ вами не настоящіе казаки. Удила и сѣдла до невѣроятія первобытны и похожи скорѣе на монгольскія, нежели на русскія произведенія. Первыя часто состоятъ только изъ нѣсколькихъ веревокъ, послѣднія же—изъ плохихъ узкихъ козелъ, покрытыхъ тряпками и войлокомъ. Осторожно, или, пожалуй, даже боязливо управляетъ своею лошадью Аргунскій казакъ.

Вслѣдствіе близости забайкальскихъ табуновъ, Аргунскіе казаки располагаютъ гораздо лучшими лошадьми, нежели ихъ восточные сосѣди. Самая лучшая лошадь стоитъ здѣсь не дороже 80 рублей, а луга, въ особенности на китайской сторонѣ Аргуни, встрѣчаются въ изобиліи. Жители Ѣздочной арендуютъ ихъ за плату 40% съ укоса. Но въ продажѣ сѣно здѣсь ужасно дорого; пудъ его стоитъ около 35 копѣекъ.

Охота здѣсь, кажется, лучше, чѣмъ въ верхнемъ теченіи Амура. Въ безлюдныхъ гористыхъ дебряхъ между Аргунью и Шилкой встрѣчаются лоси, медвѣди, волки, лисицы, олени, серны, мускусная каборга и проч. Главный же доходъ доставляетъ бѣлка. Соболь и здѣсь тоже почти истребленъ. Это драгоцѣнное животное попадается изъ года въ годъ все рѣже. Еще 200 лѣтъ тому назадъ онъ былъ распространенъ по всей Сибири, между тѣмъ какъ теперь онъ встрѣчается лишь въ самыхъ глухихъ дебряхъ. Во время моихъ странствованій по Сибири мнѣ не приходилось видѣть ни одного соболя; только нѣсколько разъ мнѣ предлагали купить его мѣхъ. Не даромъ говорятъ, что открытіе Сибири Европейцами нужно приписать прежде

всего соболю. Желаніе добыть этотъ мѣхъ, который во всѣ времена цѣнился на вѣсъ золота, влекло русскихъ охотниковъ и торговцевъ все дальше и дальше къ востоку и сѣверу, а за ними ужь послѣдовали смѣльчаки, которые и дали Россіи толчекъ къ пріобрѣтенію Сѣверной Азіи.

Рано утромъ были приведены четыре лошади и къ 10 часамъ закончена была трудная ихъ ковка. Въ этихъ мѣстностяхъ ѣздятъ на некованыхъ лошадяхъ и только тогда, когда предстоитъ ѣхать по гололедицѣ, бѣдныя животныя подвергаются этой хлопотливой процедурѣ. Я не замѣтилъ, чтобы сибирскія лошади были болѣе дики и злы, нежели въ другихъ странахъ, а все же во время ковки съ ними обращаются какъ съ самыми опасными звѣрями. Передъ каждой кузницей устроенъ крѣпкій станокъ, въ который втискиваютъ ихъ и при помощи веревокъ подымаютъ приблизительно на одинъ футъ отъ земли. Ноги привязываютъ къ поперечнымъ брусьямъ и тогда лишь начинаютъ работу, которая продолжается довольно долго. Поэтому я былъ очень обрадованъ, когда въ 10 часовъ уже можно было сѣдлать.

IX.

Поселенцы и ссыльные въ Восточномъ Забайкальѣ.

Съ пріѣздомъ въ Урупину я вступилъ въ наиболѣе населенную часть Забайкалья, а вмѣстѣ съ тѣмъ и Сибири. Достаточно взглянуть на карту этой области, чтобы тотчасъ же замѣтить, что $^{1}/_{3}$ ея почти что не населена. Сѣвернѣе линіи отъ Урупины до Баргузина, у Байкальскаго озера, населенныхъ мѣстъ встрѣчается чрезвычайно мало. И понынѣ остались безлюдными берега могучаго Витима, воды котораго, пробѣжавъ тысячу верстъ по глуши, только при впаденіи въ Лену встрѣчаютъ русскія поселенія.

Замѣчательно близко находятся другъ отъ друга бассейны обѣихъ рѣкъ, изъ которыхъ одна течетъ въ Ледовитый Океанъ, а другая

въ Тихій. Ингоду у Читы отдѣляютъ отъ ближайшаго пункта Витима не полныя 160 верстъ; водораздѣльную линію составляетъ цѣпь Яблоновыхъ горъ, самая высокая вершина которыхъ доходитъ до 2.500 метровъ.

Къ востоку отъ этой горной цѣпи, прорѣзывающей все Забайкалье, всѣ рѣки принадлежатъ къ бассейну Амура. Къ западу же отъ нея Витимъ направляетъ свои воды къ Ледовитому океану черезъ Лену, а рѣки бассейна Селенги и другія небольшія рѣки, питающія Байкальское озеро, достигаютъ того же океана черезъ Ангару и Енисей.

Забайкальское плоскогоріе чрезвычайно изобилуетъ водами. Дорогу постоянно пересѣкаютъ рѣки и ручейки, ведетъ ли она по гористымъ мѣстамъ на востокѣ или по широкимъ степямъ, простирающимся между Байкальскими и Яблоновыми горами.

И въ Забайкальѣ колонизація развилась по берегамъ рѣкъ. Поселенія густо расположены по Аргуни, Ингодѣ и Ононѣ, которыя орошаютъ Нерчинскій и Читинскій округа, но еще многолюднѣе берега Селенги, Хилки и Чикоя въ юго-западной части Забайкальской области.

Эта послѣдняя занимаетъ не менѣе 11.000

квадратныхъ географическихъ миль; слѣдовательно, величиною превосходитъ Германію на $^1/_6$ часть. Здѣсь, какъ и вездѣ въ Сибири, жители имѣютъ еще много земли. Въ 1894 г. жителей было 610.194. Изъ нихъ $^2/_3$ составляли Русскіе, а остальную треть—Монголы, а именно Буряты и Тунгузы.

Въ тѣхъ округахъ, въ которыхъ находятся города и заводы, живутъ почти исключительно Русскіе. Монголы предоставили эту часть своей родины европейскимъ пришельцамъ. Это были тѣ владѣнія, которыя прежде всего обратили на себя вниманіе Русскихъ своимъ минеральнымъ богатствомъ и обладаніе которыми было закрѣплено въ 1689 г. Нерчинскимъ трактатомъ. Между тѣмъ колонизація значительно подвинулась впередъ только при Петрѣ Великомъ, который послалъ въ Забайкалье большое число крестьянскихъ семей для работъ въ рудникахъ и на заводахъ. Отъ этихъ то государственныхъ крестьянъ и происходитъ, вѣроятно, бо̀льшая часть нынѣшнихъ поселенцевъ.

Всю дорогу отъ Урупины до Нерчинскаго завода я могъ проѣхать въ саняхъ. Большая дорога содержалась не особенно хорошо, но снѣгъ сравнялъ всѣ неровности, да и ло-

шади были отличныя. Тройка быстро мчалась, и я могъ проѣхать эти 190 верстъ въ двое сутокъ.

Мѣстность и ея жители представляли пріятный контрастъ всему тому, что̀ я видѣлъ на Амурѣ и Аргуни. Хотя величіе и красота природы были здѣсь меньше, зато культура значительно выше.

Черезъ каждые 2—3 часа я проѣзжалъ черезъ казачьи поселенія въ 50—100 дворовъ. Всѣ они производили впечатлѣніе зажиточности. Великолѣпныя стада скота и табуны лошадей свидѣтельствовали о доброкачественности пастбищъ въ обширныхъ низменныхъ долинахъ. Только на крутыхъ вершинахъ горъ оставался лѣсъ, но и онъ проявлялъ уже слѣды начинающейся разработки. Здѣсь деревья были надрублены, чтобы этимъ ускорить ихъ засыханіе и облегчить рубку на будущій годъ; въ другихъ мѣстахъ изъ обгорѣлой земли виднѣлись лишь обуглившіеся пни деревьевъ, а кое-гдѣ работа поселенцевъ дошла уже до первыхъ пріемовъ обработки черноземной дѣвственной почвы, которая будущей весной должна была принять первыя сѣмена.

Способъ обработки земли и въ Забай-

кальѣ такъ же первобытенъ, какъ въ Приамурскомъ краѣ. Употребляемыя тамъ земледѣльческія орудія у насъ могли бы имѣть мѣсто въ музеѣ древностей. Удобреніе и плодоперемѣнное полеводство незнакомы; даже трехпольная система хозяйства примѣняется въ Забайкальѣ лишь въ наиболѣе населенныхъ мѣстахъ. Обыкновенно почву обрабатываютъ изъ года въ годъ до истощенія. Земля такъ плодородна, что не скоро отказывается давать урожай.

Несмотря на плохую обработку земли, урожай яровой ржи, пшеницы, овса, гречихи и картофеля вполнѣ обезпечиваетъ поселенца пропитаніемъ, а въ хорошіе годы даетъ ему даже возможность продать излишекъ продуктовъ въ Приамурскій край. А это ужъ много значитъ. Эта плодородная почва вознаграждаетъ за труды всякаго, кто хоть сколько-нибудь хорошо хозяйничаетъ.

Климатъ также благопріятенъ для сельскаго хозяйства. Хотя зимою термометръ падаетъ нерѣдко ниже—40° С., зато солнце грѣетъ землю отъ конца апрѣля до начала сентября.

Только озимые хлѣба почти нигдѣ не родятся, потому что сѣмена при сильномъ хо-

лодѣ и небольшомъ снѣгѣ не могутъ вынести зимы *).

Прибыльнѣе земледѣлія въ Забайкальѣ скотоводство. Отличныя луговыя долины рѣкъ и безконечныя степи превратили тамошнихъ жителей въ пастушескій народъ. При завоеваніи этой страны Русскіе нашли тамъ кочующихъ Бурятъ и Тунгузовъ. Хотя, поселившись тамъ, Русскіе и примѣняли унаслѣдованныя отъ отцовъ сельскохозяйственныя познанія, но главную свою дѣятельность обратили на скотоводство. Племенной скотъ они взяли у Монголовъ и до настоящаго времени на Забайкальскихъ лугахъ видѣнъ исключительно плохой туземный рогатый скотъ Его разводятъ главнымъ образомъ не изъ за молока, а изъ за мяса и шкуры. Молоко можно получить почти только лѣтомъ. Въ Забайкальѣ, какъ и вообще въ Сибири, хлѣва и стойла встрѣчаются рѣдко. Раціональный

---

*) Въ 1894 г., по офиціальнымъ свѣдѣніямъ, было обработано 1.373.000 десятинъ; собрано зерноваго хлѣба 1.300.000 четвертей и картофеля 175.000 четв. Средній урожай ржи самъ 5,5, пшеницы 4,4, овса 5, ячменя 4,8, гречихи самъ 8, а картофеля самъ 5.3. (Отчетъ Забайкальскаго областного правленія за 1894 годъ).

уходъ за рогатымъ скотомъ и его разведеніе тамъ незнакомы. Животныя зиму и лѣто проводятъ подъ открытымъ небомъ. Тѣ, которыя не выносятъ голода и холода, пропадаютъ. Конечно, при такихъ условіяхъ частыя эпидеміи сильно уменьшаютъ число рогатаго скота. Если же, несмотря на все это, количество его остается такимъ значительнымъ, то это только благодаря благопріятнымъ условіямъ, которыя представляетъ страна для его сохраненія.

Что же касается монгольской лошади, то изо всѣхъ извѣстныхъ у насъ породъ къ ней болѣе всего подходитъ маленькая польская лошадь. Лошади содержатся здѣсь такъ же плохо, какъ и рогатый скотъ. Зато тѣ, которыя при такихъ условіяхъ остаются въ живыхъ, превосходны. На Амурѣ и Аргуни я часто удивлялся выносливости и ловкости лошадей, когда приходилось въ дорогѣ преодолѣвать препятствія, въ Забайкальѣ же я научился цѣнить ихъ быстроту и горячность.

Уже въ самомъ началѣ поѣздки по населенной части Забайкалья мнѣ часто представлялись случаи изучить характеръ и жизнь крестьянъ. Сибирскій мужикъ, несмотря на многіе крупные недостатки, возбудитъ симпатію во всякомъ наблюдателѣ, который озна-

комится съ нимъ поближе. У него прекрасные задатки и онъ меньше всего виноватъ, если до сихъ поръ они мало развились.

Вообще предполагають, что населеніе Сибири произошло главнымъ образомъ отъ ссыльныхъ. Что это предположеніе не вѣрно относительно Приамурскаго и Уссурійскаго краевъ, читатель уже убѣдился изъ прежнихъ моихъ описаній. Ссыльный элементъ совершенно не принимался во вниманіе для колонизаціи этихъ областей. Большую роль играло тамъ переселеніе крестьянъ и казаковъ.

Совсѣмъ иначе сложились обстоятельства въ остальной Сибири. За исключеніемъ деревень на главномъ почтовомъ трактѣ и поселеній потомковъ вышеупомянутыхъ государственныхъ крестьянъ, большинство жителей происходитъ отъ добровольныхъ переселенцевъ.

Изслѣдователь и народный экономистъ Едринцевъ *), первый указавшій на этотъ фактъ, считаетъ, что число крестьянъ-переселенцевъ, переходившихъ въ послѣднее время

*) Николай Едринцевъ. *Сибирь, какъ колонія.* С.-Петербургъ. Изд. Сибирякова. 1892 г.

черезъ Уралъ, доходитъ среднимъ числомъ до 40.000 въ годъ! Въ то же время онъ доказываетъ, что этотъ потокъ переселенцевъ направляется въ Сибирь еще съ прошлаго столѣтія, что онъ непрерывно увеличивается и, въ сравненіи съ нимъ, колонизація ссыльными почти совершенно не имѣетъ значенія.

Поселенія, находящіяся вдоль почтовыхъ дорогъ, стоятъ на гораздо низшей ступени, нежели поселенія, лежащія въ сторонѣ отъ нихъ. И благосостояніе послѣднихъ кажется несравненно лучшимъ, чѣмъ первыхъ. Наибольшее вниманіе и радушіе я встрѣчалъ именно въ самыхъ глухихъ мѣстахъ, въ особенности на пути изъ Урупины въ Нерчинскій заводъ.

Нерчинскій заводъ состоитъ изъ 200—300 деревянныхъ домовъ, сгруппированныхъ въ котлообразной долинѣ. И тутъ выдѣлялись только церковь и массивная постройка губернаторскаго дома.

Значеніе этого завода въ настоящее время состоитъ исключительно въ томъ, что тамъ имѣетъ мѣстопребываніе главное начальство. Богатые серебряные рудники, послужившіе въ 1701 г. причиной заселенія этого мѣста,

уже истощены, или, по крайней мѣрѣ, ихъ считаютъ истощенными. Ближайшій рудникъ—Серентуй находится приблизительно въ 15 верстахъ отъ Нерчинскаго завода.

Я часто разговаривалъ съ бывшими арестантами объ ихъ жизни въ тюрьмахъ, но никогда они не жаловались на грубое обращеніе съ ними. Даже во много разъ описанной Карѣ, которую Кеннанъ описалъ такими мрачными красками, не происходило никакого звѣрства. Незадолго до моего прибытія въ Забайкалье тюрьмы въ Карѣ были закрыты, такъ какъ изъ работъ арестантовъ на золотыхъ пріискахъ не выходило никакого толка. Ихъ разослали по тюрьмамъ, которыхъ въ Забайкальѣ было въ то время одиннадцать. Въ нихъ, какъ мнѣ говорили, содержалось тогда ровно 8.000 арестантовъ.

Я осмотрѣлъ эту тюрьму въ сопровожденіи нѣсколькихъ служащихъ и былъ положительно удивленъ какъ внутреннимъ ея устройтвомъ, такъ и наружнымъ видомъ зданій. Главный кирпичный корпусъ, выкрашенный въ бѣлый цвѣтъ, былъ бы на мѣстѣ и въ Западной Европѣ. Арестанты помѣщались въ свѣтлыхъ большихъ палатахъ, были опрятно одѣты и производили впечатлѣніе

людей вполнѣ здоровыхъ. Такъ же чисто, какъ палаты и мастерскія, содержались и прочія строенія. Въ особенности устройство бани и кухни дѣлало честь тюремному начальству. Очень красива часовня, украшенная стѣнной живописью однимъ живописцемъ, сосланнымъ за поддѣлку кредитныхъ билетовъ. По праздникамъ въ ней раздавалось пѣніе арестантскаго хора, которымъ управлялъ какой-то бывшій учитель.

Какъ разъ во время моего посѣщенія арестанты обѣдали, такъ что я имѣлъ возможность убѣдиться, что пища была не только обильна, но и хорошо приготовлена.

Въ одномъ флигелѣ находился лазаретъ, устройство котораго тоже не оставляло желать ничего лучшаго. Больныхъ въ немъ было очень мало. Заглянувъ въ списокъ больныхъ, я убѣдился, что состояніе здоровья арестантовъ было съ давнихъ поръ хорошее. Въ больницѣ каждый имѣлъ свою отдѣльную кровать, между тѣмъ какъ въ тюрьмѣ, вслѣдствіе ея переполненія, многимъ арестантамъ приходилось на ночь класть свои тюфяки на полъ. Все же эти люди спали лучше многихъ свободныхъ Сибиряковъ.

Вообще я долженъ сказать, рискуя даже

прослыть негуманнымъ, что большей части арестантовъ жилось въ Серентуѣ лучше, чѣмъ они заслуживали и чѣмъ жилось имъ у себя дома.

Въ отношеніи гуманности тюрьмы удовлетворяютъ всѣмъ законнымъ требованіямъ. Во время моего пребыванія въ Серентуѣ одиночныхъ заключенныхъ не было, и арестанты работали немного. Въ серебряныхъ рудникахъ работали только около 150 человѣкъ, нѣсколько же сотъ человѣкъ были заняты въ ремесленныхъ мастерскихъ, устроенныхъ, хотя и прекрасно, но слишкомъ тѣсныхъ. Иные арестанты, какъ и на Сахалинѣ, работали во дворѣ, большинство же отбывало свой срокъ наказанія безо всякаго дѣла.

Недалеко отъ тюремныхъ строеній находится большой бревенчатый домъ, въ которомъ помѣщается школа для дѣтей ссыльныхъ. Въ ней воспитывалось болѣе двадцати мальчиковъ и дѣвочекъ. Классъ и учебныя пособія обрадовали бы всякаго педагога. Для занятій въ свободное время имѣется небольшая ремесленная мастерская.

То, что я увидѣлъ въ рудникѣ, меня не удивило, такъ какъ я достаточно былъ знакомъ съ сибирской промышленностью, чтобы

не испытать разочарованія. Болѣе первобытнымъ образомъ у насъ не доставали руду 100 лѣтъ тому назадъ. Мы спустились въ Романовскую шахту или, лучше говоря, слѣзли въ нее по лѣстницамъ, въ которыхъ то тутъ, то тамъ недоставало ступенекъ. Лѣтомъ отъ сырости, должно быть, по стѣнамъ течетъ вода; при скудномъ свѣтѣ нашихъ сальныхъ свѣчей вездѣ виднѣлись ледяные кристалики. Около получаса мы лазали въ низкихъ штольнахъ и наконецъ попали на глубинѣ 28 саженъ на ледъ, такъ какъ нижняя шахта была залита водою. Воздухъ нигдѣ не казался мнѣ плохимъ, а сопровождавшій меня инженеръ подтвердилъ мое предположеніе, что вредные газы совсѣмъ отсутствуютъ тамъ. Машинъ я нигдѣ не видѣлъ. Вся работа производилась руками арестантовъ.

Спустя нѣсколько недѣль я имѣлъ случай разговаривать съ однимъ ссыльныхъ, работавшимъ нѣсколько лѣтъ въ рудникахъ. Онъ былъ того мнѣнія, что эта работа немногимъ труднѣе и утомительнѣе обыкновенныхъ арестантскихъ работъ внѣ рудниковъ и опровергалъ тѣ ужасныя описанія, которыя неоднократно печатались про рабо-

ты въ свинцовыхъ рудникахъ Нерчинска. На самомъ же дѣлѣ страдаютъ не работники, а вслѣдствіе незначительности ихъ работъ доходъ отъ рудниковъ. Есть надежда, что съ окончаніемъ постройки Сибирской желѣзной дороги разовьется и будетъ процвѣтать горный промыселъ. Но тогда правительство, вѣрно, и тамъ отмѣнитъ работу арестантовъ и замѣнитъ ихъ вольными рабочими.

Въ интересахъ раціональнаго извлеченія минеральныхъ богатствъ въ Забайкальѣ было бы очень полезно совершенно оставить разработку рудниковъ. Безо всякихъ изслѣдованій не трудно понять, что, вслѣдствіе недостаточной разработки горныхъ мѣсторожденій и плохого устройства плавиленъ, большая часть цѣнныхъ металловъ или совсѣмъ не добывается или отбрасывается вмѣстѣ съ свинцомъ и негодными горными породами. Свинецъ тамошній не имѣетъ никакого примѣненія. Его привозятъ въ Забайкалье изъ Европы или Америки *). Вблизи свинцовыхъ рудниковъ фунтъ свинца стоитъ около 17 коп.

Расходы казны на пересылку ссыльныхъ громадны. Едринцевъ считаетъ, что на че-

*) Въ Серентуѣ пудъ горной породы содержитъ 20—24 золотника серебра.

ловѣка приходится среднимъ числомъ 300 рублей, и указываетъ на то, что содержаніе арестанта въ Европейской Россіи обходится среднимъ числомъ въ 74 руб. въ годъ.

Получивъ отъ начальства рудниковаго округа рекомендаціи и хорошіе совѣты, я отправился изъ Нерчинскаго завода дальше въ Читу, до которой было 750 верстъ.

Черезъ каждые 10—15 верстъ мы проѣзжали черезъ деревни; почтовыя же станціи находились другъ отъ друга на болѣе далекомъ разстояніи. Такъ какъ большая часть дороги проходитъ по волнистой мѣстности, то мы не особенно быстро подвигались впередъ.

Поѣздка въ Читу обошлась безъ приключеній. Возлѣ почтовой станціи Біанкинъ я снова увидѣлъ Шилку. Рѣка, судоходная и въ томъ мѣстѣ, замерзла только за 24 часа передъ тѣмъ.

Нерчинскъ лежитъ при впаденіи Нерчи въ Шилку и представляетъ собою маленькій городокъ съ 4½ тысячами жителей. Достойными вниманія тамъ были только настолько же роскошный, насколько и безвкусный домъ крупнаго торговца Бутина и музей. Про Бутинскій домъ можно сказать только, что онъ, вѣрно, стоилъ большихъ денегъ, кото-

рыя могли бы имѣть лучшее примѣненіе. Устройство же маленькаго музея свидѣтельствовало какъ о большомъ стараніи собирать рѣдкости, такъ, къ сожалѣнію, и о чрезвычайно ничтожномъ умѣньѣ это дѣлать. Однако, красивая одежда шаманскаго жреца и множество хорошихъ чучелъ птицъ заслуживали вниманія.

Возлѣ Нерчинска я переѣхалъ на большой почтовый трактъ, соединяющій Европу съ Амуромъ. Онъ былъ хуже боковой дороги, по которой я ѣхалъ до сихъ поръ.

Наконецъ, я достигъ Читы, гдѣ подробно осмотрѣлъ этнографическій городской музей, въ которомъ собрано все, касающееся жизни забайкальскихъ жителей, ихъ нравовъ, произведеній, а также и естественныхъ богатствъ этой области. Въ особенности коллекція минераловъ отличается богатствомъ и содержится въ замѣчательномъ порядкѣ.

X.

Въ Русской Монголіи.

Послѣ четырехдневнаго пребыванія въ Читѣ я опять сѣлъ въ тарантасъ. Слѣдующей большой станціей былъ Троицкосавскъ, второй по величинѣ городъ Забайкалья, и сосѣдній съ нимъ городокъ Кяхта.

Чтобы попасть туда изъ Читы, обыкновенно ѣдутъ до Верхнеудинска по главному сибирскому тракту, а затѣмъ по боковой почтовой дорогѣ, ведущей къ югу черезъ Селенгинскъ къ монгольской границѣ.

Я выбралъ болѣе короткій, а, главное, болѣе интересный путь, на которомъ можно ближе ознакомиться съ населеніемъ и большими поселеніями юго-западнаго Забайкалья. Въ началѣ мнѣ пришлось все-таки сдѣлать по главному почтовому тракту около 300 верстъ, такъ какъ гористая мѣстность, ле-

жащая непосредственно къ юго-западу отъ Читы, почти необитаема и зимою крайне затруднительна для проѣзда.

Эта часть главнаго пути сообщенія представляетъ мало красотъ. Переѣхавъ Яблоновый хребетъ, мы попали въ обширныя степи, простирающіяся отъ этихъ горъ къ западу до Хамаръ-Дабана возлѣ Байкальскаго озера

Недалеко отъ ущелья Яблоновыхъ горъ, возлѣ почтовой дороги, находится самое восточное поселеніе Монголовъ—бурятская деревня Кондинскъ. Въ ней Русскихъ было только двое: почтмейстеръ и смотритель этапной тюрьмы, которые съ прочими жителями деревни, казалось, говорили только по-монгольски, хотя большинство ихъ владѣли русскимъ языкомъ.

Вблизи почтовой станціи Онинскъ находится большой бурятскій храмъ. Чтобы посѣтить его, я отправился на крестьянскихъ лошадяхъ въ Хоринскую степную думу, мѣсто собранія хоринскаго степного совѣта. Послѣ двухчасовой ѣзды по направленію къ югу, я прибылъ въ это бурятское поселеніе, состоявшее приблизительно изъ 30 домовъ.

Каждое бурятское поколѣніе имѣетъ такую думу. Такъ, напримѣръ, въ Забайкальѣ Агин-

скій и Селенгинскій округа также имѣютъ свой степной совѣтъ подъ предсѣдательствомъ тайши.

Въ древнія времена эти тайши были, вѣрно, владѣтельными князьями, съ середины же прошлаго столѣтія они назначаются правительствомъ только главами самоуправляющихся обществъ. На самомъ же дѣлѣ съ тѣхъ поръ какъ между Монголами распространился тибетскій буддизмъ, Бурятами управляютъ не они и не степной совѣтъ, а ламы—духовныя лица буддистовъ.

Съ ламаизмомъ Буряты познакомились нѣсколько раньше, чѣмъ съ христіанствомъ. Въ 1676 г. впервые пришли изъ Урги въ южное Забайкалье нѣсколько ламъ. Они построили тамъ храмы и начали проповѣдывать свое ученіе. Буряты отнеслись къ нему такъ сочувственно, что въ 1743 г., только черезъ 20 лѣтъ послѣ смерти перваго буддійскаго миссіонера, между поколѣніями хоринскихъ и селенгинскихъ Бурятъ насчитывалось уже болѣе 150 ламъ. Въ настоящее время всѣхъ монашествующихъ ламъ 234; они служатъ въ 34 храмахъ. Ихъ число было бы гораздо больше, если бы этому не препятствовало правительство. Оно, конечно, можетъ огра-

Бурятскій идолъ.

ничить только число духовныхъ лицъ при храмахъ, но не въ силахъ препятствовать тому, что ежегодно посвящается Буддѣ большое число мірянъ. Желаніе всякаго вѣрующаго ламаита достичь хотя бы низшаго духовнаго званія, т. е. «банди». Только тому, кто его достигъ, разрѣшается читать священныя книги. Такимъ образомъ лишь лама можетъ пріобрѣсти знанія, указывающія вѣрный путь къ вѣчному блаженству въ раю «Сухавади».

Вся жизнь и поступки Монголовъ находятся подъ вліяніемъ тибетско буддійскихъ ученій. Взгляды на жизнь буддійскихъ Бурятъ возможно узнать только по ихъ вѣрованіямъ. Поэтому я долженъ вкратцѣ объяснить развитіе ламаизма» *).

Нигдѣ буддизмъ не развился въ такую государственную и народную религію, какъ въ Тибетѣ подъ господствомъ Далай-Ламъ. Религію эту исповѣдають не только тибетскіе народы, но и всѣ жители Монголіи, Манч-

---

*) Подробнѣе всего ламаизмъ описанъ въ слѣдующихъ сочиненіяхъ: „*Тибетскій буддизмъ и ламаизмъ*". Л. А. Ваддель. Лондонъ 1895 г. „*Очерки быта буддійскихъ монастырей и буддійскаго духовенства въ Монголіи*". А. Позднѣевъ. С.-Петербургъ. 1887 г.

журіи, болѣе милліона Китайцевъ, слишкомъ 200.000 Киргизовъ и Калмыковъ и большая часть Бурятъ. Послѣдователи тибетскаго буддизма распространены отъ Тихаго Океана до Волги и отъ Гималая до Байкала.

Въ концѣ XIII столѣтія, слѣдовательно, въ то время, когда буддизмъ почти исчезъ въ своей родинѣ—Индіи, образовалась тибетская церковная власть. Въ Тибетѣ вѣра эта тогда, конечно, уже укрѣпилась. Прошло уже 600 лѣтъ съ тѣхъ поръ, какъ тибетскій царь Сронгъ-Тсанъ-Гампо призвалъ къ своему двору монаха Падму-Самбаву, который сумѣлъ примѣнить буддійскія ученія къ мѣстной нелѣпой вѣрѣ и такимъ образомъ покорить эту послѣднюю. Свѣтской же власти эта новая религія достигла только тогда, когда подъ вліяніемъ ученія ламы Тсонъ-Хапы развилась вѣра въ возрожденіе буддъ въ живыхъ святыхъ и послѣ того, какъ главный лама въ Лассѣ былъ признанъ воплощеніемъ самаго популярнаго изо всѣхъ буддъ великаго, всемилосерднаго, всемилостиваго бога Авалокиты. Но такъ какъ и другіе первосвященники считались воплощеніемъ могущественныхъ боговъ, то лама въ Лассѣ наврядъ ли достигъ бы главенства, еслибы

не получилъ отъ Китайскихъ императоровъ свѣтской власти. Буддійское папство прочно укрѣпилось лишь тогда, когда одинъ монгольскій князь, завоевавъ Тибетъ, подарилъ его первосвященнику въ Лассѣ, а Китайскій императоръ въ 1650 г. утвердилъ этотъ даръ. Тогда церковный владыка получилъ званіе «Далай-Ламы», т. е. недостижимо высокаго*).

Въ Монголіи ламаизмъ также захватилъ какъ духовную, такъ и свѣтскую власть. Папою монголовъ, положеніе котораго все же ниже тибетскаго, считается Тшребзсунъ-Дамба-Хитухту въ Ургѣ, въ которомъ признаютъ воплощеніе тибетскаго ученаго и святого Тарапаты. Нынѣшній Хитухту**) считается четырнадцатымъ возрожденіемъ этого святого. Кромѣ него, между Монголами живетъ еще по меньшей мѣрѣ 143 менѣе важныхъ возрожденныхъ святыхъ, такъ-называемыхъ хубильганъ***). Въ Россіи же буддисты не имѣютъ между своими ламами хубильгановъ, потому что правительство за-

---

*) Ваддель. Стр. 27 и 226.

**) Хитухту—чинъ, данный также Китайскимъ императоромъ. Онъ обозначаетъ „свѣтлѣйшее высочество“.

***) Списокъ всѣхъ хубильгановъ приводитъ Позднѣевъ на стр. 239.

прещаетъ изъ-за политическихъ причинъ, весьма понятныхъ, чтобы настоятель монастыря признавался святымъ.

Ламаизмъ, поднявшій духовный авторитетъ своихъ первосвященниковъ до самой высшей точки, такъ же послѣдовательно развилъ и свою церковную іерархію въ низшихъ духовныхъ званіяхъ. Власть низшихъ духовныхъ лицъ и ихъ значеніе въ свѣтскихъ дѣлахъ точно опредѣлены, равно какъ самымъ тщательнымъ образомъ установлены и изложены церковные уставы и догматы. Ни одно болѣе или менѣе важное дѣло въ жизни ламаита не обходится безъ участія духовныхъ лицъ. Тамъ въ настоящее время церковь имѣетъ надъ своими вѣрующими такую же силу и власть, какъ это было у насъ въ средніе вѣка.

Когда я въ первый разъ осматривалъ ламайскіе храмы, мнѣ показалось, будто благородныя ученія древняго буддизма уступили мѣсто отвратительному идолопоклонству и заглохли подъ массой формализма. Это было въ Пекинѣ, гдѣ ламы считаются самыми испорченными. Китайскій Боккачіо могъ бы найти въ ихъ средѣ богатый матеріалъ для второго Декамерона. Но и тамъ я по-

знакомился съ монахами, которые, повидимому, серіозно относились къ своей вѣрѣ. То, что я впослѣдствіи узналъ о ламайскомъ буддизмѣ, убѣдило меня въ томъ, что какъ жрецы, такъ и міряне исполняютъ не одни только наружные религіозные обряды и не только поклоняются идоламъ въ честь Будды Баутамы. Благородныя этическія ученія великаго индійскаго мудреца, несмотря на распространившіяся суевѣрія, не потеряли еще своей силы. Прежде чѣмъ Монголъ войдетъ въ храмъ, онъ дѣлаетъ поклонъ и произноситъ молитву, начинающуюся слѣдующими словами: «Эта моя молитва да имѣетъ силу, чтобы не только я очистился отъ своихъ собственныхъ грѣховъ и недостатковъ, препятствующихъ спасенію моей души, но чтобы и всѣ живыя существа вмѣстѣ со мною сдѣлались въ будущемъ буддами (просвѣщенными, жрецами)».

Какъ на Цейлонѣ, такъ и на берегахъ Байкала жрецами проповѣдываются «четыре истины и десять буддійскихъ заповѣдей».

Ученіе о четырехъ истинахъ заключается въ ученіяхъ:

1) О страданіи: всякое существованіе, ка-

кое бы оно ни было, приноситъ съ собою страданіе.

2) О причинахъ страданій: они лежатъ въ земныхъ желаніяхъ и страстяхъ, производящихъ рожденіе и этимъ новую цѣпь страданій.

3) Объ уничтоженіи страданій: только воздержаніе отъ всякаго земного желанія и похотей ведетъ къ полному вѣчному покою и блаженству въ Нирванѣ (ламайское Сухавади).

4) О восьми средствахъ достигнуть конца страданій: а) истинная вѣра, б) праведныя намѣренія, в) истинныя стремленія къ самоусовершенствованію, г) истинная помощь (дающая всѣмъ существамъ возможность достичь блаженства), д) праведный разговоръ, е) праведные поступки, ж) истинное самообладаніе и з) истинное углубленіе въ самого себя (приводящее къ самопознанію).

Буддійскія заповѣди, изъ которыхъ, впрочемъ, пять послѣднихъ относятся только къ низшимъ духовнымъ лицамъ, слѣдующія: 1) не убивай, 2) не воруй, 3) не лги, 4) не прелюбодѣйствуй, 5) не пей одуряющихъ напитковъ, 6) принимай пищу только въ опредѣленное время, 7) не употребляй ни бран-

ныхъ словъ, ни украшеній, ни благовоній, 8) не пользуйся толстыми коврами и высокими креслами, 9) воздерживайся отъ танцевъ, пѣнія, музыки и свѣтскихъ представленій и 10) не владѣй ни золотомъ, ни серебромъ, а также и не принимай таковыхъ.

Образованные ламы прекрасно сознаютъ, что для того, кто постигъ философскую и этическую сущность буддизма, поклоненіе сотнямъ боговъ и исполненіе догматовъ— вещи второстепенныя.

Ужъ этого небольшого очерка бурятской религіи достаточно, чтобы понять тѣ затрудненія, которыя встрѣчаютъ православные священники во время миссіонерства въ Забайкальѣ. Они имѣютъ дѣло съ религіей, пустившей въ народѣ глубокіе корни и имѣющей несомнѣнно возвышенныя нравственныя начала. Они имѣютъ дѣло съ церковью, іерархія которой основана очень крѣпко, а въ ламахъ встрѣчаютъ противниковъ, преданныхъ своему дѣлу и ведущихъ образцовую жизнь. Поэтому число Бурятъ-христіанъ до сихъ поръ крайне незначительно *).

*) Оно доходитъ до 14.000. Около 20.000 Бурятъ шаманиты, всѣ же остальные ламаиты. Общее число Бурятъ въ Забайкальѣ и въ Иркутской губерніи,

Бурятъ, который содержалъ земскую квартиру въ Хоринскѣ и у котораго я остановился, былъ христіанинъ, ярый сторонникъ реформъ у Монголовъ и производилъ впечатлѣніе чрезвычайно развитого, чтобы не сказать, продувного малаго. Онъ встрѣтилъ меня очень вѣжливо и, узнавъ изъ письма губернатора къ тайшѣ мою фамилію, тотчасъ же вспомнилъ одного моего родственника, который нѣсколько лѣтъ тому назадъ жилъ продолжительное время между Бурятами, изучая ихъ бытъ. Онъ говорилъ по-русски, какъ настоящій Русскій. Его невѣстка была красивая русская крестьянка, которая, повидимому, чувствовала себя очень хорошо въ монгольскомъ домѣ. Да и врядъ ли она сдѣлала бы между Русскими такую хорошую партію, какою былъ молодой Бурятъ. Отецъ его имѣлъ болѣе ста штукъ рогатаго скота, около 60 лошадей и велъ обширное хозяйство. Бревенчатый домъ его былъ построенъ по русскому образцу, а величиною превосходилъ всѣ крестьянскіе дома, видѣнные мною въ Сибири. Мнѣ отвели большую свѣтлую и

по оффиціальнымъ даннымъ, доходитъ до 360.000 человѣкъ, хотя знатоки тамошней жизни увѣряли меня, что ихъ гораздо больше.

Улица въ Благовѣщенскѣ.

и даже съ нѣкоторой роскошью устроенную комнату. Удобный диванъ, покрытый пестрымъ шерстянымъ одѣяломъ, служилъ мнѣ ложемъ. Передъ нимъ стоялъ большой отполированный столъ изъ орѣховаго дерева, покрытый бѣлой вышитой скатертью. Красивыя большія иконы и цвѣты въ горшкахъ придавали комнатѣ привѣтливый видъ. Что хозяйка дома была рачительна, о томъ свидѣтельствовалъ не только порядокъ и чистота во всемъ домѣ, но и отличная кухня. Такъ, напримѣръ, какъ только я прибылъ, мнѣ подали на ужинъ отличныя щи, а на второе жареную баранину съ солеными огурцами.

Меня въ высшей степени удивили практичные взгляды на жизнь моего хозяина. Напримѣръ, на мой вопросъ, не думаетъ ли онъ отдать своего младшаго сына въ гимназію въ Читѣ, онъ отвѣтилъ мнѣ:—Нѣтъ, я отдамъ сына въ ремесленную школу. Тамъ онъ научится чему-нибудь такому, что поможетъ ему заработать свой хлѣбъ. Высшее образованіе должны бы получать лишь немногіе.

Какъ только я предъявилъ письмо губернатора, были посланы верховые къ первосвященнику Онинскаго храма и къ тайшѣ,

чтобы извѣстить обоихъ о моемъ прибытіи. На слѣдующее утро верховые вернулись съ извѣстіемъ, что хотя тайши сейчасъ и нѣтъ дома, но онъ вернется черезъ нѣсколько дней и будетъ къ моимъ услугамъ, дацанъ же—тибетское названіе ламайскаго храма—я могу осмотрѣть, когда мнѣ будетъ угодно, и первосвященникъ ожидаетъ меня.

Такъ какъ знакомство съ тайшой не представляло для меня особаго интереса и, кромѣ того, я не желалъ терять напрасно времени, я рѣшилъ тотчасъ же отправиться въ дацанъ.

Лошади во весь опоръ мчали насъ по пустынной голой степи. По временамъ намъ попадался навстрѣчу какой-нибудь монгольскій ѣздокъ, мчавшійся еще скорѣе насъ. Иногда въ дали виднѣлись отдѣльныя юрты, изъ которыхъ подымались въ тихій воздухъ свѣтлые столбы дыма, постепенно исчезавшіе въ блѣдной синевѣ неба.

Послѣ часовой ѣзды мы достигли возвышенности, съ вершины которой открывался видъ на дацанъ съ окружающими его низкими бревенчатыми домиками. Недалеко отъ дацана, по лѣвую сторону его, рѣзко выдѣ-

лялись на темномъ фонѣ степи бѣлые каменные надгробные памятники *).

Кучеръ подъѣхалъ къ дому первосвященника. Повидимому, меня не ожидали тамъ такъ рано. Изъ дома выбѣжали бурятскіе мальчики и, услышавъ, что я желаю видѣть «ширетуя», такъ по монгольски называется настоятель монастыря, поспѣшно вернулись обратно. Вскорѣ послѣ этого ко мнѣ вышелъ воспитанникъ постарше и пригласилъ меня жестами и поклонами войти.

Въ маленькой передней меня встрѣтилъ ширетуй—человѣкъ полный, средняго роста. Отвѣшивая другъ другу глубокіе поклоны, мы приблизились ко двери второй комнаты, куда онъ пригласилъ меня войти, затѣмъ попросилъ меня сѣсть на скамейку возлѣ стѣны, обложенную четыреугольными плоскими подушками. До этого момента мы не проронили ни слова. Только при входѣ мы съ достоинствомъ произнесли «здравствуйте». Затѣмъ мы молча сѣли другъ противъ друга, ширетуй на стулъ, а я на скамейку.

*) Трупы ламъ сжигаютъ, міряпъ же или хоронятъ, или выставляютъ ихъ гробы на деревья въ лѣсной чащѣ. Памятники Буряты ставятъ только своимъ церковнослужителямъ.

Монгольскій этикетъ былъ знакомъ мнѣ еще изъ Пекина. Въ Забайкальѣ онъ тотъ же, измѣненъ только способъ привѣтствовать Европейцевъ. Тамъ ужь не трясутъ другъ другу рукъ съ восклицаніемъ «хау, хау» *), а подаютъ руки по-европейски. Въ остальномъ же обмѣниваются возможными восточными учтивыми фразами.

Вскорѣ я прервалъ молчаніе и спросилъ, хорошо ли поживаетъ г. ширетуй. Одинъ изъ молодыхъ Монголовъ перевелъ ему мои слова, послѣ чего послѣдовалъ глубокій поклонъ моего хозяина и нѣсколько монгольскихъ фразъ, содержаніе которыхъ осталось мнѣ непонятнымъ, такъ какъ познаніе переводчика оказались недостаточными, чтобы перевести ихъ. Изъ жестовъ, которые мнѣ дѣлали, я все же понялъ, что сейчасъ явится другой переводчикъ. Тѣмъ временемъ мнѣ подали чай, папиросы, и я имѣлъ довольно времени разсмотрѣть ширетуя и его жилище. Послѣднее было очень скромно. Небольшой столъ, нѣсколько стульевъ китайскаго образца, напоминающихъ деревянные стулья съ прямыми спинками въ нашихъ крестьянскихъ

*) „Хорошо, хорошо“, что обозначаетъ вопросъ: „Вѣдь вы хорошо поживаете“?

избахъ, и вышеупомянутая скамья составляли всю обстановку комнаты съ простымъ некрашенымъ поломъ. Только у правой стѣны отъ входа находились нѣкоторые цѣнные предмѣты. На большомъ столѣ прежде всего бросался въ глаза обширныхъ размѣровъ, пестро расписанный шкафъ съ фигурами буддъ и идоловъ. Тамъ же лежали и стояли не только молитвенныя мельницы и жертвенные сосуды, но и различныя мелочи для ежедневнаго обихода, какъ то: стаканы, табакерка, будильникъ, пузырьки съ лекарствами и проч. Тутъ же, возлѣ стола, находилось ложе ширетуя — широкій турецкій диванъ, какой у насъ встрѣчается въ модной обстановкѣ. Стѣну надъ диваномъ украшалъ великолѣпный китайскій коверъ.

Хозяинъ мой носилъ обыкновенное платье ламы своего разряда. Онъ, казалось, былъ очень зябкій, такъ какъ въ натопленной комнатѣ былъ одѣтъ въ желтую шелковую, мантію, подбитую толстымъ бѣлымъ бараньимъ мѣхомъ. Вмѣсто нижняго платья лама носитъ бѣлую холщевую рубаху и юбку изъ синяго сукна, доходящую до колѣнъ, на ногахъ высокія валенки или кожаные сапоги, имѣющіе форму неуклюжихъ ботинокъ съ узкими

длинными носками. Носить шаровары запрещается уставомъ. Такъ какъ въ такомъ платьѣ трудно сдѣлать карманы, то, какъ и у Монголовъ-мірянъ, для храненія разныхъ мелочей прикрѣпляютъ нѣсколько мѣшочковъ къ поясу, опоясанному вокругъ таліи. Въ нихъ находятся ножъ въ ножнахъ, палочки для ѣды, китайская трубка и пузырекъ со святой водой для полосканія рта послѣ ѣды. Пузырекъ этотъ помѣщается въ большомъ квадратномъ мѣшочкѣ изъ краснаго сукна. Наконецъ, каждый жрецъ обязательно имѣетъ чётки, которыхъ почти никогда не выпускаетъ изъ рукъ. Четки эти похожи на католическія и состоятъ изъ ста восьми шариковъ, изъ которыхъ всякій девятый отличается отъ прочихъ величиною и цвѣтомъ и отдѣляетъ главу молитвъ. Очень характерна высокая желтая шапка, которая одѣвается во время богослуженія или въ торжественныхъ случаяхъ.

Мои мирныя наблюденія были прерваны приходомъ четырехъ монаховъ, съ которыми мнѣ пришлось такъ же церемонно поздороваться. Наконецъ явился и переводчикъ, который по распоряженію правительства долженъ находиться при каждомъ дацанѣ. По-

видимому, онъ не являлся такъ долго потому, что счелъ своимъ долгомъ нарядиться предварительно въ свое форменное платье—широкій, красный шелковый плащъ. Онъ степенно вошелъ въ комнату и остановился передъ ширетуемъ въ молитвенной позѣ. Послѣ того, какъ послѣдній благословилъ его, прикоснувшись къ его головѣ, онъ и мнѣ отвѣсилъ глубокій поклонъ. Затѣмъ только начался разговоръ.

Послѣ цѣлаго ряда вступительныхъ вѣжливыхъ вопросовъ и отвѣтовъ, я долженъ былъ объяснить, откуда я пріѣхалъ и зачѣмъ путешествую по Сибири. Затѣмъ меня подробно распрашивали про Германію. Вотъ нѣсколько вопросовъ и отвѣтовъ:

— Нѣмцы православные?

— Нѣтъ.

— А кто-жъ они такіе.

— Христіане другой религіи.

— Есть ли между ними буддисты?

— Нѣтъ.

— Интересуются ли тамъ буддизмомъ?

— Да, иные ученые.

— Можетъ ли въ Германіи каждый исповѣдывать ту религію, какая ему нравится?

— Да, если эта религія не заключаетъ въ себѣ безнравственныхъ ученій.

— Въ Германіи никто не желаетъ сдѣлаться буддистомъ?

— Нѣтъ.

— Почему же? Вѣдь это хорошая религія.

— Конечно. Но мы находимъ, что наша лучше.

Этотъ аргументъ, казалось, подѣйствовалъ. Монахи кивнули головами и я, въ свою очередь, началъ задавать вопросы. Если какой-нибудь изъ нихъ казался имъ подозрительнымъ, то переводчикъ отвѣчалъ съ вѣжливой улыбкой: «Этого нельзя сказать», или: «Этого мы не понимаемъ». Въ общемъ же я получилъ подробныя объясненія.

Во время разговора я замѣтилъ въ темномъ углу комнаты барометръ - анероидъ. На мой вопротъ, откуда у нихъ эта вещь, мнѣ отвѣтили: «Эту вещь кто-то когда-то привезъ изъ Нижнеудинска. Мы сами не знаемъ, что это такое. Не можете ли вы объяснить намъ ее»? Объяснять имъ устройство барометра я считалъ излишнимъ и сказалъ только, что эта вещь показываетъ, будетъ ли хорошая или дурная погода, а также объяснилъ скалу. Такъ какъ послѣ этого насту-

пило нѣкоторое молчаніе, то я подумалъ, что вопросъ о барометрѣ исчерпанъ. Вдругъ между монахами опять поднялся оживленный разговоръ, и, наконецъ, мнѣ былъ предложенъ вопросъ, правду ли показываетъ эта вещь. Что могъ я отвѣтить, какъ только: «Когда погода хорошая, то барометръ показываетъ, что она хорошая». Этимъ мои собесѣдники удовлетворились.

Послѣ я просилъ позволенія снять г. ширетуя и осмотрѣть храмъ. То и другое мнѣ разрѣшили охотно. Настоятель приказалъ подать себѣ великолѣпную красную шелковую шаль, живописно набросилъ ее на плечи и, поджавъ ноги, сѣлъ съ важнымъ видомъ на диванъ. Онъ сидѣлъ неподвижно, точно каменная фигура.

Отъ сопровожденія меня въ дацанъ онъ просилъ освободить его, такъ какъ былъ простуженъ. Я охотно согласился на это, чтобы не брать на свою совѣсть его болѣзни и не быть причиной ревматизма или припадка подагры, и отправился въ храмъ въ сопровожденіи прочихъ ламъ *).

---

*) Я не описываю этого храма, такъ какъ буду говорить о храмахъ дальше.

По возвращеніи въ жилище ширетуя мнѣ подали обѣдъ, приготовленный на русскій ладъ и состоявшій изъ вкусныхъ щей и клецокъ изъ варенаго мяса. Хозяинъ мой не принималъ участія въ ѣдѣ. Пока я ѣлъ, онъ налилъ мнѣ краснаго крымскаго вина и чокнулся со мною за мое здоровье, но ничего не пилъ, а только изъ вѣжливости поднесъ рюмку къ губамъ. Его религія запрещаетъ ему употребленіе спиртныхъ напитковъ. Тогда я еще думалъ, что это воздержаніе притворное, но вскорѣ я убѣдился, что и міряне-Буряты большею частью пренебрегаютъ опьяняющими напитками. Отъ Русскихъ я узналъ, что водку пьютъ только Буряты-христіане.

Послѣ обѣда переводчикъ далъ мнѣ какую то бумагу, написанную на русскомъ языкѣ, прося меня объяснить имъ ея содержаніе. Это была копія газетной статьи о церковномъ спорѣ въ Австріи. Я сказалъ этимъ любознательнымъ людямъ, что дѣло касается разногласія двухъ христіанскихъ религій. «А про буддизмъ написано здѣсь что-нибудь?» продолжали они спрашивать. Когда же я отвѣтилъ имъ отрицательно, они съ види-

мымъ разочарованіемъ положили бумагу въ сторону.

Передъ вечеромъ я сталъ прощаться, но хозяинъ мой важно пригласилъ меня еще посидѣть, затѣмъ онъ подошелъ къ ящику, вынулъ изъ него свѣтло-голубую шелковую шаль длиною въ 1,20 метра и шириною въ 0,35 метра и преподнесъ ее мнѣ на вытянутыхъ впередъ рукахъ, благодаря меня за честь, оказанную ему моимъ посѣщеніемъ. Такая шаль—обыкновенный, хотя и неособенно цѣнный, но все же хорошій подарокъ, который получаетъ каждый интеллигентный посѣтитель во всякомъ монгольскомъ храмѣ. Въ этихъ шаляхъ вытканы фигуры буддъ. Чѣмъ длиннѣе и свѣтлѣе шаль, тѣмъ больше чести оказано гостю. Въ храмахъ статуи буддъ драпируются подобными же шалями, только бѣлаго цвѣта и длиною въ нѣсколько метровъ.

Поблагодаривъ монаховъ и обмѣнявшись со всѣми ими многократными рукопожатіями, я сѣлъ въ свою повозку и уѣхалъ обратно въ Хоринскъ.

На другое утро я направился черезъ степь къ югу. До слѣдующей большой станціи— Петровскаго Завода—было около 150 верстъ.

Для бурятскихъ лошадей это немного, и въ случаѣ надобности это разстояніе можно проѣхать въ 8 часовъ, но я предпочелъ сдѣлать это не такъ скоро, чтобы имѣть возможность познакомиться съ домашней жизнью Бурятъ. Такъ какъ на всѣхъ станціяхъ имѣлись подставныя лошади, то Буряты не разъ удивлялись, что я такъ мало пользуюсь этимъ скорымъ способомъ передвиженія.

Полдня мы еще ѣхали по волнообразной, необозримой степи. Снѣга и здѣсь не было видно. Темный фонъ мѣстности только мѣстами прерывался замерзшей рѣчкой, которая въ видѣ серебристой ленты тянулась по степи. Черезъ такую рѣчку мы проѣхали въ нѣсколькихъ верстахъ отъ Хоринска. Тамъ я имѣлъ возможность увидѣть плохой мѣстный способъ рыбной ловли зимою.

Въ проруби на дно неглубокой рѣки были опущены верши, отверстія которыхъ были направлены противъ теченія. Плетень изъ ивовыхъ прутьевъ загораживалъ проходъ между льдомъ и вершами, и рыба ловилась, хотя вода была прозрачна, какъ хрусталь. Только изобиліемъ рыбы въ сибирскихъ водахъ можно объяснить обильные уловы такимъ первобытнымъ способомъ. Мой кучеръ

увѣрялъ меня что одинъ человѣкъ съ двумя вершами въ продолженіе зимы легко можетъ наловить отъ 30 до 40 пудовъ рыбы.

Первая станція, на которой я перемѣнилъ лошадей, ямщика и повозку, находилась только въ верстахъ 12 отъ Хоринска. Далѣе разстояніе между станціями было отъ 30 до 40 верстъ. Бурятскія же палатки и дома встрѣчались чаще. Дома называютъ «улусами», а войлочныя палатки «юртами». Первое названіе не совсѣмъ удачно, такъ какъ монгольское слово «улусъ» обозначаетъ всякое жилье, безразлично, представляетъ ли оно палатку или домъ и служитъ ли для болѣе долгаго или короткато пребыванія.

Круглыя юрты, вышиною около 10 футовъ, съ коническими крышами, устраиваются изъ толстаго войлока, довольно просторны и устройство ихъ, конечно, чрезвычайно просто. Полъ покрытъ коврами и мѣхами, ящики возлѣ стѣнъ заключаетъ все добро, часто довольно цѣнное, украшеніемъ же можно назвать только отдѣланныя серебромъ сѣдла и домашній алтарь. Бурятская юрта очень похожа на киргизскую.

Особый интересъ представлялъ для меня деревянный домъ, такъ какъ его постройка и

внутреннее устройство явно свидѣтельствовали о томъ, что его обитатели находятся въ переходномъ состояніи отъ кочевой къ осѣдлой жизни.

Способъ строить Буряты переняли отъ русскихъ поселенцевъ. По наружному виду бурятскій домъ отличается отъ русскаго менѣе толстыми бревнами, меньшимъ числомъ или совершеннымъ отсутствіемъ оконъ, а часто и трубы. Дымъ выходитъ черезъ открытую дверь или черезъ отверстіе въ крышѣ. Весьма простое внутреннее устройство бурятскихъ домовъ таково же, какъ и въ юртѣ. Только полъ въ нихъ четыреугольный и печь построена изъ кирпича. Улусъ своимъ первобытнымъ устройствомъ все еще производитъ впечатлѣніе барака, предназначеннаго лишь для короткаго пребыванія.

Первая такая постройка служила предзнаменованіемъ разрыва Бурята со всѣми традиціями. Бурятскіе жрецы еще 50 лѣтъ тому назадъ старались препятствовать возведенію домовъ. Только Бурятъ, желавшій заниматься земледѣліемъ, строилъ себѣ прочное жилье. Этимъ онъ совсѣмъ отказывался отъ свободной кочевой жизни и подчинялся контролю русской власти. Съ распространеніемъ

осѣдлости Бурятъ, ихъ обрусеніе и переходъ въ христіанство идутъ рука объ руку. Чего правительство не можетъ добиться своей властью, къ тому приводитъ Бурятъ прогрессивный переходъ ихъ отъ кочевой къ осѣдлой жизни. Буряты слишкомъ развиты, чтобы не понять, что, занимаясь земледѣліемъ, они значительно улучшатъ свое существованіе. Къ тому же обработка земли закрѣпляетъ за ними права на обладаніе ею, которыя безпощадно оспаривали у нихъ русскіе поселенцы.

До сихъ поръ число осѣдлыхъ Бурятъ незначительно. Хотя многіе изъ нихъ имѣютъ деревянные дома, но постоянно живутъ въ нихъ лишь немногіе. Только во время обработки полей и жатвы бурятскія семьи живутъ въ своихъ домахъ. Какъ только закончены полевыя работы и многочисленный скотъ стравитъ пастбища, укладывается юрта и Буряты отправляются въ степь.

Бурятскія деревни встрѣчаются весьма рѣдко. Только въ нихъ и сдѣлало успѣхи обрусеніе Бурятъ. Тамъ Буряты женились на русскихъ женщинахъ или же Русскіе на Бурятказъ. Во время своего путешествія я проѣзжалъ черезъ такую деревню, въ кото-

рой процессъ сліянія совершился вполнѣ. Почти все населеніе ея произошло отъ смѣшанныхъ браковъ. Потомки Монголовъ и Русскихъ переняли русскіе обычаи, но лица ихъ носили явные признаки монгольской расы. Мнѣ кажется, культура не пострадала отъ этой смѣси. Напротивъ, хозяйства и пашни русско-монгольскихъ потомковъ лучше и рѣзко отличаются отъ чисто-русскихъ сосѣднихъ деревень *).

Во всѣхъ улусахъ меня принимали очень привѣтливо. Глава семьи обыкновенно встрѣчалъ меня съ глубокимъ поклономъ и вѣжливо спрашивалъ, желаю ли я пить чай или сейчасъ же ѣхать дальше. Я всегда исполнялъ первое ужъ для того, чтобы размять свое измученное и разбитое ѣздой въ неудобной повозкѣ тѣло.

Въ первый день моего путешествія я около полудня отдохнулъ часокъ въ деревянномъ домикѣ самой первобытной постройки. Его

---

*) До тѣхъ поръ, пока Буряты не становятся осѣдлыми, они и не перенимаютъ ничего изъ одежды Русскихъ. Напротивъ, въ Забайкальѣ часто встрѣчаются русскіе крестьяне, которые носятъ длинную практичную бурятскую шубу „тюгюль“ и шапку изъ бараньяго мѣха въ видѣ полушарія съ обращенной во внутрь шерстью и съ полями, обыкновенно загнутыми кверху.

обитатели сидѣли вокругъ очага за обѣдомъ, состоявшимъ изъ вареной баранины, которую они запивали изъ деревянныхъ чашекъ національнымъ своимъ супомъ «сатурапомъ». Супъ этотъ довольно вкусенъ, хотя этому трудно повѣрить, видя его приготовленіе. Въ кипятокъ кладутъ кирпичнаго чая и, какъ только вода окрасится, прибавляютъ немного бараньяго жира, соли, муки и молока. Хотя они его приготовляютъ и не особенно чисто, я все же выпивалъ по нѣсколько чашекъ этого согрѣвающаго, съ пріятнымъ ароматомъ, напитка. Выпилъ ли бы я его теперь, если-бы вдругъ очутился въ бурятскомъ домѣ, мнѣ кажется сомнительнымъ. Послѣ же нѣсколькихъ мѣсяцевъ путешествія по Китаю и Сибири чувство брезгливости нѣсколько притупляется, и не особенно претендуешь на отсутствіе чистоты въ окружающей обстановкѣ.

Черезъ нѣсколько часовъ ѣзды характеръ мѣстности измѣнился. Вмѣсто голыхъ степей, потянулись обширныя равнины, покрытыя верескомъ. Мы приблизились къ одной группѣ возвышенностей, у подошвъ которыхъ росли деревья. Видъ этотъ доставилъ нашимъ глазамъ нѣкоторый отдыхъ. Однообразная степь

хороша только при восходѣ и закатѣ солнца. Тогда появляется въ ней такая игра цвѣтовъ, которая остается незабвенной. Я любовался такимъ видомъ недалеко отъ монгольской границы. Небо было такъ ясно, какъ оно только можетъ быть въ сухомъ воздухѣ Центральной Азіи. Степь была облита красноватымъ свѣтомъ, а снѣгъ на склонахъ ближайшихъ горъ сверкалъ чудной синевой. Ко всему этому присоединялась темная зелень хвойнаго лѣса, изъ-за котораго выглядывали снѣжныя вершины отдаленныхъ горъ.

Передъ вечеромъ же ландшафтъ покрылся мрачными красками. У подножія горъ тянулись еловые лѣса, между которыми шли невспаханныя поля, поросшія кое-гдѣ ольхой и кустарникомъ. Снѣга и тамъ было мало, но по небу мчались тяжелыя снѣговыя тучи. Въ продолженіе послѣднихъ часовъ морозъ значительно уменьшился, вѣтеръ же сталъ крѣпчать. Все больше и больше увеличивались его шумъ и вой, съ которыми онъ проносился надъ равнинами и сквозь шумящія верхушки деревьевъ. Приближалась ужасная сибирская вьюга. Бурятъ подгонялъ лошадей, которыя мчались со страшной быстротой,

такъ что съ наступленіемъ ночи мы благополучно достигли одного изъ улусовъ.

Улусъ этотъ уже значительно подвинулся впередъ въ культурѣ. Онъ состоялъ изъ трехъ строеній. Въ большое продолговатое главное зданіе вели сѣни, служившія для храненія припасовъ, домашней утвари и сбруи; въ горницѣ были окна и полъ. Внутренняя обстановка ея была крайне проста. Нѣсколько скамеекъ и стульевъ, нѣсколько сундуковъ и низкій деревянный диванъ, накрытый войлокомъ, вотъ весь комфортъ нетребовательныхъ Бурятъ. Единственное украшеніе этой комнаты составлялъ деревянный домашній алтарь, который, какъ и вездѣ, имѣлъ видъ небольшой лѣстницы въ три ступени и былъ расписанъ разноцвѣтными арабесками. На верхней ступенькѣ стояли двѣ позолоченыя глиняныя фигурки тибетскихъ буддъ, между которыми я, къ удивленію, замѣтилъ кабинетную карточку нынѣшняго ургензскаго *) хутухта. Мнѣ уже раньше приходилось видѣть его карточки, но я не предполагалъ, чтобы онѣ могли находиться на домашнемъ алтарѣ. Фактъ, что живое

---

*) Въ г. Ургѣ въ Монголіи.

монгольское божество снялось, само-по-себѣ представляетъ ужь нѣчто неслыханное. Вѣрующіе же не видѣли никакой обиды своихъ традицій какъ въ этомъ поступкѣ, такъ и въ прочихъ выходкахъ своего нынѣшняго старшаго хубильгана, который, какъ видно по всему, человѣкъ весьма передовой. Въ свободное время онъ ведетъ довольно свѣтскую жизнь: катается верхомъ, охотится, а въ кругу своихъ близкихъ носитъ даже европейское платье. Китайскому императору онъ до сихъ поръ еще не сдѣлалъ благоговѣйнаго визита, который ужь давно бы слѣдовало сдѣлать. Въ послѣднемъ его нельзя особенно упрекать, такъ какъ его предшественниковъ хотя и осыпали въ Пекинѣ почестями, но на обратномъ пути многихъ изъ нихъ убивали и помимо ихъ желанія отсылали въ Сухавади.

На второй ступенькѣ домашняго алтаря находились священные приборы, а именно: молитвенная мельница, два мѣдныхъ жертвенныхъ кувшинчика, звонокъ, громовая стрѣла и духовой инструментъ, сдѣланный изъ рога. На нижней же ступенькѣ стояли семь мѣдныхъ жертвенныхъ чашекъ.

Закусивъ вареной бараниной и напившись

чаю, я легъ на постель, которую любезно уступилъ мнѣ хозяинъ дома. Бесѣда наша подвигалась туго, такъ какъ мои хозяева плохо говорили по-русски; поэтому я прекратилъ съ ними разговоръ и, закуривъ папиросу, наблюдалъ со своего ложа за странной картиной, которую представляла группа Монголовъ, сидѣвшихъ вокругъ очага.

По нашимъ понятіямъ о красотѣ никого изъ присутствовавшихъ Бурятъ нельзя было назвать красивымъ, но эти темно-желтыя лица, освѣщенныя мерцающимъ огнемъ, положительно производили впечатлѣніе людей добродушныхъ, чтобы не сказать даже симпатичныхъ. Мы привыкли представлять себѣ Монголовъ въ видѣ дикихъ, жестокихъ людей, какими они нѣкогда явились къ нѣмецкой восточной границѣ ратниками Чингисъ-хана и какими они изображены, напримѣръ, на картинѣ, представляющей сраженіе подъ Лигницомъ. Художникъ наврядъ ли нашелъ бы для такой картины подходящіе типы между нынѣшними Монголами. Вотъ уже 200 лѣтъ, какъ Монголы прекратили свои безпрерывныя войны. Прежнія воинственное настроеніе и жестокость исчезли съ распространеніемъ буддизма. Не безъ умысла мно-

гіе китайскіе властелины покровительствовали ламамъ въ ихъ пропагандѣ въ Монголіи. Они не ошиблись въ разсчетахъ, что съ распространеніемъ буддизма окончательно исчезнутъ воинственныя полчища, то и дѣло угрожавшія ихъ государству. Тяжкихъ преступленій почти совсѣмъ не бываетъ между ламаитами-Монголами.

Въ компатѣ вмѣстѣ со мною ночевали только мужчины. Старая бабушка, подавшая всѣмъ ужинъ, куда то скрылась. Она была почти такъ же некрасива, какъ и ея супругъ. Морщинистое лицо стараго Монгола съ плоскимъ широкимъ носомъ, съ сильно выдающимися скулами и полными губами обрадовало бы всякаго «реалиста». Косые маленькіе глаза также не служили украшеніемъ. На гладкомъ, желтомъ черепѣ, вмѣсто косы, составляющей гордость каждаго Монгола и Китайца, торчалъ только маленькій хвостикъ, за которымъ его хозяинъ ухаживалъ, казалось, очень заботливо.

Однако же потомки Адама и Евы довольно таки разнообразны и развились различно! Мысль эта невольно пришла мнѣ тогда въ голову. Въ Хоринскѣ я прочелъ собраніе бурятскихъ преданій и къ удивленію узналъ,

что монгольская исторія о сотвореніи міра очень похожа на библейскую. Нѣкогда, какъ говорится въ монгольскомъ преданіи, не было земли, была только вода. Тогда былъ только одинъ добрый богъ - Сомболь, сотворенный изъ самого себя. Пожелавъ сотворить міръ, онъ отправился на воду и повелѣлъ вынырнувшему изъ воды злому духу—Шольмо принести со дна черной земли, красной глины и песку. Изъ этихъ комковъ онъ сотворилъ землю, а затѣмъ мужчину, причемъ мясо его изъ красной глины, кости изъ камня и кровь изъ воды. Человѣкъ этотъ не былъ еще одушевленъ. Творецъ положилъ его на землю и приставилъ къ нему сторожить собаку. Вдругъ появился Шольмо, обманулъ собаку и подулъ на человѣка, такъ что волосы, которыми было покрыто его тѣло, исчезли за исключеніемъ лишь волосъ на головѣ. Когда Сомболь вернулся и увидалъ случившееся, онъ сказалъ собакѣ: «Въ наказаніе за твое невниманіе ты всегда будешь глодать кости и питаться тѣмъ, что̀ броситъ тебѣ человѣкъ». Затѣмъ онъ вдохнулъ въ человѣка жизнь, но этотъ послѣдній вслѣдствіе того, что на него подулъ Шольмо, можетъ жить не свыше 200 лѣтъ и, кромѣ того, подвер-

женъ болѣзнямъ. Изъ лѣваго ребра мужчины богъ сотворилъ женщину.

Разсказъ о потопѣ также встрѣчается между бурятскими преданіями.

Утромъ на другой день я познакомился съ остальной семьей моего хозяина. Къ утреннему завтраку явились невѣстка и дочь старухи. Если у насъ женщинъ называютъ прекраснымъ поломъ, то это названіе имѣетъ еще бо́льшее основаніе у Бурятъ. Между молодыми женщинами встрѣчается много такихъ, красоту которыхъ долженъ признать и Европеецъ. Къ тому же онѣ умѣютъ одѣваться къ лицу. Въ будни онѣ носятъ простое платье—короткую кофту изъ толстаго сукна, открытую спереди, и юбку изъ того же матеріала, которую онѣ одѣваютъ поверхъ длинной нижней одежды. Обычнымъ украшеніемъ у женщинъ служитъ длинная, большею частью серебряная, стрѣла для волосъ, а у дѣвушекъ большой серебряный медальонъ; иногда надѣваются еще серьги и ожерелье. Головной уборъ состоитъ изъ низкой шарообразной войлочной шляпы. Внѣ дома въ холодную погоду женщины и дѣвушки носятъ такую же длинную мѣховую одежду, какъ и мужчины. Въ праздничные дни изъ

сундуковъ достаютъ красивыя вышитыя или обшитыя пестрой матеріей платья и цѣнныя серебряныя украшенія. Бѣлоснѣжное, длинное праздничное платье молодой дѣвушки было бы къ лицу и каждой европейской женщинѣ.

Женщины у Бурятъ занимаютъ лучшее положеніе, нежели у большинства азіятскихъ народовъ. Многоженства нѣтъ. Хотя бурятская женщина и считается существомъ подвластнымъ, но власть мужчины не многимъ превышаетъ опекунство мужа и отцовскую власть. Женщина не обязана находиться почти исключительно въ женскомъ отдѣленіи, какъ у Китайцевъ или Арабовъ, а вращается свободно въ домѣ и внѣ его и помогаетъ своему мужу во всѣхъ занятіяхъ обыденной жизни. Словомъ, положеніе ея наврядъ ли хуже положенія русской крестьянки въ Забайкальѣ.

Красавицы улуса, въ которомъ я ночевалъ, запрягли мнѣ послѣ завтрака тройку. Безъ длинныхъ остановокъ я поѣхалъ къ Петровскому Заводу.

XI.

Русско-Монгольская граница.

Петровскій Заводъ — небольшой промышленный городокъ, образовавшійся, благодаря устроеннымъ тамъ казеннымъ желѣзнымъ заводамъ. Болѣе же извѣстнымъ, нежели желѣзными заводами, онъ сдѣлался благодаря декабристамъ, многіе изъ которыхъ кончили тамъ въ ссылкѣ свою жизнь. Нѣсколько надгробныхъ камней, нѣсколько крестовъ на возвышенностяхъ около Петровска еще два года тому назадъ напоминали этотъ грустный эпизодъ русской исторіи. Кромѣ того, красивые экипажи, называемые «бестужевками» и встрѣчаемые въ Петровскѣ и въ прочихъ городахъ южнаго Забайкалья, напоминаютъ намъ декабристовъ. Одинъ изъ ссыльныхъ—Бестужевъ, жившій когда то въ Лондонѣ, устроилъ

легкіе экипажи въ видѣ англійскихъ кэбовъ, которые быстро распространились, такъ какъ они лучше обыкновенныхъ сибирскихъ повозокъ.

Видъ Петровска хорошъ. Онъ лежитъ въ обширной котловинѣ, обрамленной лѣсистыми горами. Желѣзный заводъ съ своими высокими трубами составляетъ единственный предметъ, достойный вниманія.

Я ожидалъ немногаго, и поэтому то, что̀ увидѣлъ, меня крайне удивило. Въ сравненіи съ забайкальскими рудниками Петровскій Заводъ былъ великолѣпенъ, хотя при ближайшемъ ознакомленіи съ нимъ оказался весьма первобытнымъ. Онъ процвѣталъ въ первыя десятилѣтія этого вѣка. Въ то время тамъ поставили паровую машину, которая работала еще и во время моего пребыванія. Лучше всего дѣйствовали доменныя печи, въ которыхъ ежегодно обработывалось около 100 бочекъ желѣзной руды. Послѣдняя доставлялась въ повозкахъ изъ рудниковъ, находящихся на разстояній трехъ миль.

Изъ желѣза выдѣлываютъ сельско-хозяйственныя орудія, которыя имѣютъ однако жъ очень малый сбытъ. Онѣ чрезвычайно неуклюжи, поэтому крестьяне предпочитаютъ

англійскія или американскія издѣлія, которыя значительно дешевле мѣстныхъ. Даже на разстояніи 3.000 верстъ отъ моря иностранныя издѣлія побѣждаютъ сибирскія! Расходы по производству въ Петровскѣ, кажется, очень значительны. Преступники не занимаются на заводѣ, свободные же работники получаютъ по уговору отъ 1 р. 50 к. до 2 рублей въ день. Производство желѣзныхъ заводовъ поддерживается для того потому, чтобы не лишить жителей работы, къ которой они привыкли. Даже отъ постройки желѣзной дороги мой провожатый не ожидалъ пользы для завода. «Желѣзная дорога будетъ имѣть свои собственныя мастерскія и такъ же, какъ до сихъ поръ, не будетъ обращать на насъ вниманія. Мы вѣдь до сихъ поръ не получили еще ни одного заказа на доставку рельсъ или какихъ-нибудь другихъ желѣзныхъ частей!» И онъ былъ правъ. То время было самымъ подходящимъ для полученія заказовъ, такъ какъ работы по постройкѣ желѣзной дороги въ Забайкальѣ тогда уже сильно подвинулись впередъ. Желѣзно-дорожный телеграфъ отъ Байкальскаго озера черезъ Петровскъ до Читы былъ почти оконченъ и уже

приступили къ устройству желѣзно-дорожнаго полотна.

Петровскъ лежитъ въ концѣ бокового почтоваго тракта, соединяющаго его съ городомъ Верхнеудинскомъ. Направляясь къ югу, я проѣхалъ по этому тракту 75 верстъ, затѣмъ оставилъ его и, проѣзжая отъ деревни до деревни проселочной дорогой, достигъ Троицкосавска.

Вообще говоря, поселенія въ Западномъ Забайкальѣ мнѣ нравились, но на разстояніи послѣднихъ 180 верстъ я положительно былъ пораженъ ими. Эта часть Забайкалья въ настоящее время, вѣрно, самая населенная и культурная часть всей Сибири.

Уже вблизи Петровска мнѣ приходилось проѣзжать черезъ деревни, состоявшія изъ 200—300 домовъ, но по мѣрѣ того, какъ я приближался къ югу, величина и число деревень все увеличивались.

На разстояніи $^1/_2$ часа ѣзды отъ послѣдней почтовой станціи Мухоръ-Шибиръ я проѣхалъ мимо двухъ поселеній—Новаго и Стараго Сагана, изъ которыхъ каждое имѣло отъ 700 до 800 жителей. Многія же села въ долинѣ Хилка, находившіяся въ большихъ

разстояніяхъ одно отъ другого, превышаютъ вдвое и втрое вышеупомянутыя.

Весь день я ѣхалъ по густо населенной странѣ. Ни необработанной земли, ни лѣса я не видѣлъ въ этой плодородной долинѣ. Вдоль дороги тянулись безконечныя пашни, принадлежавшія частью Русскимъ, частью Бурятамъ. Только вдали виднѣлись дикія лѣсистыя возвышенности.

Жители встрѣчали меня вездѣ радушно. Въ каждомъ крестьянскомъ домѣ, гдѣ я останавливался, чтобы перемѣнить лошадей, мнѣ предлагали горячія мясныя блюда. Эти добрые люди казались обиженными, если я отказывался отъ ѣды или мало съѣдалъ. А все же мнѣ приходилось часто отказываться отъ угощенія, потому что даже самый здоровый человѣкъ не въ состояніи съѣдать черезъ каждые 1—2 часа по фунту мяса.

Тамошніе поселенцы жили, повидимому, въ полномъ довольствѣ. Объ этомъ свидѣтельствовали не только хорошая пища, но и хорошая, а часто и роскошная, обстановка комнатъ, состоящая изъ занавѣсей, ковровъ, дивановъ и проч. Женщины носятъ постоянно такія платья, какія въ Европейской

Россіи не многія одѣваютъ даже по праздникамъ.

Самое лучшее впечатлѣніе производили поселенія старовѣровъ, которыхъ легко было отличить по ихъ наружности. Рѣдко гдѣ я встрѣчалъ такъ много красивыхъ женщинъ и представительныхъ мужчинъ, какъ между ними. Къ этимъ красавицамъ я долженъ причислить также одну очень старую дѣвицу, которая сдѣлала мнѣ маленькую смѣшную сцену. Благородными чертами лица, изящной фигурой и осанкой этой крестьянки могла бы гордиться и любая княгиня. Она явилась лишь тогда, когда узнала, что я снялъ молодого крестьянина и его жену. Одѣтая въ платье, которое ей было очень къ лицу, она усѣлась на стулѣ у окна и приняла очень важный видъ. Когда аппаратъ былъ уже готовъ, она вдругъ спросила, сколько будутъ стоить карточки и когда онѣ будутъ готовы. На мой же чистосердечный отвѣтъ, что о послѣднемъ я еще и самъ не знаю и что я снимаю только для своего удовольствія, она обидѣлась и, не говоря ни слова, оставила комнату.

Случай, характеризующій сибирскія условія, произошелъ со мной въ одной де-

ревнѣ. Какъ только я прибылъ въ нее, ко мнѣ явился деревенскій староста, украшенный форменной цѣпью, и обратился ко мнѣ со слѣдующими словами: «Ваше высокородіе! Имѣю честь доложить, покойница лежитъ въ послѣднемъ домѣ деревни, въ томъ же неизмѣнномъ видѣ, какъ я нашелъ ее четыре недѣли тому назадъ». Оказалось, что меня приняли за уѣзднаго врача, котораго ожидали уже три недѣли по случаю убійства жены одного ссыльнаго. Ея трупъ хранили въ замороженномъ видѣ уже цѣлый мѣсяцъ для вскрытія.

Въ тѣхъ далекихъ странахъ я встрѣчалъ также слѣды дѣятельности Нѣмцевъ. Это было у рѣки Чикоя, когда я проѣзжалъ мимо водяной мельницы, освѣщенной электрическими лампочками. Крестьянинъ, везшій меня, отвѣтилъ на мой вопросъ, кому принадлежитъ эта мельница: «Тамъ живетъ Нѣмецъ онъ выдумалъ себѣ такой свѣтъ». Я, конечно, приказалъ остановиться, чтобы посѣтить земляка, но какая-то старушка, къ сожалѣнію, сообщила мнѣ, что ея баринъ уѣхалъ.

Недалеко отъ рѣки Чекоя возлѣ деревни Кирана находились дачи богатыхъ кяхтин-

скихъ купцовъ, но ни наружный видъ дачъ, ни окрестности ихъ не были хороши. Все же изъ всѣхъ окрестностей Кяхты мѣстность у Кирана принадлежитъ къ самымъ лучшимъ. По крайней мѣрѣ тамъ попадаются иногда деревья и кусты, между тѣмъ какъ на разстояніи многихъ миль вокругъ города тянутся однѣ лишь голыя степи.

Деревня Киранъ, расположенная на возвышенности, имѣетъ печальный видъ, такъ какъ половина домовъ ея развалена и разброшена. Многіе изъ ея жителей въ послѣдніе годы переселились въ Кяхту, чтобы наняться тамъ въ работники. Жителямъ, оставшимся въ Киранѣ, жилось не плохо. Объ этомъ свидѣтельствовало хозяйство крестьянина, у котораго была отведена земская квартира. Въ особенности комната для проѣзжающихъ была такъ уютна, какъ мнѣ не приходилось видѣть въ Сибири ни раньше, ни впослѣдствіи. Ковры, бѣлоснѣжныя занавѣсы, картины, писанныя масляными красками, цвѣты и даже большая кровать съ пологомъ придавали ей видъ европейской комнаты. Несмотря на это, я провелъ тамъ только два часа. Въ 20 верстахъ отъ Кяхты мнѣ уже не хотѣлось останавливаться. Послѣ хоро-

шаго ужина и продолжительнаго разговора съ мѣстнымъ священникомъ, который, узнавъ о моемъ прибытіи, полюбопытствовалъ увидѣть меня, я покинулъ уютную комнату, чтобы проѣхать еще ночью послѣднее разстояніе до Кяхты, или, лучше говоря, до Троицкосавска.

Кяхта уже по одному своему названію принадлежитъ къ наиболѣе извѣстнымъ городамъ Сибири, а все же въ ней не болѣе тридцати домовъ, такъ какъ тамъ живутъ только крупные торговцы со своими служащими. Въ сущности это только предмѣстье Троицкосавска, который лежитъ въ трехъ верстахъ къ сѣверо-западу, у караванной дороги, и имѣетъ около 7.300 жителей. Правда, городъ этотъ обязанъ своимъ существованіемъ предмѣстью, представляющему самое большое складочное мѣсто чая въ сѣверной Азіи.

У кого нѣтъ частныхъ рекомендацій, тотъ не найдетъ въ Кяхтѣ пріюта. Въ Троицкосавскѣ же была «гостиница», принадлежавшая одному пожилому Поляку, который устроилъ во флигелѣ своего бревенчатаго дома три комнаты для проѣзжающихъ.

Послѣ обычныхъ визитовъ начальствую-

щимъ лицамъ, я сѣлъ въ «бестужевку», чтобы осмотрѣть Кяхту и Маймачинъ.

Послѣ недолгой ѣзды засверкали на солнцѣ куполы большихъ церквей, по роскоши которыхъ уже можно судить о богатствѣ кяхтинскаго купечества. Скоро показались и бѣлые скромные дома; лошади помчали насъ по широкой главной улицѣ, мимо жалкихъ садовъ, къ дому начальника таможни, а отъ него, въ сопровожденіи переводчика, въ китайскій пограничный городъ Маймачинъ.

Интересно осмотрѣть этотъ единственный чисто-китайскій городъ на сѣверѣ государства. Купцы—единственные обитатели города — устроили себѣ свой временный очагъ совсѣмъ какъ у себя на родинѣ, такъ что Маймачинъ больше походитъ на китайскій городъ, нежели бóльшая часть Пекина, устройство котораго носитъ манчжурскій характеръ. Дома, какъ и на востокѣ, мало были видны. По обѣимъ сторонамъ улицы тянулись высокіе заборы. Только черезъ ворота, надъ которыми находится тяжелая выгнутая крыша, были видны передній дворъ и лавки, фасады которыхъ украшены рѣзьбой изъ дерева. За лавками находились жилыя помѣщенія.

Въ особенности красивы ворота, ведущія

въ храмъ и въ управленіе округа. Въ обширномъ переднемъ дворѣ стояли высокія мачты для флаговъ. Между ними лежало нѣсколько десятковъ маленькихъ мортиръ допотопной конструкціи, изъ которыхъ стрѣляютъ въ праздники для потѣхи жителей, хотя онѣ и могутъ ихъ подвергнуть опасности.

Храмъ былъ переполненъ украшеніями и лишенъ всякаго вкуса, какъ и большинство китайско-буддійскихъ капищъ. Въ немъ была пропасть сказочныхъ изображеній животныхъ и идоловъ. Главнымъ предметомъ поклоненія былъ исполинскій Будда въ видѣ бородатаго героя, одного изъ тѣхъ, которые играютъ въ китайской героической исторіи большую роль и какими еще и нынѣ ихъ представляютъ на сценѣ.

Болѣе достоенъ вниманія, нежели Маймачинъ, это дворъ для склада чая, находящійся на русской территоріи, возлѣ самой границы. Онъ — четыреугольный и окруженъ высокими амбарами, изъ которыхъ каждый имѣетъ около 400 шаговъ длины. На каждой сторонѣ находятся громадныя ворота, украшенныя колоннами; середина двора занята низкими складами.

Передъ воротами и во дворѣ кипѣла жизнь.

На южной монгольской сторонѣ стояло и лежало множество навьюченныхъ верлюдовъ и запряженныхъ въ нагруженныя двухколесныя повозки воловъ.

Надъ главными воротами съ монгольской стороны висѣла громадная икона, какъ указаніе на то, что чай ввозится въ христіанское государство.

Несмотря на то, что въ послѣднія десятилѣтія перевозка чая моремъ постепенно увеличивается, приблизительно половина всего вывозимаго изъ Китая чая отправляется въ Европу черезъ Сибирь.

XII.

Въ окрестностяхъ Байкальскаго озера.

Изъ Кяхты къ Байкальскому озеру ведутъ двѣ дороги. Почтовая дорога идетъ черезъ города Селенгинскъ и Верхнеудинскъ въ долинѣ Селенги, потомъ на юго-востокъ отъ Байкальскаго озера она огибаетъ Хамаръ-Дабанскія горы и такимъ образомъ дѣлаетъ большой кругъ. Второй путь гораздо короче; эта караванная дорога, проложенная купцами черезъ ущелье тѣхъ же горъ.

Цѣлью моего дальнѣйшаго путешествія былъ храмъ великаго ламы возлѣ Гусинаго Озера, находящагося въ степи, недалеко отъ Селенгинска. Я ѣхалъ по почтовой дорогѣ и прибылъ въ этотъ городокъ послѣ ночи ѣзды.

Какимъ образомъ могъ образоваться этотъ городъ—осталось для меня загадкой, потому

что та часть степи, въ которой онъ расположенъ, принадлежитъ къ самымъ неплодороднымъ и пустыннымъ. Далеко вокругъ тянется песчаная, нѣсколько волнистая мѣстность, покрытая кое-гдѣ только скудной травой. Почтовая дорога, проходящая черезъ городъ, составляетъ его главную улицу. Параллельно съ послѣдней идутъ еще нѣсколько улицъ, вдоль которыхъ 900 жителей Селенгинска построили свои низенькіе бревенчатые дома. Двухъэтажнымъ былъ только домъ начальника округа. Дацанъ находится въ южной части Гусинаго Озера, имѣющаго около 20 верстъ длины. Главный храмъ значительно возвышается надъ окружающими его капищами и бревенчатыми домами, изъ которыхъ только немного выдѣляется жилище хамбо-ламы — такъ называется верховный бурятскій лама.

Въ сопровожденіи нѣсколькихъ ламъ я отправился осматривать городъ храмовъ. Въ Забайкальѣ планъ и стиль всѣхъ зданій въ такихъ городахъ совершенно одинаковы. Города храмовъ отличаются одинъ отъ другого только величиной.

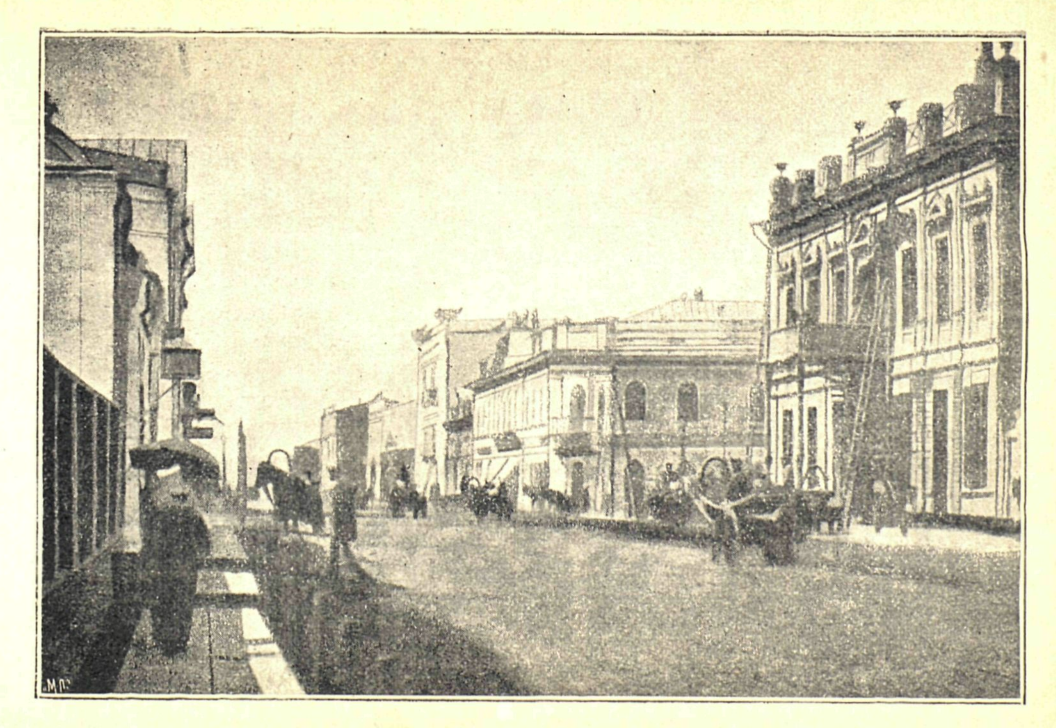
Всѣ строенія обнесены, какъ требуетъ уставъ, высокимъ частоколомъ, за которымъ

на первомъ планѣ находятся бревенчатые домики или юрты монаховъ и другія мірскія строенія. Они окружаютъ зданія храмовъ, но отдѣлены отъ послѣднихъ кирпичной стѣной, выкрашенной въ бѣлый цвѣтъ. Четыреугольный дворъ, на которомъ находятся храмы, очень великъ и можетъ вмѣстить въ себѣ огромныя толпы богомольцевъ, собирающихся въ большіе праздники въ дацанъ. Они разбиваютъ свои палатки между домами или вблизи наружной стѣны. Женщинамъ разрѣшается почевать только внѣ послѣдней.

Стиль бурятскихъ храмовъ китайскій, но лучше послѣдняго, такъ какъ онъ значительно упрощенъ. Выгнутыя крыши не придавливаютъ строеній, какъ это бываетъ въ китайскихъ капищахъ, кровельные коньки и колонны не обременены украшеніями въ видѣ драконовъ, а живопись и рѣзьба часто классически просты и красивы.

Главный храмъ, возлѣ жилища великаго ламы, представляетъ трехъэтажное четыреугольное зданіе, верхній этажъ котораго, какъ и въ китайскихъ капищахъ, суживается.

Типическими въ бурятскихъ храмахъ мнѣ показались галлереи, окружающія оба нижніе этажа. Карнизы были украшены кра-

Улица въ Иркутскѣ.

сивыми орнаментами, расписанными зеленою, голубою и золотистою красками по темно-красному фону, и большими, круглыми позолоченными металлическими пластинками съ выпуклыми на нихъ изображеніями буддъ.

Круглыя деревянныя колонны, поддерживающія по обѣимъ сторонамъ главнаго входа крышу, были выкрашены въ бѣлый цвѣтъ. Какъ круглыя, низкія основанія колоннъ, такъ и четыреугольныя верхушки ихъ не имѣли никакихъ украшеній. Устройство храма на рѣдкость просто.

Высокія молельни, занимающія все пространство въ каждомъ этажѣ, были просторны. Въ другихъ храмахъ съ потолковъ свисала масса длинныхъ флаговъ, украшенныхъ вышитыми изображеніями буддъ; здѣсь же они служили только украшеніемъ стѣнъ. Статуй буддъ также было сравнительно мало.

Въ залѣ нижняго этажа, который двумя рядами красныхъ круглыхъ колоннъ раздѣляется на три отдѣленія, находились въ концѣ средняго изъ нихъ въ стеклянномъ шкафу на высокой подставкѣ одна большая и множество мелкихъ фигуръ буддъ. Передъ этимъ шкафомъ стоялъ, какъ и вездѣ, столъ со священными сосудами.

Въ нѣсколькихъ шагахъ отъ него находилось сидѣнье великаго ламы, отличающееся тѣмъ, что оно выложено пятью четыреугольными плоскими подушками. Каждому званію ламъ присвоено опредѣленное число подушекъ, на которыхъ они сидятъ. Возрожденный святой имѣетъ ихъ семь, слѣдующій за нимъ лама — пять, и такъ, смотря по званію ламы, число подушекъ понижается до одной. Имѣющій право сидѣть на трехъ подушкахъ можетъ занимать отдѣльный стулъ. У кого же подушекъ менѣе трехъ, тотъ занимаетъ мѣсто на скамейкѣ вмѣстѣ съ другими.

Устройство какъ сидѣній ламъ, такъ и главнаго алтаря, а также многія церемоніи во время богослуженія напоминаютъ римско-католическую церковь. Поэтому предположеніе, что тибетское духовенство переняло иное отъ католическихъ миссіонеровъ, проповѣдывавшихъ въ Китаѣ еще во времена Хубилай-хана, кажется основательнымъ.

Въ храмахъ ежедневно совершаются богослуженія, на которыхъ присутствуютъ только молодые ламы и монастырскіе ученики.

Во время хорала—такъ называется богослуженіе—играютъ на роговыхъ или мѣдныхъ

трубахъ длиною около двухъ метровъ. Звуки ихъ непріятны, но сильны.

Изъ второстепенныхъ храмовъ у Гусинаго Озера замѣчательны только два. Въ одномъ изъ нихъ, пестро, но со вкусомъ расписанномъ, находилось искусная рѣзьба изъ дерева, представлявшая стоящаго подъ деревомъ Будду въ тотъ моментъ, когда онъ во время своихъ размышленій достигаетъ познанія истины. Въ вѣтвяхъ дерева виднѣется множество добрыхъ духовъ.

Второе строеніе еще издали обращаетъ на себя вниманіе своей вышиной. Въ немъ стоитъ огромная деревянная вызолоченная статуя Майдари. Хотя высота ея достигаетъ 10 метровъ, все же она тщательно сдѣлана въ индійскомъ вкусѣ. Она воздвигнута лишь нѣсколько лѣтъ тому назадъ и ясно свидѣтельствуетъ о томъ, какія жертвы еще и нынѣ приносятся Бурятами для прославленія своей вѣры.

На слѣдующее утро я покатилъ къ Хамаръ-Дабану, вершины котораго уже виднѣлись на горизонтѣ.

Послѣ двухъ часовъ ѣзды по степи, поросшей только кое-гдѣ тощими терновыми кустарниками, но оживленной множествомъ

улусовъ и стадъ, мы достигнули долины Темника, притока Селенги. Долина эта ведетъ къ тому ущелью, въ которомъ кяхтинскіе купцы провели караванную дорогу къ Байкальскому озеру.

Противъ ожиданія дорога оказалась вовсе не трудной. На всѣхъ станціяхъ, какъ и на всемъ ея разстояніи, кипѣла жизнь, въ особенности въ Удингѣ, гдѣ начинался санный путь, вслѣдствіе чего чай перегружался съ повозокъ въ сани.

Караваны, состоящіе изъ 200, 300 и болѣе саней, медленно подвигавшіеся впередъ по узкому ущелью, между скалами, не могли намъ уступить дороги. Поневолѣ и намъ приходилось ѣхать тѣмъ же шагомъ до тѣхъ поръ, пока путь не расширялся и не давалъ возможности объѣхать караванъ.

Байкальскія горы чудо какъ хороши! Свѣтъ снѣга и луны ярко освѣщали крутые откосы и верхушки горъ. Только иногда показывалась мрачная, обросшая лѣсомъ зіяющая пропасть, изъ которой доносились какіе-то непонятные, мелодичные звуки, къ которымъ присоединялись шумъ нескованныхъ еще морозомъ горныхъ ручьевъ и шопотъ великановъ-деревьевъ дѣвственнаго лѣса.

На разсвѣтѣ показались вдали темныя воды озера, а вскорѣ до нашего слуха донеслось бушеваніе его волнъ. Когда утренняя заря озарила своимъ розовымъ свѣтомъ замерзшій берегъ, мы въѣзжали въ деревню Мысову.

Судоходство по Байкалу еще не прекратилось, и я могъ разсчитывать достигнуть противоположнаго берега въ тотъ же вечеръ. Мнѣ передавали, что на почтовомъ трактѣ вдоль южнаго берега озера природа представляетъ много красотъ, но дорога эта сопряжена съ большими затрудненіями и, пожалуй, даже съ опасностью.

Около полудня большой и хорошо устроенный пароходъ *Яковъ* бросилъ якорь у Мысовы.

Когда вечерніе лучи солнца покрыли багровымъ свѣтомъ снѣжныя вершины горъ, круто возвышающихся на южной сторонѣ озера надъ его зеркальной поверхностью, мы уже прорѣзывали необыкновенно прозрачныя, темно-зеленыя воды. Бушующія и гонимыя вѣтромъ волны озера гораздо дольше противятся сибирской зимѣ, нежели прочія воды. Байкалъ и вытекающая изъ него Ангара за-

мерзаютъ только въ январѣ, а въ апрѣлѣ уже снова прорываютъ свои ледяныя оковы.

Байкалъ со своими дикими скалистыми берегами принадлежитъ къ лучшимъ красотамъ Сибири. Мнѣ приходилось видѣть ужь не одинъ гористый морской берегъ, но рѣдко я испытывалъ такое чувство, вызываемое могучей силой природы, какъ на Байкалѣ.

Якуты называютъ его «Байехаль», Буряты же—«Далай-Норъ». Значеніе этихъ словъ—«безконечное море» — пойметъ всякій, кто представитъ себѣ это могучее озеро длиною въ 630 верстъ, а шириною мѣстами въ 80 слишкомъ верстъ.

Байкалъ для окрестныхъ жителей составляетъ неистощимый источникъ жизненныхъ припасовъ. Его рыбное богатство не меньше, чѣмъ прочихъ сибирскихъ водъ. Главную добычу рыбаковъ составляютъ осетры и семги. Больше же всего ловятъ рыбу омуль (salmo migratocius) — родъ семги, которую продаютъ въ соленомъ и копченомъ видѣ. Рыба эта нѣсколько больше остзейскихъ сельдей, но гораздо вкуснѣе послѣднихъ. Тюлени также въ большомъ количествѣ водятся на берегу и островахъ и обогащаютъ собою тунгузскую кухню.

Байкалъ, происхожденіе котораго приписываютъ вулканическимъ вліяніямъ *), лежитъ, какъ извѣстно, гораздо выше областей, тянущихся къ западу отъ него за окружающимъ его горнымъ кряжемъ. Такъ, напримѣръ, Ангара, вытекающая изъ Байкала, на разстояніи отъ озера до Иркутска падаетъ почти на 100 метровъ. Если когда-нибудь землетрясеніе, часто колеблющее дно озера, уничтожитъ природную каменную набережную, то для Иркутска настанетъ послѣдній часъ.

На западномъ берегу, недалеко отъ истока Ангары, находится пароходная пристань Лиственничная, которая до сихъ поръ служитъ пограничной таможней.

На закатѣ термометръ показывалъ уже — 31° С. Подъ вліяніемъ такого холода изъ быстро текущихъ водъ поднялся густой туманъ

---

*) Среди туземцевъ существуетъ преданіе, что верхняя Ангара, впадающая въ Байкалъ съ сѣвера, и Ангара, вытекающая изъ озера на юго-западѣ, нѣкогда составляли одну рѣку. Во время одного землетрясенія горы провалились и образовалось озеро. Исчезнувшія горы назывались Байга-галь, т.-е. „стоячій огонь“. Такое названіе носятъ еще до сихъ поръ горы у устья Ангары. Озеро также получило свое названіе по вулканамъ.

такъ что рѣка окуталась непроницаемой мглой.

На другой день мы достигли восточныхъ воротъ Иркутска, выстроенныхъ въ видѣ тріумфальной арки съ величественной надписью: «Путь къ Тихому Океану».

XIII.

Отъ Иркутска до Урала.

Иркутскъ, имѣющій въ настоящее время 50.000 жителей, безъ сомнѣнія наилучше устроенный и самый большой городъ въ Сибири.

Большинство улицъ находится въ довольно первобытномъ состояніи, а большая часть домовъ и въ Иркутскѣ представляетъ болѣе или менѣе неуклюжія деревянныя постройки. Только на главныхъ улицахъ то тутъ, то тамъ попадаются многоэтажныя массивныя постройки милліонеровъ, смотрящія точно съ препебреженіемъ на невзрачные сосѣдніе дома. Но и между ними немного красивыхъ домовъ, какіе бываютъ въ большихъ европейскихъ городахъ. Зато публичныя зданія въ Иркутскѣ заслуживаютъ полнаго вниманія. Нѣсколько училищъ, благотворительныя учре-

жденія, театръ, музей и зданіе государственнаго банка дѣлаютъ честь ихъ архитекторамъ.

Музей какъ по наружному виду, такъ и по внутреннему устройству гораздо лучше, чѣмъ въ Читѣ. Жаль только, что находящееся въ немъ не совсѣмъ соотвѣтствовало внѣшнему виду. Коллекціи показались мнѣ довольно бѣдными и не содержались въ должномъ порядкѣ. Все же я не въ правѣ плохо отозваться о молодомъ учрежденіи, возникшемъ исключительно благодаря добровольнымъ пожертвованіямъ и научнымъ интересамъ горожанъ.

Жизнь на главныхъ улицахъ производила впечатлѣніе большого города. По деревяннымъ тротуарамъ двигалась взадъ и впередъ суетившаяся толпа мимо витринъ-часто даже изящныхъ—съ богатыми товарами, чего, за исключеніемъ Владивостока, я нигдѣ не видѣлъ въ Сибири. По улицамъ мчалось множество извозчиковъ не хуже, чѣмъ въ Петербургѣ. Между ними медленно тащились по скрипучему снѣгу одноконныя, нагруженныя товаромъ, ломовыя сани.

Иркутскъ до сихъ поръ считается первымъ торговымъ городомъ Сибири. Оттуда

многіе изъ самыхъ богатыхъ золотопромышленниковъ управляютъ своими дѣлами; тамъ живутъ крупные торговцы, снабжающіе товарами все Забайкалье, Сѣверо-Восточную Сибирь, Монголію, а частію и Приамурскій край; тамъ ожидаютъ своего окончательнаго назначенія караваны съ товарами, направляющіеся на востокъ и на западъ.

Иркутскъ какъ прежде, такъ и теперь, самый большой складочный пунктъ товаровъ въ Сѣверной Азіи. Но сохранитъ ли онъ и въ будущемъ за собой то же положеніе, когда будетъ окончена желѣзная дорога отъ Балтійскаго моря до Тихаго Океана? — это вопросъ, который въ послѣднее время часто разбирался и на который многіе давали отрицательный отвѣтъ.

Мой амурскій знакомый, съ которымъ я снова встрѣтился на Байкалѣ, предложилъ мнѣ ѣхать дальше. Мы сообща купили за 30 руб. полузакрытыя сани и отправились въ путь при —36° С.

Я хочу избавить читателя отъ подробнаго описанія нашего тринадцатидневнаго пути до Томска. Хорошаго ничего не было. Оставивъ за собой Иркутскъ съ его многочисленными куполами церквей, сверкавшими на

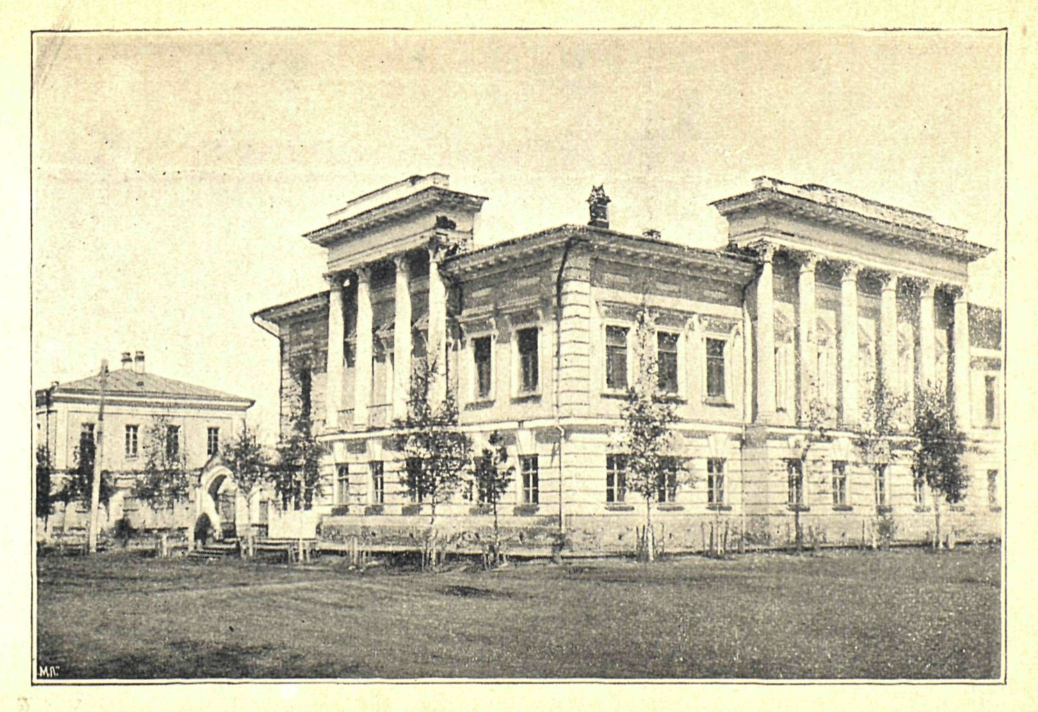
солнцѣ, и промчавшись мимо находящагося въ нѣсколькихъ верстахъ отъ города монастыря въ честь святаго Иннокентія, *) мы все время, днемъ и ночью, ѣхали по глухому почтовому тракту.

Отъ Иркутска до Красноярска торговая дорога ведетъ черезъ гористую мѣстность. Это отроги Саянскихъ горъ, тянущіеся къ сѣверной низменности. На этомъ пути мѣстность скучная до унынія.

Особенно скучной показалась мнѣ дорога до Нижнеудинска. Возвышенности и болотистыя долины были покрыты плохимъ разоренымъ лѣсомъ, деревни были бѣдны, пахатныхъ полей встрѣчалось мало. Дальше видъ дѣлался нѣсколько лучше. Еловые, кедровые и лиственничные лѣса, покрывавшіе большія равнины, еще мало пострадали отъ топора, а поселенія имѣли видъ болѣе зажиточный. Иныя изъ нихъ тянулись по ущельямъ, и въ такихъ мѣстахъ впечатлѣніе однообразія, которое производятъ бревенчатые дома, расположенные по обѣ стороны поч-

---

*) Это былъ первый Иркутскій епископъ (1727—1731 г.). Когда въ 1801 г. при вскрытіи его гроба оказалось, что тѣло его не истлѣло, онъ былъ причисленъ къ лику святыхъ.

Архіерейскій домъ въ Томскѣ.

товаго тракта, нѣсколько смягчается природой.

Въ большинствѣ поселеній Западной Сибири, черезъ которыя я проѣзжалъ, царствовала та же мертвая тишина, поразившая меня еще по ту сторону Байкала.

Въ городкѣ Канскѣ мы остановились на полдня. И это мѣстечко не привлекало къ отдыху, но тамъ прекращалась санная дорога.

Во время дальнѣйшаго пути до Томска невозможно было придумать большихъ непріятностей. Повозку нужно было мѣнять черезъ каждые три часа, и при этомъ намъ лично приходилось наблюдать за перегрузкой нашего багажа, такъ какъ въ противномъ случаѣ вѣсъ его, навѣрно, сильно убавился бы, пока онъ дошелъ бы до желѣзной дороги. Хотя холодъ нѣсколько и уменьшился, но былъ все еще очень основателенъ, въ дырявомъ же высокомъ почтовомъ тарантасѣ вдвое чувствительнѣе.

На седьмыя сутки мы достигли Красноярска. Первая гостиница этого города была самая грязная изо всѣхъ видѣнныхъ мною въ Сибири, а это ужь много значитъ. Но все же была гостиница, въ которой мы полу-

чили отдѣльный номеръ и даже одинъ матрацъ.

Красноярскъ одинъ изъ лучшихъ городовъ Сибири. Расположенный на полуостровѣ, омываемомъ Енисеемъ и его небольшимъ притокомъ Качеемъ, онъ составляетъ главный центръ Енисейской губерніи. Послѣ пожара, почти совсѣмъ уничтожившаго въ 1881 г. этотъ городъ, онъ возсталъ въ новомъ лучшемъ видѣ.

У Красноярска ширина Енисея достигаетъ 3¼ верстъ и онъ раздѣляется на два рукава. Этимъ онъ теряетъ въ могуществѣ, за то пріобрѣтаетъ живописную прелесть. Въ особенности лѣтомъ покрытые лѣсомъ и кустарникомъ острова, между которыми вода мчится со страшной силой, представляютъ несомнѣнно прекрасную картину на фонѣ возвышенностей, выступающихъ на крутомъ правомъ берегу рѣки.

Бассейнъ Енисея поражаетъ не только огромной площадью водяной сѣти и длиной его притоковъ, но и тѣмъ, что послѣдніе могли бы быть соединены каналами съ прочими рѣками Западной Сибири.

Весьма возможно, что черезъ нѣсколько десятковъ лѣтъ пароходы будутъ ходить изъ

Волги въ Байкальское озеро. Ужь не одинъ проектъ въ этомъ родѣ предлагали изобрѣтательные инженеры.

Вытекающая изъ Байкала Ангара впадаетъ въ Енисей, который па широтѣ Красноярска довольно близко подходитъ къ Чулыму, большому притоку Оби. Система же послѣдней близко подходитъ и къ Уралу, и къ Волгѣ. Если же принять во вниманіе, что и искусственное соединеніе Байкальскаго озера съ Амуромъ при помощи забайкальскихъ водъ является дѣломъ возможнымъ, то мысль провезти товары дешевымъ водпымъ путемъ изъ Европейской Россіи напрямикъ черезъ всю Сибирь нельзя назвать безразсудной.

Томскъ, одинъ изъ самыхъ привѣтливыхъ городовъ внутренней Сибири. *) Опъ расположенъ по гористому берегу широкой рѣки Тома и потому не имѣетъ той правильности построекъ, которая большинству сибирскихъ городовъ придаетъ скучный, однообразный видъ. Его строенія большею частью окружены деревьями и весною, когда березы зеленѣютъ,

---

*) Въ 1893 г. въ Томскѣ было 46.000 жителей. Благодаря его географическому положенію, въ немъ происходятъ значительныя ярмарки.

городъ представляетъ, вѣрно, очень красивый видъ.

Изъ его общественныхъ зданій первое мѣсто занимаетъ университетъ, единственный во всей Сибири.

Отъ Томска до Оби я ѣхалъ, какъ выражается Сибирякъ, «по веревкѣ». Въ Западной Сибири, гдѣ движеніе такъ велико, что почта не въ состояніи удовлетворить всѣхъ проѣзжающихъ, перевозкой ихъ занимаются также крестьяне. Такимъ образомъ путешественникъ ѣдетъ отъ одной деревни до другой и проѣзжаетъ свой путь скорѣе, а часто и пріятнѣе, нежели на почтовыхъ.

Приблизительно въ 200 верстахъ отъ Томска на лѣвомъ берегу Оби, нѣсколько южнѣе уѣзднаго городка Колывани, находится желѣзнодорожная станція Кривощекова.

Западно-Сибирская желѣзная дорога тянется довольно прямой линіей отъ Омска до Красноярска, такъ что Томскъ остается къ сѣверу отъ нея и будетъ соединенъ съ главной магистралью особой вѣтвью.

До сихъ поръ главный почтовый и торговый трактъ проходилъ черезъ Томскъ. Вдоль этого тракта находится много поселеній, основанныхъ какъ по собственному же-

ланію поселенцевъ, такъ и по распоряженію правительства. Жителямъ, повидимому, жилось хорошо, хотя они мало занимались сельскимъ хозяйствомъ. Дорогу отъ Томска до Кривощековой я проѣхалъ въ 26 часовъ.

Въ небольшомъ селѣ Кривощековѣ, лежащемъ на лѣвомъ берегу рѣки, число жителей со времени постройки дороги увеличилось вчетверо.

Кому не приходилось въ продолженіе многихъ мѣсяцевъ ѣздить или ходить по сибирской глуши, кто лично не испыталъ тамошнихъ дорогъ, повозокъ, почлеговъ и всевозможныхъ неудобствъ, тотъ наврядъ ли можетъ оцѣнить то благодѣяніе, которое оказывается постройкой желѣзной дороги всѣмъ отправляющимся въ тѣ мѣстности. Я никогда не забуду чувства, охватившаго меня при видѣ вокзала въ Кривощековѣ. Ярко освященный залъ, который свободно можетъ вмѣстить въ себѣ нѣсколько сотъ человѣкъ, хорошій буфетъ, длинный столъ, накрытый бѣлой скатертью, и одѣтые во фраки лакеи —все это производитъ сильное впечатлѣніе на человѣка, пріѣхавшаго изъ глубокой Азіи.

Близъ Кривощекова кончаются послѣдніе отроги восточныхъ горныхъ хребтовъ. Рѣка

Обь составляетъ границу между горной мѣстностью Средней Сибири и обширными степями, которыя тянутся къ западу до самыхъ Уральскихъ горъ. Полотно дороги проходитъ по плодороднымъ черноземнымъ равнинамъ, покрытымъ густой травой и орошаемымъ многочисленными рѣками и озерами. Лѣсовъ совсѣмъ не видно. Путешественники не могутъ нахвалиться роскошнымъ видомъ, какой представляютъ весною киргизскія степи.

Послѣ 75 часовъ ѣзды мы достигли Европейской Россіи у Челябинска возлѣ Урала. Уральскія горы мы проѣхали въ одинъ день. Онѣ представляютъ много прекрасныхъ видовъ.

Черезъ сутки ѣзды по обширнымъ плодороднымъ равнинамъ мы переѣхали Волгу по гигантскому мосту возлѣ Сызрани. Затѣмъ мы пронеслись черезъ темные хвойные пензенскіе лѣса и мимо многихъ промышленныхъ селъ и городовъ, миновали Тулу, и наконецъ показалась матушка Москва съ ея многочисленными соборами и церквами, куполы которыхъ еще издали ярко сверкали на солнцѣ.

ВЪ КНИЖНОМЪ МАГАЗИНѢ ПРИ УНИВЕРСИТЕТСКОЙ ТИПОГРАФІИ

Москва, Страстной бульваръ

и на станціяхъ желѣзныхъ дорогъ продаются:

Апраксинъ А. **Пятнадцать разсказовъ**, ц. 1 р.
Балькомбъ. **Императоръ въ плѣну**, ц. 50 к.
Бурже П. **Путешественница**, ц. 1 р.
„ **Вторая любовь**, ц. 50 к.
„ **Три новеллы**, ц. 1 р.
Бѣляевъ И. **Искушеніе**, ц. 1 р. 50 к.
Васюковъ С. **Карьеристы и Идеалисты**, ц. 1 р. 25 к.
Вернъ. М. **Въ чужихъ краяхъ**, ц. 1 р.
„ **Письма изъ Италіи**, ц. 1 р. 25 к.
„ **Прогулка по Средиземному морю**, ц. 1 р. 25 к.
„ **Современная Японія.** Изъ записной книжки моряка, ц. 1 р.
Германъ Г. **Орелъ Джо**, ц. 1 р.
Гульбатъ. **Сборникъ грузинскихъ легендъ**, ц. 1 р. 25 к.
Дмитріевъ Н. **Императорская оперная сцена**, ц. 30 к.
Дубровина Е. **Безъ вины расплата**, ц. 1 р.
„ **Побѣда любви**, ц. 1 р.
Дьяковъ, А. (Житель). **Рублевая деревня**, ц. 1 р.
„ **Денежная оргія**, ц. 1 р. 50 к.
„ **Кружковщина.** Разсказъ, изд. 3-е, ц. 1 р.
„ **Сусальныя звѣзды.** Книга раздора, ц. 1 р.
„ **Разсказы**, изд. 2-е, ц. 1 р. 50 к.
„ **Головка красавицы.** Разсказы, изд. 2-е, ц. 1 р. 50 к.
„ **Наши дамы.** Изд. 2 е, ц. 1 р.
Жоржъ-Онэ. **Король Парижа**, ц. 1 р. 20 к.
Жипъ. **Замужество Коризы**, ц. 75 к.
Зола, Э. **Лурдъ**, ц. 1 р. 25 к.
„ **Жаба**, ц. 40 к.
„ **Парижъ**, ц. 1 р. 50 к.
Кудрявцевъ П. **Повѣсти и разсказы**, ц. 1 р. 50 к.
Кусторубовъ. **Неронъ и Башкирцева**, ц. 20 к.
Коллинзъ. **Бѣдная миссъ Финчъ**, ц. 1 р. 50 к.
„ **Законъ и женщина**, ц. 1 р. 50 к.
„ **Двѣ судьбы**, ц. 1 р.
Мало Г. **Сообщники**, ц. 75 к.

Мэллокъ. **Соціальное равенство**, ц. 1 р.
Мэллеръ. А. **Приключеніе химика**, ц. 75 к.
Михайловъ А. **Милые бездѣльники**, 2-е дополненное изданіе; ц. 1 р. 25 к.
" **Бездомники**. Романъ, 2 т., ц. 2 р.
" **Эсѳирь**. Историческая повѣсть изъ древне-персидской жизни, ц. 1 р. 25 к.
" **Алчущіе**, въ 2-хъ том., ц. 2 р.
Михайловъ. М. **Адамъ Адамычъ**, ц. 1 р. 25 к.
Нащекина. **Проклятіе**, ц. 75 к.
Невѣжинъ П. **Промчавшаяся невзгода**, ц. 1 р.
Ожешко Э. **Прерванная пѣснь**, ц. 50 к.
Ольшанинъ Д. **Невмѣняемые**, ц. 1 р. 25 к.
Павлищевъ Л. **Воспоминаніе объ А. С. Пушкинѣ**, ц. 2 р.
Прево М. **Таинственный садъ**, ц. 1 р.
Саліасъ Е. Гр. **Тьма**. Исторія мал. челов., ц. 1 р.
" **Крутоярская царевна**. Историческая повѣсть, ц. 1 р. 50 к.
" **Барыни крестьянки**, ц. 2 р.
" **Заира**. Романъ, ц. 1 р. 50 к.
" **Панъ Круль**. Истор. ром., ц. 1 р. 50 к.
" **Былые гусары**. Романъ, ц. 1 р.
" **Искра Божія**, ц. 2 р.
" **Пятое колесо**, ц. 1 р 50 к.
" **Яунъ-Кундзе**. Романъ, ц. 2 р.
" **Камеръ-Юнгфера**. Повѣсть, ц. 1 р.
" **Донскіе гишпанцы**. Историческая повѣсть, ц. 1 р.
" **Самозванка**. (Принцесса Володимірская). Истор. ром., ц. 3 р.
" **Фрейлина Маріи Лещинской**. Повѣсть, ц. 1 р. 50 к.
" **Вѣдунья**. Истор. ром., ц. 1 р. 50 к.
Сенкевичъ Г. **Камо грядеши**, ц. 2 р.
" **Безъ догмата**, ц. 2 р.
Толстой Л. **Что такое искусство**, ц. 60 к.
Фонъ-Риттеръ. **Отзвуки минувшаго**, ц. 1 р.
Эберсъ Г. **Арахна**, ц. 1 р. 25 к.
Юноша К. **Жена съ ярмарки**, ц. 75 к.
Юноша К. **На мостовой**, ц. 75 к.

